

ГАРРИ ГАРРИСОН

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ
ТУННЕЛЬ!

УРА!

TERRA
FANTASTICA

Санкт-Петербург
1993

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Серия основана в 1992 году

Составитель
Андрей Чертков

Гарри ГАРРИСОН

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ
ТУННЕЛЬ!
УРА!**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

TERRA FANTASTICA

**Санкт-Петербург
1993**

ББК 84.7 США
Г 21

Harry Harrison
**A Transatlantic Tunnel,
Hurrah!**

London, 1972

Перевод с английского
Вячеслава Рыбакова
Суперобложка и иллюстрации
Татьяны Опритовой
Менеджмент
Александра Кривцова,
Николая Ютанова

- © «Terra Fantastica», 1993
- © В.Рыбаков, перевод, 1993
- © Т.Опритова, суперобложка и
иллюстрации, 1993
- © А.Белокрылов, оформление серии, 1993
- © А.Чертков, название и составление
серии, предисловие, 1993

Книга изготовлена при участии
экспортно-импортной компании

РоссКо

Санкт-Петербург

ISBN 5-7921-0014-4

TF 014 OL 003

ЧИТАТЕЛЬ!
ВНИМАНИЕ!

Если ты не прочтешь это предисловие, боюсь, в книге ты не поймешь ничего. Или поймешь, но не сразу. Дело в том, что... Впрочем, начну издалека.

Каждая книжная серия, хоть тянущаяся со стародавних времен, хоть совсем новая, имеет свой какой-никакой, но имидж. Наша серия, **Библиотека фантастики «Оверсан»**, такого имиджа, возможно, еще не имеет — всего две книги-то и вышли*. С другой стороны — целых две книги, и на их основании проницательный читатель может сделать два вывода: а) в серии публикуются преимущественно произведения фантастов пусть даже и хорошо известных на Западе, но у нас, скажем так, еще не совсем «открытых»; и б) произведения эти — проблемные, программные и, как минимум, серьезные.

Так вот, оба этих вывода, в принципе справедливых, к данной книге отношения не имеют.

Во-первых, Гарри Гаррисона язык никак не повернется назвать «неоткрытым» в России писателем. Его имя нашим любителям фантастики столь же известно, как, например, имя Джеймса Хэдли Чейза — поклонникам детектива.

* Романы **Грех межзвездный** Филипа Жозе Фармера и **Убийк** Филипа К. Дика.

Во-вторых, роман **Да здравствует Трансатлантический туннель! Ура!**, несмотря на все жанровые и сюжетные атрибуты серьезной НФ, таковой, по сути, не является. Более того — это самое натуральное «стебало», ибо Гаррисон, сохраняя серьезную мину, в полный рост издевается над той уже не слишком актуальной в наше время ветвью НФ, которая именуется научно-технической или «жюльверновской» фантастикой. Однако делает он это настолько тонко и, можно даже сказать, изящно, что многие пассажи в его книге можно принять за чистую монету. Так вот, этого делать как раз и не следует. Многие из описанных Гаррисоном физических процессов, аппаратов и машин ничего общего с реальностью не имеют и иметь не могут — вот как легко и просто золотые паровозы технической фантастики способны задымить головы доверчивым читателям.

На этом, в принципе, можно было бы и закончить эту «вводную», но хочу сообщить еще одно: те из читателей, которые обнаружат наибольшее число намеренных и, быть может, ненамеренных «ляпсусов» автора, его явных и неявных издевательств над классической фантастикой, его тонких и толстых намеков на толстые и тонкие обстоятельства, и пришлют развернутое письмо в издательство, вполне могут рассчитывать на бесплатную бандероль с тремя следующими книгами **Библиотеки «Оверсан»** — романами Роберта Хайнлайна, Томаса Диша и Чарльза Плэтта. Адрес для писем: 191065, Санкт-Петербург, Д-65, а/я 3, «Оверсан-викторина».

Приятного вам чтения!

Автор этой книги, американский писатель Гарри Гаррисон (род. в 1925), принадлежит, несомненно, к числу наиболее известных и уважаемых людей в мире фантастики. И это при том, что он практически не получал престижных НФ премий (а те, что получил, какие-то не вполне «серьезные» — за фильм, снятый по его роману, и за составленную им антологию); что среди его произведений довольно много проходных, а то и просто неудачных; что он, наконец, чрезмерно увлекается безразмерными сериалами — качество, быть может, и полезное с коммерческой точки зрения, но отнюдь не свидетельствующее о его серьезности как писателя. Возможно, в создании такого вот имиджа Гаррисона сыграла свою роль его большая и совершенно бескорыстная работа, направленная на пропаганду этого вида литературы (достаточно сказать, что он — отец-основатель и бесменный президент «World SF» [«Всемирная НФ»] — международной организации, объединяющей профессионалов в области фантастики). Но, скорее всего, это произошло потому, что Гаррисон был одним из первых фантастов, дерзнувшим вторгнуться в такие дотоле почти незатронутые области НФ, как приключенческая и юмористическая фантастика, причем отдельные его произведения были действительно хороши.

Впрочем, по порядку. Начав свою карьеру в конце 40-х годов в качестве коммерческого художника, работавшего преимущественно в области комиксов, Гарри Гаррисон уже в то время был большим

поклонником НФ литературы и лично знал многих известных авторов — благодаря тому, что он, как и они, был членом Нью-Йоркского клуба «Гидра», объединявшего местных профессионалов НФ. Здесь он и познакомился с писателем и редактором Деймоном Найтом, который сначала предложил ему нарисовать несколько иллюстраций для журнала *Worlds Beyond*, а чуть позже опубликовал дебютный рассказ Гаррисона **Rock Diver** [Проникший в скалы, 1951].

В 1953-1954 годах Гаррисон и сам короткое время побыв в роли редактора нескольких второразрядных НФ журналов — *Fantasy Fiction*, *Science Fiction Adventures* и *Rocket Stories* — правда, не под собственным именем, а под псевдонимами Камерон Холл и Уэйрд Кемпферт. (Другими псевдонимами Гаррисона — но уже для литературных публикаций — были Феликс Бойд и Хэнк Демпси).

В 1957 году Гаррисон впервые напечатался в знаменитом журнале *Astounding Science Fiction* — и с этого момента началось его долгое и плодотворное сотрудничество с редактором этого журнала Джоном Кэмпбеллом. Публикацией этой был первый рассказ из приключенческо-юмористического цикла о Джиме Ди Гризе по прозвищу «The Stainless Steel Rat» [в русских переводах прозвище это переводят обычно громоздко и неудобочитаемо — «Крыса из нержавеющей стали», хотя, на наш взгляд, лучше было бы назвать его просто «Стальная крыса»]. Рассказы из этого цикла публиковались в *Astounding* в течение 1957-1960 годов, а затем, в 1961 году, были переработаны в роман, который так и стал называться — **The Stainless Steel Rat** [Стальная крыса]. Джим Ди Гриз, сначала межзвездный преступник-виртуоз, а затем блюститель закона в масштабах всей Галактики, оказался очень популярным героем, поэтому автор еще не раз возвращался к его похождениям — в таких романах, как **The Stainless Steel Rat's Revenge** [Стальная крыса мстит,

1970], **The Stainless Steel Rat Saves the World** [Стальная крыса спасает мир, 1972], **The Stainless Steel Rat Wants You!** [Стальная крыса сделает вас!, 1978], **The Stainless Steel Rat for President** [Стальную крысу — в президенты!, 1982], **A Stainless Steel Rat Is Born** [Стальная крыса появляется на свет, 1985] и **The Stainless Steel Rat Gets Drafted** [Стальная крыса идет в армию, 1987]. Стоит отметить, что в этом сериале наглядно проявились как самые сильные, так и самые слабые стороны Гаррисона-писателя: с одной стороны — искрометный юмор, безудержный динамизм повествования, умение строить парадоксальные сюжетные ходы, а с другой — бесконечные самоповторы и неумение остановиться там, где это требуется. Во всяком случае, последние книги цикла ни в какое сравнение не идут с первоначальной трилогией. Впрочем, Гаррисон собрался вроде бы распрощаться с любимым героем: в марте 1993-го в издательстве «Тог» выходит его сборник **Stainless Steel Visions** [Стальные видения], куда помимо дюжины классических рассказов, написанных писателем за 40 лет карьеры в НФ, входит и не публиковавшаяся прежде повесть **The Golden Years of the Stainless Steel Rat** [Золотые годы Стальной крысы], в которой легендарный супермен решает окончательно уйти в отставку. Что ж, проживем — увидим.

В 1960 году Гаррисон опубликовал еще один роман, которому также суждено было войти в классику мировой НФ литературы — как первоклассному образцу остросюжетной, приключенческой фантастики. Речь идет о романе **Deathworld** [дословно: **Мир смерти**; в русском переводе публиковался под названием **Неукротимая планета**]. Этот роман познакомил читателей с еще одним популярным героем — профессиональным игроком и искателем приключений Язоном Дин Альтом, а также со смертоносной планетой Пирр, природа которой не на жизнь, а на смерть

воюет с вторгшимися на нее людьми. В дальнейшем приключения Язона Дин Альта и пиррян продолжились еще в двух романах — **Deathworld 2** [Мир смерти 2, 1964; в Англии роман выходил под названием **The Ethical Engineer** — **Специалист по этике или Моралист**] и **Deathworld 3** [Мир смерти 3, 1968; на русском языке публиковался под названием **Конные варвары**], а также в небольшом рассказе **The Mothballed Spaceship** [Линкор в нафталине, 1973].

Еще одним (и совершенно блистательным) экспериментом в области юмористической (или, точнее, сатирической) фантастики стал роман **Bill, the Galactic Hero** [Билл, герой Галактики, 1965], в котором Гаррисон вволю потешался над милитаристской НФ, имея главной своей мишенью известный роман Роберта Хайнлайна **Starship Troopers** [Звездная пехота, 1959]. В этой антивоенной книге Гаррисон описывал похождения «бравого солдата» Билла, волею судьбы заброшенного в самое горнило грандиозной межзвездной войны с «кровожадными» инопланетянами. Несмотря на то, что события романа были вполне удачно закольцованы и не предполагали продолжения, 24 года спустя Гаррисон решил вернуться к своему «звездному рейнджеру» и сделал его главным героем нового сериала. Начало сериалу положил роман **Bill, the Galactic Hero on the Planet of Robot Slaves** [Билл, герой Галактики на планете роботов-рабов, 1989], а затем последовали многочисленные продолжения, написанные в соавторстве с другими писателями — с Робертом Шекли (2-я книга: **Bill, the Galactic Hero on the Planet of Bottled Brains** [Билл, герой Галактики на планете мозгов в бутылках, 1990]), Дэвидом Бишоффом (3-я и 5-я книги: **Bill, the Galactic Hero on the Planet of Tasteless Pleasure** [Билл, герой Галактики на планете безвкусных развлечений, 1991] и **Bill, the Galactic Hero on the Planet of Ten Thousand Bars** [Билл, герой Галактики на планете десяти тысяч баров, 1991]), Джеком

Холдеманом II (4-я книга: **Bill, the Galactic Hero on the Planet of Zombie Vampires** [Билл, герой Галактики на планете вампиров-зомби, 1991]) и Дэвидом Харрисом (6-я книга: **Bill, the Galactic Hero: The Final Incoherent Adventure** [Билл, герой Галактики: Последнее бестолковое приключение, 1992]). Уже названия этих романов говорят сами за себя, а по поводу одного из них, написанного совместно с Робертом Шекли, рецензент журнала *Locus* Скотт Уиннетт высказался коротко и определенно: «Глупая книга в глупой серии».

Впрочем, на остросюжетной и юмористической фантастике Гаррисон никогда особенно не заикливался; обращался он время от времени и к более традиционной (по темам и манере изложения) НФ — о колонизации иных планет (роман **Planet of the Damned** [Проклятая планета, 1962; в Англии публиковался под названием **Sense of Obligation** — Чувство долга]), о роботах (сборник **War with the Robots** [Война с роботами, 1962]), о передатчике материи (сборник **One Step from Earth** [Один шаг с Земли, 1970]), писал произведения на религиозную (рассказ **The Streets of Ashkelon** [Улицы Ашкелона, 1962; на русском языке публиковался под названием **Смертные муки пришельца**]) и медико-биологическую тему (роман **Plague from Space** [Чума из космоса, 1965; другое название **The Jupiter Legacy** — Юпитерианское наследство]).

В 1966 году Гаррисон издал книгу, которая заставила критиков и читателей взглянуть на его творчество по-новому. Эта книга — роман **Make Room! Make Room!** [Подвиньтесь! Подвиньтесь!]; в ней в нарочито бесстрастной манере, присущей скорее реалистической литературе, нежели фантастике, описывался Нью-Йорк 1999-го года — огромный мегалополис, страдающий от нехватки всего самого необходимого — и, прежде всего, места. Герои этого романа нисколько не походили на персонажей других

произведений Гаррисона — самые обычные, «маленькие» люди, ведущие тяжелую борьбу за существование. По мотивам этого романа (увы, достаточно отдаленным) режиссер Ричард Флейшер снял в 1973 году фильм **Soylent Green** [Зеленый сойлент] — именно за участие в создании этого фильма Гаррисон и получил свою единственную премию «Небьюла».

Впрочем, этот экскурс в «серьезную литературу» для Гаррисона так и остался эпизодом, поскольку в последующих его книгах на первом месте по-прежнему стояли либо острый сюжет, либо сатира и юмор, либо традиционные научно-фантастические темы. Например, в романе **The Technicolor Time Machine** [Машина времени «Техниколор», 1967; на русском языке публиковался под названием **Фантастическая сага**] голливудская киноэкспедиция, отправившаяся в далекое прошлое, чтобы снять там полнометражный исторический фильм об открытии викингами Америки, в итоге оказывается перед вопросом: так кто же открыл Америку — нормандские мореплаватели или же сами киношники, организовавшие это историческое плавание? В другом романе, **Captive Universe** [Плененная Вселенная, 1969], действие происходит на борту так называемого «корабля поколений» — причем общество, сложившееся здесь, точь-в-точь напоминает общество древних ацтеков. Или, скажем, публикуемый в этой книге роман **A Transatlantic Tunnel, Hurrah!** [Да здравствует Трансатлантический туннель! Ура!, 1972; другое название **Tunnel Through the Deeps — Туннель сквозь глубины**] — это, с одной стороны, любопытный литературный эксперимент в жанре альтернативно-исторической фантастики, с другой — изящная пародия на научно-техническую фантастику «жюльверновского» толка. Наконец, роман **Star Smashers of the Galaxy Rangers** [Звездные громилы, галактические рейнджеры, 1973] — это еще одна пародия, но теперь уже на «космические

оперы» в духе сериалов Э.Э.«Дока» Смита. Ну, и так далее.

Среди этих «и так далее», то есть еще не упоминавшихся книг 60-70-х годов, были сборники рассказов **Two Tales and Eight Tomorrows** [Два сказания и восемь завтрашних дней, 1965], **Prime Number** [Простое число, 1970] и **The Best of Harry Harrison** [Лучшие вещи Гарри Гаррисона, 1976], романы **The Man from P.I.G.** [Человек из СВИНа, 1968; в 1974 году вышел в одном сборнике с повестью **R.O.B.O.T. — РОБОТ**], **The Daleth Effect** [Эффект Дзлета, 1970; в Англии вышел под названием **In Our Hands, the Stars — В наших руках — звезды**], **Spaceship Medic** [Врач космолета, 1970], **Montezuma's Revenge** [Месть Монтесумы, 1972], **Queen Victoria's Revenge** [Месть королевы Виктории, 1974], **California Iceberg** [Калифорнийский айсберг, 1975], **Skyfall** [Небопад, 1976] и **Planet Story** [История планеты, 1979]. Две книги этого периода Гаррисон написал в соавторстве с другими писателями — с Леоном Стовером (**Stonehenge** [Стоунхендж, 1972; в 1983 году была переиздана в новой редакции под названием **Stonehenge: Where Atlantis Died — Стоунхендж: Где погибла Атлантида**]) и с Гордоном Диксоном (**Lifeship** [Спасательный корабль, 1976; другое название **Lifeboat — Спасательная шлюпка**]). Наконец, были у Гаррисона и публицистические книги, посвященные различным аспектам жанра фантастики: **Great Balls of Fire: History of Sex in Science Fiction Illustration** [Шары, полные огня: История секса в научно-фантастических иллюстрациях, 1977], **Mechanismo: An Illustrated Manual of Science Fiction Hardware** [Механизмо: Иллюстрированный справочник по научно-фантастическому «железу», 1978] и **Spacecraft in Fact and Fiction** [Космические корабли в жизни и книгах, 1979].

Но особенно много в 60-70-е годы Гаррисон издал коллективных сборников и антологий, большинство из

которых он составил совместно со своим близким другом, известным английским писателем-фантастом Брайаном Олдиссом. Это, в частности, 9 ежегодных сборников из серии **Best SF** [Лучшая НФ года, 1968-76], это двухтомная антология **The Astounding-Analog Reader** [Читая «Эстаундинг» и «Аналог», 1972-73], наконец, это сборник писательских автобиографий **Hell's Cartographers** [Картографы ада, 1975], авторами которого были Роберт Силверберг, Альфред Бестер, Деймон Найт и сами составители. Из сольных работ Гаррисона-составителя можно назвать два сборника, связанных с именем Джона Кэмпбелла, с которым Гаррисон был всегда очень близок, хотя как критик и редактор являл чуть ли не полную его противоположность. Это сборник Кэмпбелла **Collected Editorials from Analog** [Избранные редакторские предисловия из «Аналога», 1966] и мемориальная антология **Astounding** [Эстаундинг, 1973] — дань памяти Кэмпбеллу, умершему в 1971 году. За последнюю книгу Гаррисону в 1974 году была присуждена довольно престижная премия журнала *Locus*.

В 80-е годы Гаррисон несколько снизил свою продуктивность (хотя, в принципе, и ненамного). Среди книг, выпущенных в это время, были романы **QE2 is Missing** [QE2 не достигает цели, 1980], **Planet of No Return** [Планета, с которой не возвращаются, 1980], **Invasion Earth** [Вторжение на Землю, 1982] и **A Rebel in Time** [Бунтарь во времени, 1983]. Однако наиболее значительными его произведениями этого периода стали две очередные трилогии — «To the Stars!» [«К звездам!»] и «West of Eden» [«Запад Эдема»].

В первой из них повествуется о приключениях талантливого инженера-электронщика Яна Кулозика в тоталитарно-технократическом обществе XXII века. В первом романе трилогии, **Homeworld** [Мир обетованный, 1980], Кулозик — высокопоставленный

специалист, живущий в свое удовольствие и не представляющий масштабов зла, господствующего в мире. Лишь благодаря случайному знакомству с израильской разведчицей Сарой он присоединяется к подполью, борющемуся против существующего на Земле режима. Во втором романе, **Wheelworld [Мир на колесах, 1981]**, Кулозик, сосланный за свои «проступки» на отдаленную сельскохозяйственную планету с очень своеобразными природными условиями, возглавляет грандиозное путешествие местных жителей с одного полюса планеты на другой. В третьей, **Starworld [Мир звезда, 1981]**, он участвует в восстании космических колоний против диктатуры Земли.

Вторая трилогия, включающая романы **West of Eden [Запад Эдема, 1984]**, **Winter in Eden [Зима в Эдеме, 1986]** и **Return to Eden [Возвращение в Эдем, 1988]**, еще более масштабна и амбициозна. В основе ее лежит вопрос: что было бы, если бы динозавры не вымерли 65 миллионов лет назад? Так вот, в трилогии Гаррисона ящеры не просто выжили, но и создали высокоразвитую биологическую цивилизацию, базирующуюся на территории Африки и Европы. Постепенно, в ходе своей экспансии на запад, они достигают берегов Америки, населенной к тому времени первобытными людьми. Между этими двумя основными земными расами и возникает конфликт, перерастающий со временем в глобальную войну. Об этой войне и рассказывает трилогия «Запад Эдема».

Последним крупным произведением Гаррисона стал роман **The Turing Option [Выбор Тьюринга, 1992]**, написанный в соавторстве с известным ученым, крупным специалистом по машинному интеллекту Марвином Мински. В этом романе, построенном по канонам очень популярного ныне жанра техно-триллера, речь идет о борьбе различных спецслужб за открытие, сделанное американским ученым в области искусственного интеллекта.

Сказать, что Гарри Гаррисон хорошо известен отечественным читателям — значит, не сказать ничего. Уже после первых его публикаций на русском языке в конце 60-х — начале 70-х годов фэны сразу же занесли его имя в списки самых популярных зарубежных фантастов. И поэтому неудивительно, что многие его произведения довольно скоро появились в самиздате — а это, в свою очередь, существенно облегчило их путь к читателям в начале 90-х годов, когда прекратила свое существование система государственного регулирования книгоиздания. И в результате Гаррисон сейчас является чуть ли не главным поставщиком фантастических бестселлеров для отечественного книжного рынка, деля эту «высокую» честь с Эдгаром Райсом Берроузом, Робертом Хайнлайном, Айзеком Азимовым и Роджером Желязны. О том же свидетельствует и его особенная популярность у «книжных пиратов», незаконно издавших целый ряд его пост-конвенционных произведений, включая почти все книги из цикла «Стальная крыса», а также романы **Спасательная шляпка** и **Запад Эдема**. Остается только надеяться, что со временем выйдут в свет и более качественные переводы этих и других его книг, изданные на законных основаниях, с разрешения автора.

Роман, который мы предлагаем вашему вниманию, специально для нашей серии перевел петербургский писатель Вячеслав Рыбаков, один из виднейших представителей так называемой «четвертой волны» в отечественной фантастике, давний член Ленинградского семинара писателей-фантастов под руководством Бориса Стругацкого, автор книг **Очаг на башне** и **Свое оружие** (обе — 1990), лауреат премии «Старт» (за роман **Очаг на башне**) и Государственной премии РСФСР (за участие в создании фильма **Письма мертвого человека**). Данная же книга — его первая проба сил в области перевода современной зарубежной фантастики.

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ
ТУННЕЛЬ!
УРА!**

КНИГА ПЕРВАЯ

**ВОССОЕДИНЕНИЕ
МАТЕРИКОВ
НАЧИНАЕТСЯ**

I

Срочное послание и опасный момент

Отходящий от Паддингтонского вокзала «Летучий Корнуоллец» с виду мало чем отличался от других поездов. Возможно, убранство выглядело чище и новее; золотые кисточки, обрамлявшие подушки сидений в вагоне первого класса, даже придавали ему некоторую роскошь — но все это было не более чем декоративными ухищрениями. То, что разительно выделяло этот поезд среди остальных в Англии — а значит, и во всем мире, — отнюдь не так бросалось в глаза, как его огромный золоченый локомотив, медленно выбиравшийся на свой маршрут из лабиринта рельсов и стрелок сортировочных станций, туннелей и выемок. Здесь полотно дороги было обычным, пользоваться им могли любые поезда. Истинное отличие стало выявляться позднее, когда угловатый локомотив, волоча за собой длинный цилиндр вплотную прижатых друг к другу вагонов, нырнул глубоко под Темзу и вынырнул в Суррее. Тут уж и полотно пошло иное — одна-единственная колея из последовательно сваренных рельсов с лежащими на специальной подушке шпалами, спрямленная и выглаженная куда основательнее, нежели какая-либо из прежде существовавших; отблескивая в глубоких выемках,

пробивших четкий канал через меловые холмы, выбрасывая стрелы приземистых железных мостов над ручьями и реками, этот тщательно выверенный путь даже на поворотах, подъемах и спусках лишь едва-едва отклонялся от безупречной прямой. Скорость быстро все объяснила — поезд равномерно разгонялся до тех пор, пока окрестные поля и деревья не замелькали, словно летящие мимо зеленые пятна; лишь вдали можно было еще различить кое-какие детали, но и они стремительно ускользали назад и исчезали едва ли не сразу, как их ловил взгляд.

Альберт Дригг занимал целое купе и был этим весьма доволен. Он знал, что поезд совершает ежедневные рейсы в Пензанс и обратно уже без малого год и с ним никогда ничего не случалось, но знание было чисто теоретическим. Другое дело — испытать на себе. От Лондона до Пензанса 282 мили, и это нешуточное расстояние должно быть покрыто за два часа пять минут — значит, средняя скорость, с учетом остановок, намного превысит 150 миль в час. Можно ли было думать, что такое станет доступно? В глубине души Альберт Дригг сильно подозревал, что нет. Нет — даже теперь, на 1973 году по христианскому летоисчислению, когда империя, оставаясь непоколебимой, старательно обновлялась и шла в ногу со временем. Дригг сидел прямо, будто аршин проглотил, так что на его черный костюм и черный жилет не набегало ни морщинки — сияет жесткий белый воротничок, блестящий кожаный портфель лежит на коленях; и никаких признаков эмоций. Туго свернутый зонтик и черный котелок, лежавшие в багажной сетке наверху, выдавали в нем горожанина, а жители города Лондона не склонны к публичному проявлению чувств. И, тем не менее, Дригг все же вздрогнул слегка, когда дверь откатилась на своих

бесшумных роликах, и жизнерадостный голос явного кокни предложил:

— Чай, сэр, чай!

Полтора ста миль в час — если не больше! — а чашка стоит себе на полочке у окна и чай льется в нее спокойно и ровно.

— Это будет три пенса, сэр.

Дригт вынул из кармана шестипенсовик, не обращая внимания на благодарный лепет, — но пожалел о своей щедрости, стоило двери закрыться. Немудрено было утратить присутствие духа, дав чаевые с подобным великодушием, — однако Дригт утешился тем, что сможет провести их как накладные расходы, поскольку совершает поездку по делам компании. А чай был хорош — свежий и горячий, он очень благотворно сказался на нервах. Виски сказалось бы еще благотворнее, Дригт понимал это; он уж нажал было кнопку электрического звонка, чтобы вызвать официанта, но тут вспомнил о салон-вагоне, снимки которого так и мелькали на страницах «Татлера» и «Пэлл-Мэлл газетт». Посещали его, однако, весьма немногие. Дригт допил чай и поднялся, записывая излишек цепочки в рукав. То, что портфель намертво прикован к его запястью, раздражало его, так как выдавало ущербность его джентльменства; но посредством тщательного маневрирования ему удавалось скрывать цепочку от посторонних глаз. Салон-вагон — вот что ему нужно!

Ковровая дорожка в коридоре утонченно контрастировала своим глубоким золотым цветом с алым маслянистым блеском панелей красного дерева. Чтобы добраться до цели, Дригту надо было пройти еще один вагон, но у него не было ни малейшей нужды сражаться с непокорными дверьми, как то было бы в обычном поезде, — стоило подойти, некие невидимые

приспособления ощущали его приближение и двери проворно отворялись под музыкальное гудение упря-
танных электрических моторов. Разумеется, идя по
коридору, Дригт ни разу не заглянул в окна купе, но
уголками глаз на мгновение улавливал то изящно
одетых мужчин и элегантных, принаряженных жен-
щин, то спокойно сидящих за книгой детей — и лишь
однажды внезапный громкий лай заставил его непро-
извольно покоситься. Два джентльмена, явно из про-
винции, сидели, задрав ноги, и опорожняли стояв-
шую между ними бутылку портвейна, в то время как
с полдюжины охотничьих собак всех пород и разме-
ров увивались вокруг, ища внимания хозяев. Вскоре
Дригт оказался в салон-вагоне.

Никаких автоматических приспособлений — толь-
ко индивидуальное обслуживание на высочайшем
уровне. Громадная резная дверь с массивными ла-
тунными ручками; бой в похожей на коробочку для
пилюль кепке и униформе с двумя рядами пуговиц,
бросавшихся в глаза ярким блеском. Бой приветст-
вовал Дригта и потянул за ручку двери.

— Добро пожаловать, сэр,— чирикнул он,— в
Большой салон-вагон железной дороги «Лондон —
Край Земли».

Теперь, увидев салон во всем его великолепии,
Дригт понял, что газетные фотографии несколько гре-
шили против истины. Ощущения того, что находишь-
ся в вагоне поезда, не было напрочь; обстановка на-
поминала скорее закрытый клуб. С одной стороны бы-
ли громадные, прозрачные как хрусталь окна, от пола
до потолка обрамленные алым бархатом штор, а перед
окнами выстроились столики, за которыми клиенты
железной дороги могли сидеть, коротая время в созер-
цании проносящихся мимо сельских красот. Напротив
тянулся переполненный бутылками бар; изящное, ог-

раненного стекла зеркало позади них удваивало их шеренги. Справа и слева от стойки бара находились оконца, изысканный вкус конструктора оснастил их цветными стеклами, сквозь которые солнце рисовало на ковре непоседливый разноцветный узор. Лики святых, конечно, были бы здесь неуместны; их заменили лица отцов-основателей железнодорожного транспорта, таких как Стефенсон и Бранел,— сильных, прозорливых мужчин с компасами и картами в руках. По сторонам их окаймляли изображения вошедших в историю машин: от паровика капитана Дика* и крохотной стефенсоновской «Ракеты» с левого края до — через многие времена и эпохи — висевшего далеко справа снимка божественной колесницы рельсовых магистралей — могущественнейшего атомного «Дредноута», тянувшего сейчас поезд Дригга. Дригг сел у окна, укрыв портфель под столиком, и велел принести виски; неторопливо он делал маленькие глоточки и с удовольствием прислушивался к веселой, незатейливой мелодии, которую наигрывал на фисгармонии улыбающийся музыкант в дальнем конце вагона.

Поистине, это было восхитительно, и Дригг смаковал каждый миг, мысленно уже видя, как от почтения отвисают челюсти и безмолвно вытаращиваются глаза приятелей, когда, вернувшись, он будет рассказывать о поездке в хэмпстедской «Голове короля». Еще до того, как с первой рюмкой было покончено, поезд плавно остановился на станции Солсбери, и Дригг с одобрением проследил, как внезапно появившийся полицейский шуганул с платформы стайку глазастых мальчишек в школьных курточках, остолбенело

* Имеется в виду первый в мире паровоз, сконструированный Ричардом Треветиком. — *Здесь и далее примечания редактора.*

разглядывавших вагоны. С чувством выполненного долга офицер вскинул руку, приветствуя проезжающих, а затем величественно и решительно двинулся по делам дальше. Вновь «Летучий Корнуоллец» устремился в путь, а Дригг вместе со вторым виски заказал порцию сэндвичей и ел их до предпоследней остановки в Эксетере; он едва успел с ними разделаться, как поезд уже замедлял ход, приближаясь к Пензансу, — и за шляпой и зонтом пришлось поторопиться.

Как только состав подошел, у локомотива выстроился караул — кряжистые, невозмутимые солдаты из аргайлльских и сазерлендских горцев, выглядевшие весьма представительно в своих темных килтах и белых гетрах; особое впечатление производили их неизменные винтовки системы Ли-Энфилда с примкнутыми штыками. За караульными громоздилась золотистая туша «Дредноута», самого удивительного и, возможно, самого мощного механизма в мире. Несмотря на срочность своей миссии, Дригг, как и все прочие пассажиры, замедлил шаги, не в силах пройти равнодушно мимо блестящего вытянутого корпуса. Черные ведущие колеса были высотой с Дригга; шатуны, толще, чем его нога, уходили внутрь пузатых цилиндров, истекающих белыми клубами пара. Внизу, у ходовых механизмов, локомотив был окрашен невзрачно, но сверху весь его корпус сиял ничем не замутненным золотым сиянием, точно сгусток солнечного света; четырнадцатикаратовое золочение, при таких-то размерах, — поистине королевские тра-ты. Но солдаты стояли здесь, охраняя отнюдь не золото, хотя это выглядело бы естественно, а двигатель, упрятанный в недрах гладкого, беструбного, монолитного панциря. Атомный реактор, как заявляло правительство, плюс кое-что еще, однако что именно еще — умалчивало. И выставило у механизма охрану. Любое

из германских государств не пожалело бы годового дохода казны за этот секрет, а те шпионы, которые уже были схвачены, работали, по слухам, на короля Франции. Солдаты строго поглядывали на проходящих, и Дригт ускорил шаги.

Офисы располагались в здании станции, наверху, и лифт быстро поднял Дригта на четвертый этаж. Он был уже у двери администраторской, когда она открылась и появился человек, землекоп с виду; кто, кроме дорожника-землекопа, наденет эти сапоги до колен — именно про такие и говорят «не ладно скроены, да крепко сшиты» — с этими зелеными брюками рубчатого плеса? Рубашка из крепкого холста, поверх нее — когда-то цветастый, но немилосердно перемазанный жилет, на бычьей шее — кричащий платок. Землекоп придержал дверь, но заступил Дригту путь, пристально вглядываясь в него своими светло-голубыми глазами, казавшимися поразительно ясными на темно-коричневом от загара, с задубевшей кожей, лице.

— Вы — мистер Дригт, не так ли, сэр? — быстро спросил он, не давая Дригту возможности возмутиться его поведением. — Мне доводилось видеть вас на торжественном открытии т'станции и на других официальных т'мероприятиях.

— Если вам угодно.

Мощная мускулистая рука все еще перекрывала вход, и, судя по всему, Дригт мало что мог с нею поделать.

— А, вы еще не знаете меня. Я Боевой Джек, сменный начальник, подчиняюсь непосредственно капитану Вашингтону. Если вы его хотите видеть, то его здесь нет.

— Да, я именно его хочу видеть, и дело не терпит отлагательств.

— Только вечером, после смены. Тогда капитан поднимется из т'забоя. Но никаких посетителей. Если у вас в портфеле письма, я отдам их за вас.

— Невозможно. Я должен передать лично.

Дригт достал из жилетного кармана ключ и, повернув его в замочке портфеля, сунул руку внутрь. Один-единственный льняной конверт лежал там, и Дригт тотчас бросил его обратно, дав собеседнику заметить лишь навершие золотого геральдического шлема, оттиснутого на одной из сторон.

— Маркиз?

— Никто иной,— голос Дригта не был лишен толики тщеславного удовлетворения.

— Что ж, тогда идемте. Но вам придется надеть спецодежду — в т'забое без нее мерзковато.

— Послание должно быть доставлено.

Начальника смены дожидался «подкидыш» — кургузый электрокар с прицепной вагонеткой, груженной доверху заполненными ящиками. Электрокар тронулся, стоило им забраться на площадку позади машиниста. Миновали город, проскочили холмы и нырнули в черный туннель, освещенный лишь едва-едва тлеющими плафонами,— и Дригт невольно вцепился в поручни, боясь, как бы одним из толчков его не сбросило в темноту. Затем опять оказались на солнце и несколько сбросили ход, потому что впереди показалась пасть второго туннеля. Она была грандиозной; гранитные блоки облицовки и мраморные колонны, выполненные в дорическом стиле, поддерживали мощную перемышку. Четко вырезанные на ней слова заставили горло Дригта сжаться от волнения, несмотря на многие годы сотрудничества с компанией.

«ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ТУННЕЛЬ»,— гласили они.

Трансатлантический туннель! Что за гордый порыв! Магия двух этих слов подействовала бы и на менее чувствительного человека, чем Дригг, и хотя за внушительной внешней конструкцией скрывалось пока не более мили туннеля, они все равно вызывали трепет. Воображение вело дальше — пронзало землю, ныряло под моря, молниеносно оставляло позади тысячи миль под темными водами океанских бездн, чтобы вновь вырваться к солнцу в Новом Свете.

Огни бежали назад все медленнее и медленнее, пока «подкидыш», наконец, не остановился перед бетонной стеной, запечатавшей туннель, словно гигантская пробка.

— Последняя остановка. Теперь — за мной, — произнес Боевой Джек и с легкостью, необыкновенной для человека его комплекции, перемахнул через борт. — Доводилось ли вам бывать в т'туннеле прежде?

— Никогда.

Дригг уже готов был признать свою беспомощность в этом чуждом мире. Взад и вперед сновали какие-то люди, обменивались друг с другом ничего не говорящими постороннему фразами; металл с лязгом бил о металл, и где-то высоко, под сводом туннеля, эхо вторило этому лязгу; ничем не прикрытые, свисающие на проводах лампы освещали дантовскую картину неизвестных Дриггу машин, узкоколеек и вагонок, какого-то непонятного оборудования. И Дригг повторил:

— Никогда.

— Вам не о чем беспокоиться, мистер Дригг. Здесь вы в такой же безопасности, как дома, если будете делать что надо и когда надо. Я проработал на дорогах и в туннелях всю жизнь и, если не считать поломанных ребер, треснувшей черепушки, перелома бедра

и одного-двух шрамов, свеж, как майская роза... За мной, за мной!

Возможно, убежденный этими сомнительными доводами, Дригт вслед за сменным прошел через стальные двери в бетонной переборке, и они немедленно с громом сомкнулись. Мужчины оказались в небольшой комнате — скамейки по центру, шкафчики для вещей вдоль одной из стен. Внезапно раздалось шипение; где-то вдали глухо зашумели насосы, и Дригт почувствовал, как у него заложило уши. Боевой Джек перехватил его испуганный взгляд.

— Это воздух! Сжатый воздух, и только. И всего каких-то паршивых двадцать фунтов. Могу вас заверить как человек, которому доводилось работать при шестидесяти и больше, вы их и не заметите, когда окажетесь внутри. Теперь выходим,— он вытащил из шкафчика защитный комбинезон и, резко встряхнув, расправил его.— Этот достаточно велик, чтобы вы могли натянуть его поверх костюма. А ваш чемоданчик я подержу.

— Не снимается,— и Дригт на глазах у сменного вытряхнул из рукава спрятанную часть цепочки.

— И ключа нет?

— У меня — нет.

— И не надо.

Сменный выхватил здоровенный складной нож, причем быстрота и точность движений неопровержимо доказывали, что ему не раз приходилось делать это во всякого рода чрезвычайных ситуациях; наружу прыгнуло длинное отблескивающее лезвие. Сменный шагнул вперед. Дригт попятился.

— Неужто вы подумали, что я собираюсь отрезать вам руку, сэр? Я собираюсь лишь чуток попортничать.

Одним движением он распорол рукав от запястья до подмышки, другой рывок лезвия вскрыл комбинезон по боку. Затем сложенный нож вернулся на место, а Дригт надел изувеченный балахон; портфель прошел в прореху без всяких затруднений. Тем временем Боевой Джек разрезал еще один комбинезон — судя по всему, он относился к собственности компании с рыцарственной щедростью — и натуго обмотал им распоротый рукав. И только с этим было покончено, как насосы смолкли и открылась другая дверь, в дальнем конце кессона; в нее заглянул оператор и, увидев Дригта в его котелке, коснулся лба ладонью.

Сцепка из небольших открытых платформ выползла из стальных ворот переборки, и Боевой Джек, как-то по-хитрому сложив губы, издал свист, от которого у Дригта едва не лопнули уши. Водитель оглянулся на звук со своего приземистого электрокара и вырубил ток.

— Это Кривой Конро,— доверительно сообщил Боевой Джек Дригту.— В заварухах — страшный человек, кулаки у него чешутся постоянно. Стараются сравнять счет; видите ли, ему-то кое-что уже выбили.

Конро пристально посверкивал на них своим единственным, покрасневшим глазом, а когда они вскарабкались на кар, тронул сцепку вперед.

— Ну, как оно там? — спросил Боевой Джек.

— Песок,— и Кривой Конро сплюнул ком табачной жвачки во тьму.— Все еще песок. Мокрый! Над кровлей сплошной кисель, и мистер Вашингтон сбросил давление, чтобы ее не выбило,— так теперь на грунте полно воды, и все помпы в работе.

— Это все давление воздуха, понимаете? — принялся объяснять Дригту Боевой Джек, будто бы посланца это и впрямь интересовало,— тому же было

вовсе не до технических подробностей.— У нас над головами т'океан, десять, а то и двадцать саженей океанской воды, которая так и рвется сквозь песок вниз, к т'нам, понимаете? Так мы поднимаем давление, чтобы держать ее там, где следует. Но поскольку диаметр туннеля — тридцать футов, возникает разница в давлении под кровлей и у грунта, вот в чем загвоздка. Если мы держим такое давление, чтобы под т'кровлей все было тип-топ, вода начинает сочиться через т'грунт, где ее давление выше, и нам впору плавать. Но, заметьте, если мы решаемся поднять давление так, чтобы блокировать воду на т'грунте, получается перебор под т'кровлей, и ее вполне может прорвать до самого дна океана, а тут уж вся вода в мире хлынет нам на головы... Да вы не думайте об этом.

Дригту ничего другого и не оставалось. Он обнаружил, что по какой-то необъяснимой причине руки его начали дрожать, и ему пришлось плотно обмотать цепочку вокруг запястья — иначе она бы звенела. Очень скоро сцепка начала замедлять ход, и впереди, совсем рядом, показался конец туннеля. Громоздкий металлический щит разделял рабочих и нетронутую плоть земли, и он же давал возможность вгрызаться в нее через закрывающиеся дверцами отверстия, пронизывающие сталь. С воем и грохотом работали буры, а механические черпалки под ними заглатывали разрыхленный грунт и перегружали в стоящие наготове вагоны. Хаос здесь был просто адский, но даже Дригт своим неискушенным взглядом вскоре заметил, что работа идет слаженно и продуктивно. Боевой Джек спустился с электрокара, Дригт сошел следом; они подошли к щиту и, миновав пролет металлической лестницы, поднялись к одному из отверстий.

— Побудьте здесь, — велел сменный, — я приведу его.

У Дригга не было ни малейшего желания идти за ним, он и без того изумлялся своей верности компании — верности, заведшей его так далеко. Между ним и растревоженным телом планеты, которое точила ниточка туннеля, оставались считанные футы.

Серый песок и плотная глина. Черпалки перемалывали их и сыпали в машины, ждущие внизу. Было нечто зловещее, нечто пугающее во всем этом действе, и Дригг заставил себя перевести взгляд на Боевого Джека, который разговаривал с высоким мужчиной в одежде цвета хаки и высоко зашнурованных инженерских ботинках. Только когда мужчина повернулся, показав в профиль свой классический нос, Дригг сообразил — это и был капитан Огастин Вашингтон. Прежде Дригг видел его лишь в офисах и на собраниях правления, и не смог сразу признать в этом здоровяке-инженере того прекрасно одетого джентльмена. Но, все правильно, — не в цилиндре же ему здесь ходить...

Раздалось нечто среднее между воплем и визгом, и все взгляды разом устремились в одном направлении. Один из землекопов указывал на темную поверхность песка перед собой — она морщилась, вдавливаясь за щит.

— Прорыв! — крикнул кто-то. Дригг ничего не понимал, но видел: случилось что-то ужасное. Все происходило стремительно и нелепо, люди растерянно суетились, а песок морщился, шевелился, а потом лопнул, и с оглушительным свистом в песке разверзлась дыра в добрых два фута шириной. Ветер налетел на Дригга, болезненно ударил его по барабанным перепонкам, и посланец с ужасом понял, что его затягивает прямо в зияющую пасть. Он вцепился в

металл, все его тело свела судорога при виде того, как ветер этот сдувает со щита тяжелые доски, и они летят, раскалываются в щепы, пропадают...

Какой-то землекоп, спотыкаясь и сгибаясь под напором засасывающего вихря, приблизился к месту прорыва с кипой соломы в сильных руках. Это был Боевой Джек; он выходил на битву против того, что, возникнув так внезапно, грозило уничтожить их всех. Кипу буквально вырвало у него из рук, стоило лишь ее поднять. Она ударилась о края пробоины, сплюснулась, на мгновение застряла — и исчезла.

Боевой Джек корчился, пытаясь найти опору и выбраться из опасной зоны; руки его тянулись к стальной переборке. Его пальцы почти касались ее — но так и не достали. С ревом, полным скорее досады, нежели страха, он раскачивался издевательски близко от цели, а затем его поволокло назад, оторвало от земли и головой вперед втянуло в пробоину.

Одно нескончаемое, жуткое мгновение он держался там, как пробка в бутылке, и его дергающиеся ноги были еще в туннеле.

Затем он пропал из виду, и воздух опять засвистел и завыл без помех.

II

Важное решение

Потрясенные быстротой трагедии, все землекопы — не говоря уже об Альберте Дригге — стояли, оцепенев от ужаса. Хотя жизнь, полная грубой работы и испытаний, несчастных случаев и неожиданных увечий давно стала привычной для этих сильных людей — даже они были напуганы. Лишь один человек сохранил присутствие духа и был в состоянии двигаться, действовать, расшевелить оцепеневших от страха рабочих.

— Ко мне! — крикнул капитан Вашингтон, рванувшись к блоку крепежных бревен, приготовленному как раз на такой случай. Это было нечто вроде напоминающего створку двери щита высотой в рост человека, собранного из толстых досок, болтами посаженных на мощные бревна. Казалось, один человек не в силах и пошевелить такую махину, но Вашингтон, ухватив щит за край, напрягся и продвинул его вперед на добрых два фута.

Это подтолкнуло остальных. Сомкнувшись вокруг Вашингтона, очнувшиеся землекопы ухватили блок, подняли и поволокли вперед. Затем поток воздуха вырвал его у них из рук и отверстие захлопнулось; пробоина, наконец, была перекрыта. В щелях между досками воздух еще свистел вовсю, но бешеный напор

его сник. Вашингтон четко распоряжался; землекопы, спеша, старались окончательно обуздать стихию, в то время как над ними из главного отверстия в туннельном щите показался странный механизм, приводимый в движение равномерно работающими гидравлическими цилиндрами. В нем было что-то от орудийной башни военного корабля, только вместо пушки из него торчали четыре длинные трубы с буровыми головками на концах. Они уткнулись в песок над пробоиной, и оператор запустил двигатель; головки завертелись. Буры стремительно погрузились в мягкий песок, и как только башня вплотную прижалась к его поверхности, бурение было прекращено и открылись клапаны. Башня мгновенно покрылась коркой льда.

Тем временем дюжий землекоп топором прорубил отверстие посредине деревянного щита напротив пробоины. Последовавший за этим воздушный удар был так силен, что топор вырвало у землекопа из рук и утянуло в дыру. Землекоп с усилием отступил назад, смеясь и держа руки так, чтобы товарищи видели кровоточащие ссадины на ладонях, оставленные топором, когда вихрь, одолев мертвую хватку рук, вырвал его топор. Едва он успел посторониться, в проделанное им новое отверстие был введен раструб толстого шланга, и заклокотал насос.

В считанные секунды надсадный свист рвущегося наружу воздуха стал замирать. Лед сковал теперь влажный песок, в котором произошел прорыв; знобящая волна холодного воздуха прошла над головами людей. Когда движение воздуха полностью прекратилось, Вашингтон приказал остановить насосы, и от внезапной тишины у землекопов зазвенело в ушах. Не сразу они обратили внимание на звук телефонного зуммера — это капитан Вашингтон крутил ручку полевого телефона.

— Немедленно дайте мне радиосвязь с кораблем.
Все теперь напряженно следили за Вашингтоном, который, когда связь была установлена, резко бросил одно лишь слово:

— Докладывайте.

Потом он слушал и кивал. Потом, обратившись наконец к затаившим дыхание землекопам, сообщил:

— Он в порядке. Жив и здоров.

С радостными криками они принялись бросать кепки в воздух, но тут же замерли, когда Вашингтон поднял руки, требуя тишины.

— Когда произошел прорыв, они увидели его признаки на поверхности — грязевой выброс и фонтан высотой в сорок футов. Затем они рискнули приблизиться, насколько возможно, к точке выброса — вода там буквально кипела — и были как раз над нами, когда появился Боевой Джек. Его, как там говорят, подбросило в воздух, и они подобрали его почти сразу, как он упал обратно. Он был без сознания, но телесных повреждений не получил, и когда пришел в себя, начал ругаться, еще не открыв глаза. А теперь за работу, парни; сегодня мы должны пройти еще двенадцать футов.

Как только работа вошла в обычную колею, капитан Вашингтон повернулся к Дригту и крепко пожал ему руку.

— Мистер Дригт, не так ли? Личный секретарь маркиза?

— Да, сэр, и секретарь правления к тому же.

— Вы застали нас в напряженный момент, мистер Дригт, и я надеюсь, вы не слишком встревожены. В туннельном строительстве есть свои сложности, которых не всегда удастся избежать. Но, как вы видели, они отнюдь не являются непреодолимыми, надо лишь быть наготове. По оксаническому дну над нами

проходит складка, так называемая синклиналь; вряд ли больше чем пять футов песка отделяет нас от воды. Возможность прорыва здесь сохраняется постоянно. Но экстренная закупорка и применение фиксатора Гауэна быстро перекрывают пробойну.

— Боюсь, это выше моего понимания,— сказал Дригг.

— Отнюдь нет. Механика проста,— по мере того, как капитан Вашингтон продолжал свои объяснения, в глазах его засверкала подлинная увлеченность.— Поскольку песок над нами насыщен водой, сжатый воздух, которым мы нейтрализуем водяное давление, продул отверстие до самого морского дна. Отверстие временно перекрыли деревянной заглушкой, а там подоспел фиксатор Гауэна. Эти сверла полые, и как только они вошли на всю длину, началась закачка жидкого азота. Эта жидкость имеет температуру 345,5 градуса ниже нуля* и мгновенно замораживает все, с чем соприкасается. По трубе, которую вы видите вон там, был подан густой раствор жидкого грунта, который, замерзнув, отвердел и закупорил пробойну. Мы будем поддерживать его в этом состоянии, пока не выйдем из опасной зоны и не установим здесь стальных секций туннельной обшивки. Все хорошо, что хорошо кончается — у нас все кончилось как раз так.

— Действительно, кончилось хорошо, и для вашего начальника смены тоже. Очень удачно, что корабль был близко.

Прежде чем ответить, Вашингтон смерил собеседника пронизывающим взглядом.

— Здесь нет никакой случайности, и я уверен, вы это знаете. Если не ошибаюсь, последнее письмо

* Имеется в виду — по шкале Фаренгейта. По Цельсию это примерно 210 градусов ниже нуля.

директоров, где мое внимание обращается на неоправданность расходов по содержанию корабля на стационарном дежурстве, шло за вашей подписью?

— Это так, сэр, но это подпись лишь составителя текста, не более. Решать подобные вопросы я никоим образом не уполномочен и всего лишь довел до вашего сведения мнение директоров. Но, если вы позволите, я дам полный отчет о том, что видел сегодня, и обязательно подчеркну, что благодаря вашей предусмотрительности была спасена человеческая жизнь.

— Человеческую жизнь, мистер Дригг, спасла правильная организация работ.

— Предусмотрительность, сэр, я настаиваю. Она заключается в том, что вы ставите жизнь человека выше денег. Я скажу именно это, и вопрос будет решен раз и навсегда.

Вашингтон, казалось, был несколько смущен теплыми нотками в голосе Дригга и постарался побыстрее сменить тему разговора.

— Я заставил вас ждать слишком долго. Дело у вас, должно быть, весьма важное, коль скоро вы лично проделали такой путь.

— Всего лишь бумага, если вам угодно.

Дригг отомкнул замочек портфеля и вынул лежавший внутри одинокий конверт. Увидев золотой геральдический шлем, Вашингтон приподнял брови, затем быстро разломил печать и прочел письмо.

— Вы осведомлены о том, что тут говорится? — спросил он, поигрывая сложенным листом бумаги.

— Я знаю лишь, что маркиз написал письмо лично, а на словах поручил мне любыми средствами способствовать вашему возвращению в Лондон по делу известной важности. Нам следовало бы отбыть теперь же.

— Стоит ли? Ближайший прямой до Лондона уходит в девять и прибывает уже после полуночи.

— Напротив,— сказал Дригг с улыбкой.— Для вас подготовлен спецрейс «Летучего Корнуолльца», и поезд, я полагаю, уже ждет.

— Это настолько срочно?

— Это крайне срочно. Его Светлость дал мне это понять достаточно определенно.

— Что ж, подчиняюсь. Но я должен пере...

— Простите, я перебыю. Полагаю, соответствующие распоряжения были также переданы главному портю вашего отеля. Ваши вещи упакованы и ждут вас в поезде.

Вашингтон кивнул; решение было принято. Повернулся и возвысил голос, перекрыв нарастающий шум:

— Балхэд! Вы будете начальником смены, пока Боевой Джек не вернется. Не замедляйте работ.

Больше здесь нечего было делать. Вашингтон повел Дригга обратно через щит к электрокару, которым решил вернуться. На нем они доехали до самой переборки, и прибыли как раз в тот момент, когда Боевой Джек вышел им навстречу из дверей кессона.

— Черт меня возьми, если я захочу проделать это опять! — рывкнул Джек. Его одежда все еще была мокрой насквозь, на голове и на плечах красовались кровоподтеки — следы путешествия сквозь морское дно.— Вышибло, как пробку — вот что у меня в голове колотилось напоследок. Тут сразу — будто выстрел, все почернело... а после только и помню — что смотрю я на т'небо и на лица каких-то мерзопакостных грешников и не могу сообразить, на т'небесах я или еще где.

— Ты рожден, чтобы быть повешенным,— спокойно сказал Вашингтон,— так что утонуть тебе не

суждено. Теперь возвращайся в забой и присмотри, чтоб они отработали смену не спустя рукава.

— Я это сделаю. И накормлю дерьмом любого, кто не нырнет в дыру и не проделает мой путь, если это понадобится снова.

Он повернулся и, пытаясь четко ставить ноги, затопал прочь, а Вашингтон и Дригт тем временем рассаживались в кессоне.

— Ему придется работать,— осмелился подать голос Дригт после долгого молчания.

— Не следовало бы — но я не могу его остановить. У землекопов иной, отличный от нашего, образ жизни, и мы должны его уважать. Если кто-то из них ранен или заработал кессонную болезнь, он никогда в этом не признается, и доставить его в госпиталь можно, лишь дав ему как следует по голове — а этого он никогда мне не простит. Я видел, как они очертя голову прыгали через устье вентиляционной шахты шириной в десять футов и глубиной в сто. Я видел троих в шлюпке, которые отчаялись и погибли, и четвертого, который смеялся и победил. Потом он и все, кто там оказался, напились пива так, что стоять не могли,— но это в память о погибших товарищах. И никто их не сожалеет ни о чем и не терзается ничем. Тяжелая и жестокая жизнь, можете вы сказать, но, ей-богу, она-то и выковывает мужчин.

Несколько смущенный этой своей тирадой, Вашингтон хранил молчание на протяжении всего пути по туннелю до вокзала в Пензансе. Уже стемнело, и лишь в грядях облаков на западе догорали последние красноватые отсветы. Огоньки мерцали вдоль путей, насколько хватало глаз,— обходчики, неспешно расхаживая во мраке, пополняли сигнальные огни парафином и зажигали в них фитили. Толпы уже разошлись, и на станции было тихо, лишь одиноко

громоздился «Дредноут», казавшийся еще больше, чем днем, и на его недавно отполированной заново золотой обшивке переливались красные и зеленые блики стрелочных огней. Прицеплены были только два вагона — салон и «Монарх Горных Долин», частный пассажирский вагон, которым пользовались маркиз и другие члены совета директоров. Пожилой седой человек по прозвищу Бродяга — когда-то он был дворецким у одного из членов правления, но, дожив до преклонных лет, удалился на почетную и необременительную должность проводника «Монарха» — встречал их на ступенях своего вагона.

— Ванна вас ждет, сэр, и одежда приготовлена.

— Превосходно, но сначала я должен выпить. Присоединяйтесь ко мне, мистер Дригг, если хотите. Денек выдался долгий и горячий, и волнений с лихвой хватило бы на месяц.

— С удовольствием.

Бой в парадной униформе с готовностью улыбнулся, открывая перед ними дверь салон-вагона. Увидев его, Вашингтон резко остановился.

— Не следует ли этому младенцу уже быть в постели? Видит бог, во время спецрейса мы и сами можем открывать двери.

Лицо мальчика вытянулось, и нижняя губа, казалось, готова была задрожать, но Дригг сказал:

— Они вызвались сами, капитан Вашингтон, и Билли, и все остальные. Они хотят ехать, и вы должны понять это.

— Тогда едем, — и Вашингтон, рассмеявшись, вошел в салон. — Пошлите Билли лимонаду, и мы выпьем все вместе.

Музыкант оглянулся на них через плечо, улыбнулся, показав сверкающую выставку золотых зубов, и, едва гости вошли, напористо заиграл «Оставь свои

печали». Вашингтон послал ему пинтовую кружку пива, затем поднял свою и осушил едва ли не одним глотком. Тем временем поезд с удивительной плавностью заскользил вперед; Вашингтон и Дригт не сразу заметили, что они уже в пути.

Пока кружки сменяли одна другую, пока тянулись купание и переодевание, путешествие подошло к концу — чуть ли не прежде, чем Вашингтон это понял. Пустоту платформы Паддингтонского вокзала нарушал только дожидавшийся их прибытия восемнадцатифутовый, шестидверный «роллс-ройс», сверкающий черным лаком. Ливрейный лакей придержал дверцу, а когда Вашингтон и Дригт расположились внутри, подсел к шоферу, и они понеслись снова. Обогнули Гайд-парк, взлетели на Конститьюшн-Хилл, миновали Букингемский дворец — судя по сверканию всех окон, там шел то ли бал, то ли торжественный прием; буквально через несколько минут остановились у Трансатлантик-Хауса, резиденции компании на Пэлл-Мэлл. Главный вход был открыт, и Дригт без единого слова повел Вашингтона к лифту и затем наверх, в библиотеку. Некоторое время они стояли там в тишине, среди сафьяна и темного дерева, а когда швейцар закрыл наружную дверь, Дригт коснулся скрытой кнопки на одной из книжных полок. Целая секция отворилась, словно дверь, и Дригт указал в проем.

— Его Светлость ожидает вас в личном кабинете. Он полагает целесообразным обменяться с вами несколькими словами наедине, прежде чем вы представите перед правлением. Если предстанете.

Вашингтон шагнул вперед. Потайная дверь закрылась за ним, а впереди открылась другая.

Маркиз, сидя за столом, что-то писал, и поначалу не поднимал глаз. Его изысканный кабинет был до

редела насыщен блеском серебра и латуни и подавлял рядами семейных портретов. За спиною маркиза большое эркерное окно с раздвинутыми шторами открывало взгляду Сент-Джеймский парк и башню Биг Бен, видневшуюся поодаль. Часы на башне торжественно ударили один раз, и тогда маркиз отложил перо и жестом пригласил Вашингтона сесть.

— Дело весьма срочное, — сказал он, — иначе я никогда не позволил бы себе оторвать вас от работы столь бесцеремонным образом.

— Я понял это по тону вашего послания. Но вы не написали, в чем это дело заключается.

— Мы перейдем к этому чуть позже. Но я пригласил вас сюда поговорить один на один по вопросу, который, за отсутствием лучшего термина, можно назвать личным.

Его Светлости, казалось, было не по себе. Он сцепил пальцы перед собой, потом уронил на стол; потер мощную челюсть жестом, столь характерным для его рода, затем обернулся к окну; после этого повернулся к Вашингтону снова.

— Об этом трудно говорить, капитан Вашингтон, дело связано с нашими семьями. Всем известно, кто были наши предки, а ведь могут отыскаться недоброжелатели... не берусь утверждать, но вы же понимаете...

Вашингтон понимал и, отчасти, испытывал то же замешательство, что и маркиз. С этим грузом на душе он прожил всю жизнь, а потому считал за лучшее бесстрастно принимать факты, как они есть. Чем хранить их, как горькую тайну, было наверняка лучше, чтобы про них знали все.

— Что прошло, то прошло, — сказал он. — Первый маркиз Корнуоллис казнил моего предка Джорджа Вашингтона как изменника, да — но это достояние

истории, вопрос элементарных знаний, не более. Я не чувствую никакого стыда и никакой враждебности лично к вам или к вашей семье, могу дать слово. Битва при Лексингтоне велась честно и была выиграна честно. Континентальную армию разгромили. Первый маркиз был солдатом, и ему ничего не оставалось, кроме как подчиняться приказам, сколь бы неприятными он ни находил их лично. Вы же знаете, о казни распорядился сам король. Джордж Вашингтон был изменником — но оттого лишь, что проиграл. Если бы он выиграл, он оказался бы патриотом. А он заслуживал победы, потому что дело его было правым.

— Боюсь, я недостаточно осведомлен об этом периоде истории, — сказал Корнуоллис, опуская глаза.

— Надеюсь, вы простите мне мою откровенность, Ваша Светлость, но мне все это отнюдь не безразлично. Вследствие неудачного восстания и чувства национального унижения, которое вызвало в американских колониях его подавление, мы остаемся колонией по сей день — в то время как другие — Канада, например, или Австралия — получили в рамках Империи статус полностью независимых доминионов. Вам следует знать, что я активно участвую в движении за независимость и буду делать все возможное, чтобы приблизить день, когда Ее Величество официально утвердит этот статус.

— Не могу не согласиться с вами, сэр! Вы знаете, без сомнения, что я твердо стою на позициях тори и со всей энергией поддерживаю концепцию моей партии, согласно которой статус доминиона должен быть предоставлен вам именно так, как вы говорите.

С этими словами он встал и, громко хлопнув ладонью по столу, подал руку собеседнику. Несомненно, когда Вашингтон вошел, маркиз поначалу предпочел не оказывать ему эту любезность — при

разнице происхождений она несла слишком явный оттенок благоволения — из-за деликатной природы их семейных отношений. Вашингтону ничего не оставалось делать, кроме как встать и крепко пожать протянутую ему руку. Затем, потупив глаза, маркиз выпустил ладонь Вашингтона и покашлял в кулак, стараясь скрыть вызванное этим неожиданным проявлением чувств смущение. Но это расчистило путь для дальнейшего.

— Нас и наш туннель ждут тяжелые времена, Вашингтон, тяжелые времена, — сказал Корнуоллис, и выражение его лица сделалось под стать тем трудным временам, которые он предрекал: лоб собрался в морщины, глубокие, как борозды на свежевспаханном поле, а углы рта опустились, так что мощная челюсть маркиза отвисла чуть ли не на дюйм. — Этот грандиозный проект с самого начала имел теневую сторону. Сейчас я говорю именно о ней, о скрытой стороне дела. Я уверен, вы более или менее представляете себе всю сложность финансирования столь масштабного предприятия, но, думаю, вряд ли вы вполне отдаете себе отчет, насколько тут затронута политика. Попросту говоря, это правительственный проект, нечто вроде обширной программы общественных работ. Вы потрясены, услышав это?

— Должен признаться, сэр, что я по меньшей мере удивлен.

— Этого следовало ожидать. Наша страна и возглавляемая ею мощная империя строятся на твердом убеждении: сильный человек ведет, остальные следуют за ним; слабые люди и неудачливые корпорации выходят в тираж, а правительство и корона не суются в эти частные дела. Все это очень хорошо, когда экономика здорова и полновесный фунт, как солнце, озаряет своим сиянием каждого. Но сейчас — а я уверен,

вы об этом отлично знаете — на это солнце надвинулись тучи. Пока границы расширялись, Англию питали богатства Ист-Индской компании, компании Гудзонова залива, Инко-Андской компании и всех прочих. Их было так много за эти годы. Боюсь, однако, границы продвинуты сейчас, что называется, к последнему морю, и как в мире, так и в мировой экономике возникла некоторая успокоенность. Когда бизнес не в состоянии расширяться, он неизбежно проявляет тенденцию к сокращению, а такое схлопывание экономики является самоподдерживающимся процессом. Чтобы остановить его, нужно что-то делать. День ото дня все больше людей садятся на пособие по безработице, рабочие дома переполнены, благотворительные программы напряжены до предела. Нужно, повторяю я, что-то делать. Кое-что сделано. Некие частные предприниматели, представители неких крупных корпораций, встретились без посторонних, *in camera*, и пришли — с большой неохотой, смею вас уверить — к выводу, что окончательное решение проблемы им не по плечу. К обсуждению были привлечены квалифицированные экономисты, и по их настоянию на встречу — в ту пору совершенно секретную — была приглашена парламентская комиссия. Вот тогда-то и заговорили впервые о проекте туннеля — проекте достаточно крупном, чтобы оказать стимулирующее воздействие на всю экономику как Британии, так и Американских колоний. Но такой масштаб оказался одновременно и препятствием; частный капитал был не в состоянии финансировать проект. И тогда был сделан последний, неслыханный шаг. Необходимы были субсидии короны, — он невольно понизил голос. — И обратились к королеве.

Известие было ошеломляющим. Государственная тайна сохранялась столь тщательно, что Вашингтон,

вполне, казалось бы, посвященный во все дела компании Трансатлантического туннеля, до сего момента не имел ни малейшего представления об истине. Вначале он был буквально оглушен, затем задумчиво прищурился, анализируя все аспекты услышанного. Когда маркиз встал и налил им обоим хересу из стоявшего на буфете хрустального графина, Вашингтон едва ли заметил это — но автоматически взял поданный ему бокал и поднес к губам.

Наконец он заговорил.

— Вы можете сказать мне, какова доля участия правительства?

— Оно участвует в каждом пенни и в каждом фунте. Частные вкладчики смогли пожертвовать около двенадцати процентов необходимой суммы. Правительство Ее Величества согласилось взять на себя восемьдесят процентов — но не больше.

— Таким образом, нам не хватает восьми процентов?

— Именно, — маркиз мерил комнату шагами, сложив руки за спиной и переплетя пальцы. — У меня были сомнения с самого начала — видит бог, у нас у всех были сомнения. Но лорд Кейнс добился своего. Советник королевы! Автор уж не знаю скольких книг по экономике! Сейчас ему никак не меньше девяноста, но он еще достаточно бодр, чтобы принимать посетителей. Он всех нас убедил; когда он расписывал нам, как оно все будет, это звучало чертовски заманчиво. Деньги обращаются, капитал в движении, у вкладчиков высокие доходы, развивается предпринимательство, стараясь удовлетворить потребности строительства, занятость повсеместная, значительные суммы перетекают к мелким предпринимателям, здоровая экономика...

— Так оно и должно быть...

— Черт возьми, так оно и будет, если прежде не лопнет. А оно, похоже, лопнет, и все станет, как раньше, а то и хуже, если мы не найдем эти недостающие восемь процентов. И вы уж простите меня за откровенность, мой мальчик, но это ваши проклятые друзья-колонисты тянут нас назад. Вы можете нам здесь помочь; возможно, только вы и можете нам здесь помочь. Безо всякого преувеличения могу сказать, что судьба туннеля зависит от вас.

— Я сделаю все, что нужно, сэр,— сказал Вашингтон спокойно и просто.— Вы можете рассчитывать на меня.

— Я это знаю, иначе я не пригласил бы вас сюда. Простите, если я где-то допустил бестактность — у меня был чертовски утомительный день... а будет и того хуже. Мы достигли соглашения с вашим колониальным Конгрессом и с генерал-губернатором — да, мы снеслись и с ним, ваша экономика испытывает те же трудности, что и наша — объединить на равной основе все деньги, собранные в Америке частными вкладчиками. Но это не более чем капля в море. Нужны радикальные перемены. Вы знаете, конечно, Рокфеллера, председателя американского правления, и Макинтоша, который представляет Брэсси-Бранела и отвечает за строительство со стороны Америки. Оба согласились, что для пользы дела им следует подать в отставку. Их должности будут объединены в одну, и сегодня вечером вас на нее назначат.

— Боже правый! — Вашингтон задохнулся.

— Надеюсь, Он одобрит нас и примет нашу сторону. Первым нашим соображением было то, что кандидат должен быть хорошим инженером, а вы хороший инженер. Мы знаем, что вы справитесь с работой. Вторым — то, что вы колонист, один из их людей, так что перемена вызовет в Америке

определенный положительный резонанс. Я понимаю, что среди тори есть люди, предавшие вашу фамилию анафеме — мы должны быть откровенны,— но я думаю, что они в меньшинстве. Мы надеемся, такое назначение и ваши собственные усилия подстегнут вялую продажу облигаций, что позволит продолжить работы. Вы сделаете это?

— Я дал слово, и обратно его не возьму. Но здесь будут трудности.

— Единственная трудность, и вы можете назвать ее по имени.

— Сэр Айсэмбард. Проект туннеля принадлежит ему, сам замысел — его детище. Я всего лишь исполнитель, осуществляющий его распоряжения, так же, как и его представитель Макинтош, который даже не инженер. Если я возьму на себя столь большие обязанности, во всех делах я стану с сэром Айсэмбардом почти вровень. Ему это вряд ли понравится.

— Это будет тайной века, мой мальчик. Старик уже пробовал пошуметь — результат известен.

На столе моргнула лампочка, и тут же мягко пропел сигнал.

— Члены правления вернулись с обеда. Мне нужно идти к ним, поскольку никто не должен знать, что я встречался с вами. Если вы будете любезны подождать в библиотеке, за вами пришлют. Если дела пойдут, как мы планируем,— а они пойдут именно так, когда мы получим голоса,— вам будет прислана записка с проектом их предложений, и затем вы предстанете перед правлением. Другого выхода нет.

Нажав кнопку на столе, маркиз открыл дверь, и Вашингтон вновь очутился в библиотеке.

Там стояло мягкое кожаное кресло, в которое он блаженно погрузился, и когда Дригт парой минут позже подошел осведомиться, не нужно ли ему

чего-нибудь, он, пребывая в глубокой задумчивости, поднял голову лишь для того, чтобы ответить отрицательным жестом. Близилась, несомненно, вершина его карьеры — если только он сможет на эту вершину подняться. Да, он сможет, у него не было никаких сомнений на этот счет — как не было у него сомнений ни разу с той минуты, когда он, в последний раз покидая Маунт-Вернон, на прощание помахал рукой матери и сестре, стоявшим в дверях обыкновенного провинциального дома, их родового гнезда. Тот дом был построен в тени заросших плющом развалин старого особняка, сожженного когда-то толпой сторонников тори. Огастин в то время был уже инженером, он уже окончил Массачусетский Технологический, добившись первого места в группе несмотря на печать бесчестия, лежавшую на его имени, — а, возможно, как раз благодаря ей. Чем больше приходилось ему выдерживать кулачных боев в темноте и безмолвии помещений за общими спальнями, тем яснее становилось понимание того, что куда более тяжелой будет борьба за право быть впереди, быть лучшим, используя и кулаки, и ум, чтобы восстановить честь своего имени. После окончания он отслужил короткий обязательный срок в Территориальном инженерном корпусе — без СПОРовских* дотаций он нипочем бы не окончил колледж — и там с замирающим от счастья сердцем впервые ощутил вкус работы в поле. На западных границах, за которыми простирались испанские колонии, постоянно происходили стычки, и власти в Нью-Йорке решили, что там нужна стратегическая железнодорожная магистраль. В тот славный год он промерил трассу через

* СПОР — служба подготовки офицеров резерва, специальная организация при Министерстве обороны.

непроходимые Скалистые горы и много работал в туннелях, пробиваемых в неподатливых скалах. Этот опыт перевернул его жизнь; с тех пор он точно знал, чего хочет. Наряду с лучшими выпускниками разбросанных по империи бесчисленных школ он держал в Эдинбургском университете экзамен на престижную стипендию Джорджа Стефенсона, и победил. Прием должен был автоматически ввести его в высшие сферы великой инженерной фирмы Брэсси-Бранела; произошло и это. Эдинбург был прекрасен, несмотря на едва заметные презрительные усмешки одноклассников-англичан по поводу его колониального происхождения, а возможно, именно благодаря им. Впервые в жизни он оказался среди людей, для которых его имя ничем не было отягощено; вряд ли стоило думать, что они будут помнить детали всех мелких баталей, происходивших на задворках империи за последние четыре сотни лет. Вашингтон был не более чем еще одним уроженцем колоний, таким же, как индусы, могавки, бирманцы, ацтеки и многие другие, и он наслаждался этой своей затерянностью.

Его восхождение было недолгим и быстрым, и сейчас перед ним была вершина. Следовало бы опасаться падения в случае, если новые полномочия окажутся ему не по плечу. Но нет! Он знал, что в силах управиться со строительством и повести американскую часть туннеля с тем же успехом, с каким он вел британскую. И, понимая, что он не финансист, он знал, тем не менее, как говорить с денежными тузами, как объяснять им, что станет с их вкладами и насколько выгодны эти вклады окажутся для них самих. Он рассчитывал, в основном, на деньги вигов — хотя не исключал возможности того, что у тори жадность перевесит политическую нетерпимость, и они постараются примкнуть к победителям,

когда увидят, что их соперники быстро приближаются к финансовому успеху.

Самым важным здесь было то, что все это могло подействовать на нечто еще более важное. В глубине души он вынашивал страстное желание, о котором не говорил никому и никогда, — вернуть семье доброе имя. Никому и никогда — кроме того дня. Он проговорился Марте, сестре, и она поняла его, хотя они были всего лишь детьми. Это стремление так или иначе выражалось во всем, что он делал, — ибо все, что он делал под своим именем, тем самым делалось под именем благородного человека, который столь усердно трудился для своей страны, и в награду за свои усилия был осыпан градом английских пуль.

— Капитан Вашингтон... Капитан Вашингтон, сэр!

Чей-то голос пробился в его сознание сквозь путаницу затаенных мыслей, и лишь тогда он понял, что уже давно слышит этот голос и не отвечает. Он очнулся. Взял конверт, протянутый ему Дриггом, вскрыл его и прочел, затем прочел еще раз, уже медленнее. Это было то, о чем говорил лорд Корнуоллис, — машина была запущена; ему предлагали должность.

— Не угодно ли вам пройти со мной, сэр?

Он встал, расправил складки на жилете и застегнул пиджак. С распечатанной запиской в руке он последовал за секретарем в зал заседаний и остановился у края длинного темного стола. В зале царила тишина, и все глаза были устремлены на Вашингтона; затем лорд Корнуоллис со своего места во главе стола спросил:

— Ознакомились ли вы с нашим посланием, капитан Вашингтон?

— Да, сэр. Насколько я понимаю, это предложение занять одному лицу двойную должность, в настоящий момент поделенную между сэром Уинтропом Рокфеллером и мистером Макинтошем. Вы подтверждаете, что эти джентльмены согласились с предлагаемым изменением?

— Они это сделали.

— В таком случае, я буду счастлив принять это предложение — но с одной лишь предварительной оговоркой. Я хотел бы знать по данному вопросу мнение сэра Айсэмбарда.

Это было все равно, что взмахнуть красной тряпкой перед мордой быка; все равно, что оскорбить королеву в присутствии доброго англичанина; все равно, что в глаза назвать француза лягушатником. Сэр Айсэмбард Брэсси-Бранел моментально вскочил и с силой уперся кулаками в полированный палисандр стола; в глазах его пылал огонь, а побелевшие крылья носа подрагивали от негодования. Маленький человечек, перед которым, когда он был в гневе, дрожали мужчины много крупнее его; однако Вашингтон не задрожал — он был не из тех, кто дрожит. Первый являлся прямой противоположностью второму, и это бросалось в глаза: один тщедушный, другой высокий, один — пожилой, с холеной кожей, с высоким лбом, который с возрастом становился все больше, лоб другого был средней величины, а его коричневое лицо загорело от солнца и ветра. Один — одетый с иголочки английский джентльмен, от кончиков лакированных, ручной работы, ботинок до аккуратной лысины на голове, пространство между которой и ботинками заполнял портновский шедевр непогрешимого Сэвила Роу ценою не менее чем в сотню гиней. Другой — хорошо одетый житель колоний, чей костюм был хоть и первоклассным, но

явно провинциальным, как и его крепкие ботинки, предназначенные для того, чтобы их носили, а не демонстрировали.

— Вы хотите знать мое мнение,— сказал сэр Айсэмбард.— Вы хотите знать мое мнение!

Он произнес это негромко, но в зале его услышали все; и, возможно, из-за мягкости тона фраза прозвучала зловеще.

— Я выскажу вам свое мнение, сэр, выстраданное мнение, сэр, как оно есть. Я против этого назначения, полностью против, и возражал против него, и больше мне нечего сказать.

— Коли так,— проговорил Вашингтон, усаживаясь на поставленный для него стул,— то с этим покончено. Я не могу принять назначение.

Теперь тишина была абсолютной; если тишину можно назвать оглушающей, то она была именно такой. Сэр Айсэмбард был обезоружен этим ответом, и, по мере того, как гнев улетучивался из него, словно воздух из проколотой шины, он медленно опускался обратно на свое место.

— Но вы же согласились,— обращаясь ко всем, растерянно произнес Корнуоллис.

— Я согласился, так как считал, что правление единодушно в своем решении. Предлагаемое изменение является очень серьезным. Я не могу обсуждать его, если человек, который сам предоставил мне эту работу, душа строительства, ведущий инженер и конструктор в мире, против. Я не могу, говорю это от всего сердца, ловчить перед лицом такого решения.

Все взгляды были теперь устремлены на сэра Айсэмбарда. Его лицо, безусловно, заслуживало внимания; быстрая смена выражений на нем отражала работу могучего ума. Первый гнев уступил место

изумлению, затем лоб задумчиво нахмурился, и, наконец, невозможность прийти к какому-то определенному выводу вызвала на губах призрак улыбки, быстрой, как мелькнувшая тень.

— Хорошо сказано, юный Вашингтон, что-то дальше будет? Вам не следует говорить обо мне плохо — я ваш друг, верный и вполне к вам расположенный. Я признаю высокое качество вашего классического воспитания. Бремя решения теперь целиком ложится на мои плечи, и я не намерен уклоняться. У меня такое чувство, что вы знаете об этих делах больше, чем говорите вслух; вам что-то сообщили, иначе вы не были бы столь самоуверенны. Но быть посему. Строительство туннеля должно продолжаться, а чтобы строить туннель, мы, по всей видимости, должны иметь дело с вами. Я снимаю свои возражения. Я должен признать, что вы достаточно дельный инженер, и если вы будете повиноваться распоряжениям и придерживаться моего проекта, строительство пойдет как надо.

Он протянул свою маленькую сильную руку, чтобы взять стакан воды, и это было самым сильным проявлением чувств, которое он когда-либо себе позволял; а тем временем со всех сторон послышался неразборчивый, но явно одобрительный гомон. Молоток председателя ударил, перекрывая шум, — совещание закончилось, решение принято, работы будут продолжены. Пока члены правления поздравляли Вашингтона, а заодно и друг друга, сэр Айсэмбард бесстрастно ожидал поодаль, и лишь когда инженер освободился, подошел к нему:

— Проедемся в кэбе.

Это было нечто среднее между просьбой и приказом.

— Буду рад.

Молча они спустились в лифте, швейцар открыл перед ними дверь и свистком подозвал кэб — двухколесный, высокий, черный и блестящий; водитель сидел где-то наверху, зажав между пальцами поводья, которые тянулись вниз, к одному из этих новомодных устройств, постепенно вытеснявших лошадей из центральных районов Лондона. Здесь не было величественного, гордо вышагивающего между оглоблями лошадиного муляжа; его заменял некий приземистый механизм, черный металлический корпус которого, по форме напоминавший кирпич, покоился на трех колесах. Переднее колесо несколько повернулось на вертлюге, когда водитель потянул повод, и кэб легко подрулил к тротуару; рывок за другой повод отключил двигатель, и экипаж плавно остановился.

— Усовершенствование, — сказал сэр Айсэмбард, когда они влезли внутрь. — Лошадь была проклятием этого города; выделения, мухи, болезни, и ничего больше. Ее заменит спокойный и надежный электрический мотор. От него ни шума, ни вредных выхлопов, в отличие от первых моделей, паровых, — просто батареи в багажнике; вы, вероятно, заметили провода на оглоблях. Теперь закройте люк. Наш разговор будет сугубо приватным, и я не хочу, чтобы нас слышали.

Последние слова были адресованы кэбмену, чья круглая унылая физиономия заглядывала сверху в слуховое отверстие, как заблудившаяся румяная луна.

— Прошу прощения, ваша честь, но вы не сказали, куда ехать.

— Майда-Вэйл, сто восемь.

Звук захлопнувшейся крышки люка как бы подчеркнул его слова; он повернулся к Вашингтону.

— Если вы решили, что мы едем ко мне домой, выбросьте это сразу из головы.

— Я подумал...

— Вы подумали неверно. Я хотел лишь поговорить с вами без свидетелей, с глазу на глаз. В любом случае, Айрис нынче вечером в Альберт-Холле, там у них какой-то теологический балаган — так что мы обойдемся без сцен. Это моя единственная дочь. Она повинуется мне, когда это нужно, но вдобавок она разделяет мои взгляды на жизнь. Когда я расскажу ей, что вы на правлении объединились с моими противниками, чтобы отстранить меня от руководства, что вы теперь, вероятно, желаете сами занять мой пост...

— Сэр!

— Помолчите. Это лекция, а не дискуссия. Что вы захватили должность, которую до этого занимал один из моих представителей. Что вы окончательно пошли против меня. Когда я расскажу ей все это, она сразу поймет, почему двери моего дома отныне закрыты для вас, и утром отошлет вам ваше кольцо с посыльным прямо в ваш клуб. Наши деловые отношения сохраняются, потому что другого выхода нет. Но ваша помолвка с моей дочерью разорвана, я больше не принимаю вас в своем доме, и вы не должны ни теперь, ни в будущем искать встреч с Айрис.

И он громко стукнул концом трости в крышку люка.

— Остановите кэб. До свидания.

III

Королевский Альберт-Холл

Мелкий дождь сыпал на темные тротуары Кенсингтон-Го, превращая их в черные зеркала, в глубине которых лучились желтым светом отражения висящих сверху газовых фонарей. Улица перед закрытыми дверями Холла была пустынной, но внезапно из-за угла показался одинокий джентльмен в насквозь промокших одежде и шляпе; он спешил, несколько не обращая внимания на дурную погоду. Шагая через ступеньку, он направился прямо ко входу, растворил одну из внешних дверей и лицом к лицу столкнулся с дюжим швейцаром в ливрее, который одной лишь своей дородной фигурой перекрывал любые возможности двигаться дальше.

— Сеанс начался, сэр. Все уже на своих местах.

— Я хочу переговорить кое с кем из зрителей, — сказал Вашингтон, отчаянно стараясь хоть как-то взять себя в руки и понимая, что его внезапное появление из ночной тьмы вполне может быть истолковано превратно. — Дело срочное. Если это необходимо, я куплю билет.

— Весьма сожалею, сэр. Касса закрыта.

Пока звучали эти слова, в руке Вашингтона уже появился кошелек, а вслед за этим, естественно,

последовала другая и, можно было смело надеяться, более успешная попытка проникнуть внутрь. Вашингтон вложил две полукроны в руку швейцара.

— Вы уверены, что тут ничего нельзя поделаться? Может, я загляну туда и поищу своих друзей?

Просверк серебра, хоть и исчез мгновенно, свершил чудесную перемену в поведении местного цербера; он попятился и приглашающе взмахнул рукой.

— Вполне понимаю вас, сэр. Прошу сюда.

Дверь тихо закрылась у Вашингтона за спиной, и тогда он огляделся. Холл не был переполнен. Во мраке Вашингтон мог разобрать лишь, что аудитория была почти исключительно женской, и на какой-то миг засомневался, под силу ли ему найти ту, одну-единственную, среди всех остальных. Восторженно замерев, они внимали небольшому седобородому человеку в черной ермолке, стоявшему на кафедре, возвышающейся посреди сцены. Чуть позади располагался нелепого вида диван с обивкой из красного плюша, на котором лежала весьма упитанная особа с вполне заурядной внешностью; женщина то ли была без сознания, то ли спала. Несоответствие одной половины этой странной пары другой было настолько разительным, что Вашингтон, не имевший, вдобавок, никакой возможности начать поиски Айрис немедленно, помимо воли стал прислушиваться к оратору.

— ...слышали, что мадам Клотильда, называя Мартина Алаяя Гонтрана, хотя она немало всякого повидала, это имя почти прокричала, подчеркивая тем самым его важность. Это связано с тем, что я говорил прежде, когда вкратце обрисовывал вам свою теорию многослойной структуры времени. В этой структуре существуют точки, названные мною альфа-узлами, а на существовании альфа-узлов и строится моя теория. Если они есть, значит, моя теория

обладает определенной доказательностью и может служить инструментом исследования времени; если их нет, значит, время течет подобно реке, одним мощным потоком, а не многочисленными параллельными струями, существование которых я принимаю за постулат. Если альфа-узлов нет, значит, я ошибаюсь.

— Так, так, — прошептал Вашингтон, высматривая прелестную темную головку среди других, не менее темных и, пожалуй, не менее прелестных головок впереди.

— На поиски основного альфа-узла ушли годы, и мадам Клотильда является первой ясновидящей, установившей контакт, — настолько трудна оказалась задача. Вначале — в это время было труднее всего — она произнесла одно только слово: «Гонтран», и я провел длительные и глубокие изыскания, чтобы выяснить, что оно значит. Наконец я решил, что отыскал точную ссылку, и сегодня вечером все вы могли убедиться в моей правоте, поскольку, когда я сказал: «Мартин», мадам восстановила недостающую третью часть. Алайя! Имя, существеннейшее полное имя, которое с точностью указывает на наш альфа-узел. Мартин Алайя Гонтран. Позвольте мне рассказать вам, кем он был, этот незаметный человек, этот неграмотный пастух, который держал в своих потрепавшихся, натруженных ладонях рождение целого нового мира. Я прошу вас учесть дату — 16 июля 1212 года. Место действия — Иберийский полуостров. Грядет великая битва христиан с мусульманами. Низко горят бивачные костры, воины с оружием в руках отдыхают по своим лагерям, собирая силы для битвы, которая вспыхнет на рассвете. Но никто не спит. И вот этот пастух, Мартин Алайя Гонтран, рассказывает своему другу, что собирается предпринять;

друг передает кому-то еще — и в итоге мавры хватают Гонтрана. Времена были дикие, и люди подвергали своих собратьев таким мучениям, которые я предпочел бы не описывать, щадя нежные ушки прекрасной половины моей аудитории. Достаточно сказать, что перед смертью Гонтран признался и рассказал, что ночью собирался провести войско христиан тайными, неохраняемыми тропами — они были известны ему, он ведь пастух — в тыл боевых порядков мусульман. Гонтран умер и не сделал этого. А теперь я прошу вас подумать, что могло бы произойти, если бы он преуспел в своих намерениях. Очень может быть, что тогда христиане, а не мусульмане, выиграли бы на следующий день битву при Навас-де-Толоса — пожалуй, самую значительную битву того периода. Давайте порассуждаем вслух. Выигранное сражение могло бы повести к новым победам, а тогда Иберийский полуостров мог оказаться не мусульманской территорией, частью Великого Халифата, а еще одной христианской страной, наподобие Франции или Пруссии. Какое нам дело, можете вы спросить, до столь отдаленной части континента, и я отвечу — самое непосредственное. Потому что причина однозначно связана со следствием. Причина — и следствие. Если бы в Иберии правили христиане...

На сцене позади него могучие формы мадам Клотильды вздрогнули и пришли в движение, в то время как из горла мадам раздалось нечто среднее между вздохом и глухим стоном. Большая часть аудитории эхом застонала в ответ, вздрогнув так же, как и мадам Клотильда; доктор Мендоза поднял руки, требуя тишины.

— Все отлично, все нормально, не беспокойтесь, я прошу вас. Видите — врач здесь, он настороже и немедленно поможет, если что. У ясновидящего велики

нагрузки на нервную систему, и подчас, ха-ха, возникают легкие побочные реакции, которые немедленно берутся под контроль. Видите — занавеси закрыты, доктор рядом с мадам, все будет хорошо. Прошу прибавить свет; я вернусь буквально через минуту, а вы пока послушайте записи ритуальных эскимосских песнопений, которые я сделал севернее Полярного круга на зимней стоянке этих почти не восприимчивых к холоду аборигенов, когда определял основы взаимодействия между световым днем и проявляющимися в музыке биоритмами, столь важные для создания теории альфа-узлов. Благодарю за внимание.

Едва прозвучали эти слова, вспыхнули лампы и маленький доктор, слегка побарахтавшись в занавеске в поисках выхода, пропал из виду; и в уши зрителей вонзились визгливые нечеловеческие вопли, перемежавшиеся глухими, монотонными ударами. Вашингтон воспользовался неожиданной удачей и поспешно двинулся в проход между креслами в поисках известного ему лица.

Она была там — во втором ряду, как раз возле прохода; темные волосы зачесаны назад и мягко сколоты золотой заколкой; поистине, она была удивительно красивой, и недаром ее так любили выискивать на балах фоторепортеры. Губы ее были пухлыми и ярко-алыми от природы; другим девушкам пришлось бы немало поработать с косметикой, чтобы выглядеть так. Как всегда, увидев ее, он растерял все слова; счастье переполняло его от одного лишь ее присутствия. Но, должно быть, она почувствовала прикосновение его взгляда, ибо подняла глаза, и мгновенное изумление на ее лице сменилось улыбкой столь сердечной, что Вашингтон окончательно онемел.

— Гас, как вы очутились здесь? Вот приятный сюрприз!

Он лишь улыбнулся в ответ, неспособный на что-либо более осмысленное.

— Знакомы вы с Джойс Бодмэн? Думаю, впрочем, что нет; она только что вернулась с Дальнего Востока. Джойс, это мой жених, капитан Огастин Вашингтон.

Он слегка тронул предложенную ему руку, чуть поклонился, равнодушно отметив привлекательность женщины, — и только.

— Очень приятно. Айрис, я терпеть не могу вторгаться столь бесцеремонно, но я только что с Корнуолла и утром возвращаюсь туда. Можно мне было бы переговорить с тобой сейчас же?

Другие слова готовы были сорваться с ее губ, но, должно быть, она ощутила нечто необычное в его поведении — или в голосе, поскольку успела их удержать; и в том, как она сделала это, проглянула твердая решимость, редкая для девушки, которой едва исполнилось двадцать.

— Конечно. Обморок мадам Клотильды, по-видимому, прервал доклад, а если доктор заговорит опять, Джойс мне все расскажет завтра. Не так ли, дорогая Джойс?

Дорогая Джойс вряд ли могла ответить хоть что-нибудь, потому что Айрис, желая, видимо, упредить любое ее высказывание, продолжала без малейшей паузы:

— Это очень любезно с твоей стороны. Когда придет машина, скажи, что я уехала домой кэбом.

Затем она оперлась на его руку, и они пошли по проходу прочь от сцены. Пока швейцар подзывал кэб, Вашингтон явно почувствовал, что к делу нужно приступить немедленно.

— Прежде чем мы поедем, я должен сказать вам — ваш отец и я разошлись во мнениях.

— Пустяки. Я все время в таком положении. Бедный папочка, определенно, самый неуступчивый человек на свете.

— Боюсь, это не пустяки. Он отказал мне от дома и — это еще труднее выговорить — не хочет, чтобы мы с вами виделись когда-либо впредь.

Она задумчиво умолкла, и счастливая улыбка медленно сошла с ее лица. Но держала его под руку она так же плотно, как и минуту назад, — и потому, если это вообще возможно, он любил ее еще больше.

— Нам нужно поговорить. Вы должны рассказать мне обо всем, что случилось. Мы поедем — сейчас соображу — в падингтонский «Грейт-Вестерн отель» и посидим там в комнате отдыха. Это по дороге домой, и я помню, что вам понравился там чай с пирожными.

В уютной замкнутости кэба, пересекавшего дождливую тьму Гайд-парка, он рассказал ей, что случилось. Рассказал все, опустив лишь не относящиеся к делу детали конфиденциальной беседы с Корнуоллисом, объяснил, по каким причинам было сделано назначение и почему оно столь важно как для компании, так и для него самого, а затем едва ли не слово в слово пересказал ей последний и решающий разговор с ее отцом. Когда он закончил, они были уже в отеле, но говорить оказалось не о чем; поднявшись по парадной лестнице, они уселись, велели принести чай и пирожные — а следовало бы позволить себе двойное бренди, он чувствовал в нем сильную потребность — и молчали, молчали, пока не подали чай.

— Случилась ужасная вещь, Гас. Ужасная вещь.

— Вы ведь не считаете, что ваш отец прав, нет?

— Я вообще не собираюсь думать о том, прав он или не прав. Мне лишь следует помнить, что он — мой отец.

— Айрис, любимая моя, так нельзя! Вы девушка двадцатого века, а не викторианская женщина без плоти и крови. Вы имеете право голоса... по крайней мере, в следующем году будете иметь, когда достигнете совершеннолетия. При Елизавете женщины свободны, как никогда прежде!

— Это так, я знаю, и я люблю вас, дорогой Гас. Но семейных уз это не отменяет. Вы сами сказали, я не достигла совершеннолетия, и не достигну еще полгода, и все еще остаюсь в доме отца.

— Вы не можете...

— Могу, хоть мне и очень больно это говорить. Пока вы и папа не разберетесь в этом кошмаре, который встал между вами, мне остается только одно. Гас, любимый Гас, у меня действительно нет выбора.

Последние слова она едва смогла произнести, теряя дыхание в вихре противоречивых эмоций; из уголков ее глаз выкатилось по слезинке, когда она сняла кольцо с пальца левой руки и вложила Гасу в ладонь.

IV

На воздушном корабле

Это был славный июньский день. Возбуждение переполняло улицы Саутгемптона и, как морской прибой, накатывало на доки. Улыбались и погода, и люди, которые, громко переговариваясь друг с другом, по двое, по трое спускались к порту, а полдень тем временем стремительно приближался. Разноцветные, яркие флаги полоскались в потоках бриза; лодки, как водомерки, скользили туда и сюда по безмятежной глади залива. С холмов докатился далекий паровозный свисток — стало ясно, что пора поспешить, и гулявшие люди задвигались быстрее. Это был приуроченный к отходу корабля поезд из Лондона; пассажиров уже ждали.

Звук свистка вырвал Гаса Вашингтона из водоворота работы, их хаоса светокопий, карт, диаграмм, расчетов, чертежей, схем, фунтов, долларов — и забот, бесчисленных забот, таящихся в раскиданных по всему купе бумагах. Он сжал пальцами переносицу — ее постоянно ломило от переутомления; затем потер воспаленные глаза. Он сделал очень много — некоторые сказали бы, слишком много, но этой громадной работы нельзя было избежать. Пока довольно, однако. Железная дорога свернула к докам; он собрал разбросанные бумаги и документы, сложил

их в свой набитый битком чемодан — крепкий, солидный, туго стянутый ремнями, на которых блестели латунные пряжки, чемодан из лошадиной кожи, точнее, из кожи пятнистого пони, на ней все еще были видны яркие белые и коричневые пятна. На этом пони он как-то раз ехал верхом, и ехал удачно, по достойному поводу, дело было на Дальнем Западе; но, в общем-то, это другая история. Он собрал чемодан, закрыл его, а тем временем поезд, прогрохотав по стрелкам, выехал на набережную, и прямо по ходу Вашингтон впервые увидел «Королеву Елизавету», зачalenную на своей стоянке.

Это зрелище мгновенно излечило его глаза. Чудо техники и инженерного искусства, подобного которому еще не видывал свет. Как сверкал корабль на солнце своей белизной! Нос упирался в причал; корма выдавалась в море далеко-далеко. Сходни полого поднимались к фордеку, где на флагштоке гордо развевался «Юнион Джек»*. В стороны, далеко в стороны по обоим бортам были распростерты могучие крылья — белые, широкие, с внушительными громадами висящих под ними машин. По четыре на крыло, всего восемь, каждая приводит в действие четырехлопастный пропеллер, и лопасти — в рост человека, а то и больше. «Королева Елизавета», гордость компании «Кунард-лайн», была самым крупным и самым прославленным из когда-либо существовавших летающих судов. В течение шести месяцев с отборной командой на борту она летала по всему миру, демонстрируя британский флаг всем океанам и берегам едва ли не всех континентов. Если и были какие-то сложности во время испытаний,

* Так в просторечии называется флаг Соединенного Королевства.

компания держала их в строгом секрете. Теперь, когда долгий испытательный полет завершился, «Королева» приступала к тому, для чего была создана — к выполнению беспосадочных рейсов Саутгемптон — Нью-Йорк по престижной Королевской Североатлантической линии протяженностью более 3000 миль. И было отнюдь не случайным, что первым же рейсом летел Гас Вашингтон — обыкновенный инженер, чье имя, вытесненное чуть ли не в конец списка пассажиров, терялось в блеске имен герцогов и лордов, владык промышленности, горстки европейских аристократов и одного прославленного, увенчанного лаврами актера. Всего сотня пассажиров — и, по меньшей мере, десять, а то и сто претендентов на каждое место. Было давление из высоких сфер, были приватные разговоры за портвейном в некоторых клубах и вкрадчивые телефонные звонки. Дела туннеля затрагивали и крупный капитал, и двор; обе стороны были едины в том, что необходимо сделать все возможное для привлечения американских финансов к предприятию. Вашингтон должен ехать в колонии — так пусть он едет подбабующим образом, уже одно это обеспечит наибольшее паблисити его поездке.

Первый перелет летающего судна по своему маршруту и предоставил такую блестящую возможность. Возможность, которую оценили еще до того, как впервые упомянули о ней вслух, — хотя успеть воспользоваться ею означало для Гаса успеть за пять дней управиться с работой, требовавшей, по крайней мере, двух недель. Он сделал это, он подготовился вполне, и путешествие вот-вот должно было начаться. Гас запер чемодан, открыл дверь купе и, выйдя на платформу, оказался среди других пассажиров. Их было немного, и он слегка приотстал, чтобы

остальные ушли вперед, навстречу сухому треску блицев и клацанью фотокамер, которыми орудовали газетчики. Поездом прибыли не все; барьер, который сдерживал напирющую толпу, открыли, чтобы пропустить два высоких, черных, грузных «роллс-ройса». Едва барьер начали закрывать за ними, с улицы требовательно грянул паровой свисток, и барьер поспешно открыли вновь, пропуская вперед длинный паровой лимузин «шкода» — этим экипажам оказывали предпочтение многие августейшие особы континентальной Европы. Паромобиль передвигался на шести колесах, причем колеса задней, ведущей пары были почти вдвое больше остальных, так же, как и задняя кабина, в которой располагались двигатель и топка. Сигналя, он испустил еще один султан пара и беззвучно скользнул мимо, волоча за собою бледный дымовой след; внутри, за стеклами в серебряных рамах, заметны были неподвижные фигуры, почитавшие, видимо, ниже своего достоинства смотреть по сторонам. Да, поистине это был незабываемый день.

Дальше по платформе располагалось привокзальное кафе, в котором, поскольку прибывавшие пассажиры сразу проходили на борт судна, обосновались газетчики. Гас успел выпить пинту удивительно прохладного горького пива, прежде чем джентльмены, представляющие четвертую власть, узнали и окружили его. Он говорил с ними безо всякого напряжения и откровенно отвечал на все вопросы о туннеле. Все идет прекрасно, абсолютно прекрасно, по графику и даже с опережением. Туннель будет построен, опасаться нечего. Они с уважением отнеслись к его просьбе не фотографировать его с кружкой в руке, так как среди пожертвованных на туннель сумм были деньги общества трезвости, и поблагодарили за

приглашение встретиться еще раз. Путешествие начиналось многообещающе.

Когда он вновь вышел под лучи солнца, сходни уже опустели, все пассажиры были на борту. Вашингтон тоже поднялся на фордек и остановился перед ожидавшим там судовым офицером, который хотел было откозырять очередному пассажиру — но рука его нерешительно замерла где-то на полпути от штанины безукоризненно отутюженных форменных брюк к сверкающему козырьку фуражки, а затем вдруг потянулась вперед для рукопожатия.

— Гас Ястребиный Глаз, это ты!

Время помчалось вспять, Вашингтон снова очутился в своей эдинбургской берлоге; и в классе; и на прогулке по Принс-стрит, и тогдашний дождь вновь хлестал его по лицу. Ястребиный Глаз — легендарный герой широко известного романа, чье прозвище приклеивалось ко многим студентам, приехавшим из американских колоний. Вашингтон широко улыбнулся и крепко пожал протянутую ему руку.

— Алек, неужто это ты? Куда ты подевал усы Королевских ВВС, Алек Даррел?!

— Он самый, Ястребиный Глаз, он самый. И, должен тебе сказать, расстаться с этими усами было непросто, — проговорил офицер и резким движением ладони как бы отмел все, что с ним было прежде. — Столько лет в ВВС, потом флотская авиация, теперь вот — «Кунард», когда они стали перетягивать к себе наших лучших летунов.

— Все мечешься, я смотрю.

— Как всегда. Рад приветствовать тебя на борту. Слушай, айда на мостик, познакомлю с ребятами. Я здесь старший механик. Компания подобралась славная. Все отставники — только среди бывших военных компания смогла найти пилотов, способных

управляться с таким ковчегом. Ни одного штатского в нашей банде, если не считать казначея, а ему дорога на мостик заказана.

Они двинулись по направлению к корме; миновали пассажирский вход, расположенный как раз под высокими окнами мостика, и вошли внутрь фюзеляжа через небольшую дверь с надписью «Только для экипажа». Дверь вела в обширное помещение с окнами по бокам и спереди, заполненное приборами управления. Ближе к переднему окну сидел рулевой, а места капитана и старшего помощника располагались справа и слева от него. За открытыми дверьми в задней переборке виднелись небольшие кубические каюты радиста и штурмана. Стены были обиты панелями из тика, ореховые подставки для приборов сверкали хромом, а пол от стены до стены покрыт великолепным ковром от Уилтона. На местах пока никого не было, только вахтенный рулевой сидел, уставясь вперед с выражением ответственности на лице, в то время как пальцы его отдыхали на спицах рулевого колеса.

— Офицеры внизу,— сказал Алек.— Болтают с пассажирами первого класса, как всегда. Благо, что я должен присматривать за машинами, так что могу от них отколоться. Знаешь, покажу-ка я тебе машинное; думаю, тебе будет интересно. Только закинем твой чемодан к штурману в норку, туда что угодно влезет.

Штурман, возможно, так не думал; каюта была ненамного больше кабинки уличного телефона, и Гас с превеликим трудом отыскал уголок для чемодана. Затем Алек открыл люк и повел приятеля по винтовой лестнице вниз, в носовой трюм, где портовые грузчики затаскивали на борт последние остатки багажа — чемоданы, громадные, неподъемные дорожные

сундуки — и увязывали их в багажных сетках. Свободным оставался лишь узкий проход, по которому друзья и пошли вдоль всего судна к корме.

— Пассажирская палуба над нами, но мы не будем там толкаться и проскочим здесь.

Сверху доносились неясные голоса и веселая мелодия оркестра.

— Там наверху будто десяток духовых играет. Не говори мне только, что корабль полон музыкантов, а?

— Видимость одна. Это магнитофон, знаешь. Приходится следить за брутто-тоннами; эта колымага перед взлетом потянет больше чем на сто.

— До сих пор, признаться, я не замечал большой заботы о весе.

— Это ты можешь повторять сколько угодно — или скажи на правлении, если хочешь. Это в традициях «Кунард», правление настояло. Если бы мы пошвыряли за борт всякий хром с латунью и тиком, то могли бы принять еще сотню пассажиров.

— Но не с таким комфортом. Может, они предпочитают качество количеству?

— Пусть так. Не моя забота. Сюда, в этот лифт. Он маловат для двоих, так что старайся поменьше думать.

Дверь закрылась автоматически; Алек коснулся кнопки, и кабина начала плавно подниматься.

— Крыло на самом верху, так что лучше лифтом, чем пешком.

Они вошли в низкий коридор, пересекавший корабль поперек; оба конца его упирались в тяжелые двери с рукоятками и сигнальными лампочками. Механик повернул направо, включил механизмы, и дверь, повернувшись, открыла доступ в комнату, лишь немногим большую, чем кабина лифта, которую они только что покинули.

— Кессон,— сказал Алек, когда дверь позади них закрылась, а впереди открылась другая.— Нет смысла поддерживать в машинном нормальное давление, так мы делаем наоборот. Добро пожаловать в машинный отсек левого борта «Королевы Елизаветы». Здесь царствую я.

Его царствованию немедленно был брошен вызов. Старшина в перепачканной белой робе козырнул с равнодушным видом, а затем угрюмо показал большим пальцем через плечо.

— Все еще на заправке, сэр,— сообщил он,— заваливаем бункера доверху.

— Я приказал закончить к десяти.

— А я им это говорил, сэр,— голос матроса был полон такой безграничной печали, будто все скорби мира лежали на его хрупких плечах.

— Ладно, послушают еще,— сказал механик и добавил ряд сочных проклятий, выдававших в нем как армейскую, так и флотскую закваску. Тяжело ступая, он подошел к большому донному люку, отжал страховочные рукоятки и откинул крышку. До воды было добрых двадцать футов; Алек ухватился за край отверстия и до половины высунулся наружу, буквально повиснув головой вниз.

— Эй, на барже! — проревел он.

Гас встал на колени напротив и оттуда прекрасно видел все, что происходило внизу. Неуклюжая баржа с насосной станцией на одном из концов была прицеплена к фюзеляжу «Королевы Елизаветы». Толстые гибкие трубы змеились от баржи к клапанам в борту судна; как раз в этот момент крайнюю трубу отсоединяли. Стоило ей отойти, мощный выброс черной угольной пыли осквернил борт воздушного левиафана, и комментарии старшего механика приобрели еще более живое содержание. Но как только все

трубы были оттянуты и клапана закрыты, в ход пошли пожарные брандспойты, и в считанные секунды корпус корабля обрел первозданную чистоту. Помогая себе руками, Алек распрямился с победным блеском в глазах — и поспешно подскочил к телеграфу машинного отделения, поскольку звонок телеграфа уже прозвонил дважды, и латунная сигнальная рукоятка переместилась в положение «прогрев двигателей».

— Левый борт, первый! — крикнул Алек. — Бутан в клапана!

— Есть, есть! — ответил старшина, и двое матросов мгновенно занялись этой сложной работой.

Гас, конечно, знал теорию, но до сих пор ему ни разу не доводилось видеть такие гигантские двигатели в работе. Ему было известно, что каждая из этих турбореактивных громад, частично выдававшихся над бывшей здесь полом нижней поверхностью крыла, развивала мощность в 5700 лошадиных сил. Бутан пошел, когда ротор электромотора провернулся на оси и с глухим ревом начал вращаться. Теперь горящий газ раскручивал лопасти турбины все быстрее и быстрее, пока не были достигнуты нужные температура и давление. Алек легонько постучал по циферблату и, видимо, остался доволен, поскольку отключил подачу бутана и одновременно привел в действие насос, начавший закачивать в двигатель мельчайшую угольную пыль, где та немедленно воспламенялась с большим выделением тепла. Огромный механизм, дрожа, сдержанно загрохотал — Алек вывел его на режим холостого хода.

— Я буду здесь, пока все не войдет в норму после взлета, и надо еще запустить правый борт. Почему бы тебе не вернуться на мостик? Я позвоню им и скажу, что ты идешь туда.

— Наверное, я буду мешать?

— Нисколько. На каждый твой вопрос о нашем летучем Моби Дике они зададут тебе дюжину о твоей трансатлантической трубе. Ну, шагай.

Механик был недалек от истины — сам капитан, полковник Мэйсон, встретил Гаса и упросил его остаться на мостике. Было тихо, распоряжения отдавались сдержанно и выполнялись с готовностью; казалось, волновались только снаружи. Люди, толпившиеся на пристани, размахивали руками и приветственно кричали, то и дело звучали гудки кораблей; наконец, ровно в полдень швартовы были отданы и буксиры осторожно потянули величественный корабль прочь от берега на простор Ла-Манша. Мэйсон, который был слишком молод для капитана «Кунардлайн» и, чтобы добавить себе солидности, отрастил окладистую бороду, явно гордился своей работой.

— Водоизмещение — сто девяносто восемь тысяч фунтов, мистер Вашингтон. От носа до кормы — двести сорок футов, и семьдесят два фута — от основания степса до наблюдательного пункта на вершине главного хвостового киля. Должен признать, все работает, как часы. Сзади у нас стоит турбина в две тысячи лошадиных сил, исключительно чтобы качать воздух для контроля над пограничным слоем и подавления срыва струи, а это увеличивает нам подъемную силу втрое по сравнению с обычным крылом. Таким образом, мы взлетим на пятидесяти милях в час, с пробежкой в каких-то четырехста футов. Гофрировка по обеим сторонам корпуса гасит вспенивание, не дает брызгам взлететь вверх и как бы успокаивает для нас море. Ну, а теперь прошу меня простить.

Буксиры были отцеплены. Рулевой вывел судно на линию взлета и затем по команде капитана оставил

управление. Гудящие полицейские катера очистили залив от яхт и лодок. Крепко сжимая левой рукой стартовую рукоятку, капитан правой телеграфировал в машинное отделение «полный вперед». Палуба чуть заметно задрожала, когда турбины, завывая, вышли на рабочий режим, и «Королева Елизавета», набирая скорость, начала скользить по глади моря. Отрыв был столь мягким, что переход с воды в воздух прошел незамеченным. По сути, эта божественная воздушная колесница вела себя столь устойчиво и надежно, что, казалось, это не корабль поднимается, а сам город проваливается вниз, съезжаясь до размеров макета и затем заваливаясь на бок, когда корабль начал широкий разворот к западу. Под ними проплыл остров Уайт — скромный зеленый осколок, купающийся в сиянии океана; и вот они уже были над Ла-Маншем, и Англия сжималась и таяла под их правым крылом. Гас забрал чемодан и ушел вниз; он был счастлив, что разделит радость триумфа с отважными людьми, бороздящими это новое, безграничное море.

Короткий, шедший в направлении кормы коридор вел к Гранд-салону, где пассажиры могли и других посмотреть, и себя показать. Они сидели за столами, наслаждаясь видами через большие круглые окна, и задавали бармену жару. Помещение было не столь обширным, как обещало название, но невидимый купол потолка, на который скрытые от глаз механизмы передавали изображение мерцающих звезд и плывущих облаков, создавал иллюзию простора. Протолкавшись через толпу, Гас поймал взгляд проводника; тот отвел его в каюту. Она была миниатюрной, но в ней было все необходимое, и Гас, с облегчением опустившись в кресло, некоторое время отдыхал, глядя в иллюминатор. Его багаж был уже здесь, и Гас знал,

что внутри лежат оставшиеся непросмотренными бумаги, которыми он должен заняться. Но сейчас он сидел спокойно, любуясь простотой и удобством устройства каюты, тем, как легко складываются на ночь стул и стол, давая возможность выдвинуть койку, а также подлинной литографией Пикассо, висевшей перед ним на стене. Но, в конце концов, он зевнул, потянулся, расстегнул воротничок, открыл чемодан — и сел работать. Когда подали сигнал к ленчу, он и с места не сдвинулся, лишь попросил, чтобы ему принесли пинту бочкового «Гиннеса» и завтрак по-крестьянски — хлеб, сыр и пикули. После такой незамысловатой трапезы хорошо работалось, но к тому времени, как позвонили к обеду, желание отложить работу пересилило желание ее продолжать, и он присоединился к спутникам. На сей раз спутницей его оказалась севшая за один с ним столик леди преклонных лет, весьма богатая, но явно не аристократка. И то, и другое можно было легко понять по ее драгоценностям и по гласным в ее речи, так что, быстро покончив с обедом, Гас вернулся в каюту.

Пока он отсутствовал, его постель была выдвинута и расстелена; между простынями лежала электрогрелка, поскольку воздух в каюте охладил до освежающей, наилучшей для сна температуры, а поперек подушки Гаса ждала пижама. Часы показывали десять, но он перевел их на пять часов, поставив нью-йоркское время, — вставать придется чертовски рано. Триста миль в час, пятнадцать часов лета. В момент прибытия по местному времени, может, и будет десять часов пополудни, но для его организма это лишь пять часов; и он решил лечь как можно раньше. Денек завтра будет горячий — и неделя, и месяц, и год... и горячка эта, похоже, навечно. Не это его

заботило. Туннель стоил того, стоил и много больше. Гас зевнул, залез под одеяло и погасил свет. Штору на иллюминаторе он задерживать не стал, чтобы перед сном полюбоваться на плывущие в спокойном великолепии звезды.

Потом он с кем-то боролся, его тащили, он не мог вздохнуть, он умирал, его связывали. Он отбивался отчаянно, он пытался разделаться с несокрушимыми путами, он тщился звать на помощь — но и нос, и рот его были чем-то закрыты.

Это был не сон. Никогда он не ощущал запахов во сне, никогда его нос не попадал в подобную переделку; никогда прежде его не душил приторно-сладкий дурман эфира.

К этому моменту он уже все понял, вполне понял — и берег дыхание, задерживал его, старался не дышать. На Дальнем Западе он не раз помогал хирургу, подливая эфир в воронку у лица раненных, и научился задерживать дыхание, чтобы не нахвататься летучих, вызывавших головокружение паров. Это он и сделал сейчас, не зная, что происходит, но понимая, что стоит ему сделать еще хоть вдох — и он потеряет сознание.

Света не было, но, судя по тому, что он ощущал во время борьбы, по крайней мере два человека наваливались на него всем своим весом, не давая двигаться. Что-то холодное сковывало его запястья; что-то перехватило лодыжки. Теперь тяжелые тела лишь прижимали его к койке — а он еще пытался сопротивляться; и кто-то держал тряпку с эфиром на его лице, ожидая, когда он затихнет.

Это была пытка. Он боролся, как только мог, пока не позволил своим усилиям снизиться; желание сделать вдох сменилось мучительной необходимостью его сделать, и наконец настал ужасный момент, когда

подумалось, что если не будет вдоха, то он умрет. С почти самоубийственным усилием он выдержал и это, и, уже погружаясь в бездонную тьму, почувствовал наконец, что тряпку убрали с его лица.

Первым делом он, прочищая ноздри, выдохнул остатки отравленного воздуха из легких и затем, очень медленно — хотя все его тело, казалось, кричало, требуя вдоха, — беззвучно впустил в легкие тоненькую струйку снаружи. Едва успев сделать это, он почувствовал, как сильные руки схватили его, подняли и понесли к двери; она была чуть приоткрыта, и ее распахнули шире, чтобы его протащить. В коридоре тускло горело ночное освещение; Гас чуть приоткрыл глаза — так, чтобы они казались закрытыми, — и полностью расслабился, хотя его и ударили о косяк, когда выносили.

Никого не было видно, никого, кто мог бы услышать крик, — впрочем, неизвестно, помогло бы это или нет. Только два человека, одетых во все черное, в черных перчатках и черных пучеглазых масках, раздутых у подбородка. Два человека, два грозных незнакомца, поспешно несущих его — куда?

К ожидавшему лифту, из которого, стоило открыть дверь, хлынул поток такого яркого света, что Гас сразу зажмурился. Но он успел узнать этот лифт, соединявший трюм и машинное отделение, в котором он побывал со старшим механиком. Что бы это значило? Его впихнули внутрь, и только тела противников, втиснувшихся вместе с ним, не дали ему упасть. Он чувствовал их дыхание; лифт пошел вверх; до сих пор не было сказано ни слова. Меньше чем за минуту эти два дикаря схватили и связали его, лишили, как они считали, сознания, и теперь тащили куда-то — уж конечно, не с добрыми намерениями.

Ответ не заставил себя ждать. Левый машинный отсек; они повторяли тот путь, который Гас проделал утром. Вот и кессон. Одна дверь закрылась, другая открылась под змеиное шипение отсасывающего воздух клапана.

Вашингтон все еще не мог ничего поделать. Начни он бороться, его надолго лишили бы сознания. Хотя нервы его иступленно зывали о действии, пусть о каком-нибудь, лишь бы разрушить безмолвие и беспомощность, он не предпринимал ничего. К тому времени, как открылась внутренняя дверь, в голове у него окончательно прояснилось, он старался дышать глубже, как только мог, максимально насыщая легкие и кровь кислородом. Ибо за дверью начиналась негерметичная часть летающего судна, где воздух был таким же разреженным, как и снаружи, на высоте 12000 футов. Человек, дышащий таким воздухом, впадает в глубокое беспамятство и погибает. Неужели именно это и было у них на уме? Они оставят его здесь умирать? Но почему, кто они, чего хотят?

Они хотели его убить. Он понял это, когда его швырнули на холодный металл палубы и завозились с рукоятками люка позади — того самого люка, в который высовывался Алек в Саутгемптоне. Но там у него было двадцать пять футов, грозившие лишь случайным купанием. Здесь были 12000 футов и жестокая смерть впереди.

Крышка люка с трудом поддавалась. Со скоростью трехсот миль в час ураганный поток ударил в отверстие, перекрыв даже рев четырех огромных двигателей. И тогда Вашингтон сделал то, что должен был сделать.

Резко распрямив согнутые ноги, он ударил ближайшего из убийц под колени. На одно короткое

мгновение таинственный незнакомец завис над отверстием, дико молотя руками воздух, и канул в ледяную ночь.

Гас не стал дожидаться, когда за дело возьмется второй; со змеиной стремительностью он подполз к коробке датчика пожарной сигнализации и, ухитрившись подняться на ноги, заколотил в нее головой, пока не почувствовал, что стекло разбилось и впицается ему в кожу. Тогда он повернулся ко второму убийце, который все это время явно колебался, не зная, что предпринять.

Кислородное голодание ничем не выдает себя, просто сознание ускользает и наступает смерть. Гас думал лишь об одном: может ли выпуклая маска бандита скрывать дыхательный прибор, или бандит отключится тоже. Он должен остаться на ногах. Должен бороться. Если он потеряет сознание, его подтащат к люку и он пропадет в ночи, как тот, первый.

Его глаза закрылись, он медленно сполз вниз и, распростершись на палубе, впал в забытие.

V

Наемный убийца

— Прекрасное солнечное утро, сэр, немного облачно, но всерьез это принимать не стоит.

Стюард отдернул штору, и сноп солнечного света, сияющего, как расплавленное золото, ударил в каюту. С профессиональной ловкостью выдвинув пластину ночного столика, он поставил на нее поднос с чашкой чая. Одновременно положил судовую газету Вашингтону на грудь, так что тот окончательно проснулся и заморгал, шурясь, — дверь за стюардом тем временем тихо закрылась. Гас зевнул, но газета привлекла его внимание, и он стал просматривать заголовки. «Сотни погибших во время землетрясения в Перу». «С берегов Рейна снова сообщают об артобстреле». «Нью-Йорк тепло встречает Цезаря Чавеса». Гас знал, что газету готовили служащие линии в Нью-Йорке, а затем по радио ее переслали на борт воздушного судна. Чай был крепким и вкусным; Гас выпался отлично. Было, правда, ощущение чего-то неуместного, чего-то крепко стянувшего одну половину лица — но едва он успел дотронуться и обнаружить пластырь, как дверь широко распахнулась и коротенький, кругленький человек, весь в черном, с воротничком «собачий ошейник», ворвался в каюту, как живое пушечное ядро, а следом за ним вошел сам полковник Мэйсон.

— О Боже, Боже милосердный! — заговорил круглый человечек, сжимая и разжимая пальцы, трогая тяжелое распятие, висевшее у него на шее, и похлопывая по стетоскопу, болтавшемуся поверх, как если бы он не знал наверняка, на чью помощь правильнее рассчитывать — то ли Христа, то ли Эскулапа. — Боже! Я собирался сказать стюарду, вы ведь дремали, тысяча извинений. Лучше вам отдыхать, уверен, сон — лучший доктор. Для вас, разумеется, не для меня. Вы позволите? — с этими словами он бережно взял нижнее веко Гаса, оттянул вниз и стал всматриваться под него с такой заинтересованностью и с таким благоговением, как если бы там почивала бессмертная душа инженера.

Замешательство быстро сменилось смущением, а затем нахлынуло чувство страха, от которого сердце Гаса бешено заколотилось, и на лбу мгновенно выступили капли пота.

— Так это был не сон... не кошмар... — он громко вздохнул. — Это действительно произошло.

Командир корабля закрыл за собой дверь и, обеспечив таким образом разговору секретность, серьезно кивнул.

— Да, произошло, капитан Вашингтон. Хотя что именно, мы не знаем, и больше всего я хочу, чтобы вы, если только вы в состоянии, поскорее мне это как-нибудь разъяснили. Я могу сказать только, что сигнал пожарной тревоги из левого машинного отсека был подан в ноль одиннадцать по Гринвичу. Старший механик, который в это время осматривал двигатель в правом машинном отсеке, отреагировал немедленно. Он сообщает, что нашел вас лежащим на палубе — одного, в беспамятстве. Одеты вы были так же, как сейчас, на лице — страшные порезы, и лежали вы прямо под датчиком пожарной сигнализации.

Осколки стекла, обнаруженные в ваших ранах, указывают, что вы подали сигнал тревоги головой. Вероятно, вы были вынуждены так поступить, поскольку лодыжки и запястья у вас были в наручниках. Аварийный люк в палубе рядом с вами оказался открытым. Это все, что мы знаем. Механик, который был в дыхательной маске, дал вам свой кислород и вытащил с палубы. Епископ Ботсванский — вот этот джентльмен, он врач — откликнулся на нашу просьбу и обработал ваши раны. Наручники с вас мы сразу сняли, и по совету епископа дали вам возможность поспать. Вот и все, что мы знаем. Я надеюсь, вы сможете рассказать нам больше.

— Смогу, — хрипло сказал Гас. И тут оба внимательно следивших за ним собеседника увидели, как выражение покоя, почти безмятежности на его лице сменилось крайним отчаянием — столь глубоким, что священник-врач с криком рванулся к нему; но пациент остановил его, подняв руку и словно бы отмахнувшись, а затем со стоном боли втянул воздух и порывисто выдохнул. — Я вспомнил, — сказал он. — Я все вспомнил. Я убил человека.

Абсолютная тишина царила, пока он рассказывал; вначале нерешительно пытаюсь описать свое замешательство в момент горестного пробуждения, потом, по мере того, как в памяти оживали подробности, быстрее и быстрее — борьба в темноте, пленение, последний чудовищный миг, когда тот, другой, канул в вечность, и ужас перед возможностью собственной смерти, переполнявший его. Когда Гас закончил, в глазах епископа стояли слезы — он был человеком мягким, он в жизни не подвергался сколь-либо серьезной опасности, и ему было чуждо насилие; но глаза сидевшего рядом с ним капитана оставались сухими, и в них читалось суровое понимание.

— Вы не должны казнить себя,— почти приказывая, проговорил полковник Мэйсон,— тут не о чем жалеть. Попытка преступления налицо. То, что вы сопротивлялись в порядке самозащиты, должно не осуждаться, а приветствоваться. Окажись я на вашем месте, надеюсь, у меня хватило бы умения и храбрости сделать то же самое.

— Но это были не вы, капитан. Это был я. Забыть я не смогу. Этот груз мне нести теперь всю жизнь.

— Не надо казнить себя,— сказал епископ, нашивая свои часы и взяв Гаса за запястье — в нем вдруг проснулся медик.

— Дело тут не в угрызениях совести, а скорее, в понимании. Я совершил ужасную вещь, и то, что она может быть оправдана, не делает ее менее ужасной.

— Да, да, конечно,— с некоторой резкостью сказал полковник Мэйсон, подергивая себя за бороду.— Но, боюсь, мы должны продолжить расследование. Знаете ли вы, кто были эти люди и каковы могли быть их мотивы?

— Я в таком же недоумении, как и вы. Насколько я знаю, у меня нет врагов.

— Вы не заметили никаких особых примет? Тембр голоса, цвет волос?

— Ничего. Черная одежда, маски, перчатки. И они не разговаривали, делали все в полной тишине.

— Исчадия ада! — воскликнул епископ и, совершенно выбитый из колеи, перекрестил себя стетоскопом.

— Хотя... Погодите, погодите! Что-то припоминаю... только бы ухватить... Что-то... да — метка, голубая, возможно, что-то вроде татуировки. У одного из них, на запястье, оно было почти у меня перед носом, когда он меня держал, а перчатка сбилась, отошла от рукава куртки, и на внутренней

стороне запястья... Я не могу припомнить точно, просто что-то голубое.

— У кого из них? — спросил капитан. — У того, кто уцелел, или у другого?

— Не знаю. Поймите, не это было моей первой заботой.

— Разумеется. Значит, пятьдесят на пятьдесят, что преступник еще на борту — если только он не вывалился в люк вслед за своим соучастником. Но под каким предлогом мы можем осмотреть у пассажиров запястья? Члены экипажа нам хорошо известны, хотя... — он вдруг осекся, пораженный какой-то мыслью, от которой лицо его почернело и стало внезапно жестоким. Когда он заговорил вновь, тон его требовал абсолютного повиновения. — Капитан Вашингтон, пожалуйста, побудьте здесь и ничего не предпринимайте. Доктор позаботится о вас, и я прошу вас поступать согласно его предписаниям. Я скоро вернусь.

И без дальнейших объяснений он вышел, не дав им ни о чем спросить. Епископ осмотрел пациента более тщательно, нашел его здоровым, но переутомленным, и рекомендовал успокоительную микстуру, от которой Вашингтон вежливо, но твердо отказался.

Он лежал неподвижно, с окаменевшим лицом, размышляя о том, что случилось, и о том, как будет жить дальше с таким преступлением на совести. Он понимал, что ему придется смириться и привыкнуть к подобной жизни. За те минуты, что он лежал здесь, он возмужал и стал старше, так что, когда дверь открылась и капитан появился вновь, перед ним был уже совсем другой человек. За спиной капитана произошло движение; Алек и второй помощник вошли в каюту, крепко держа за руки кока.

Он не мог быть никем иным, этот крупный солидный человек в белом, с высоким поварским колпаком

на голове, с нездоровой кожей, с аккуратными усиками — и с выражением полной ошеломленности на лице. Как только дверь закрылась и пестрая компания заполнила миниатюрную каюту так, что стало нечем дышать, капитан сказал:

— Это Жак, наш кок. На корабле он с самого начала, а в «Кунард-лайн» работает лет десять, а то и больше. Он ничего не знает о событиях нынешней ночи, и заботят его сейчас только круассаны, оставленные в печи. Но он много раз прислуживал мне за столом, и я вспомнил одну вещь.

Стремительным движением капитан схватил кока за руку, вывернул ее ладонью наружу и оттянул рукав куртки. Там, на внутренней стороне предплечья, виднелась поразительно ясная на фоне бледной кожи татуировка — якоря и канаты, трилистники и лежащие русалки... Она мелькнула, и Вашингтон словно заново увидел этого человека — уже не в белом, а в черном, вновь почувствовал силу его затянутых в перчатки рук, услышал его хриплое дыхание. Не обратив внимания на попытку епископа удержать его, Вашингтон встал к коку вплотную, лицом к лицу.

— Это он. Это тот человек, который пытался меня убить.

На протяжении нескольких долгих секунд лицо кока сохраняло изумленное выражение. Затем на нем отразились тревога и замешательство, он впился взглядом в своего обвинителя, стараясь понять, чем все это может для него обернуться, в то время как Вашингтон угрюмо и непреклонно смотрел коку в глаза, точно хотел заглянуть в душу. Затем оба державших Жака офицера почувствовали, что руки у него задрожали и дрожь перекинулась на все тело; отчаяние охватило его, вытеснив остальные

чувства, — теперь офицерам пришлось преступника уже не держать, а поддерживать. А когда он, наконец, раскрыл рот, его словно прорвало — слова хлынули из него потоком, который уже невозможно было остановить.

— Да, я — я это был, но меня заставили, я не сам, Бог свидетель — не сам! Святой Боже! — выкрикнул он по-французски. — И вспомните, вы были без сознания, я мог сделать все, что велено, вы бы не смогли сопротивляться, я спас вам жизнь, оставил там. Так не дайте им взять мою, я умоляю вас; сам бы я ничего такого не сделал...

С мучительным облегчением он рассказывал все — всю свою несчастную повесть с момента, когда он впервые ступил на землю Англии двадцать лет назад, и что с ним происходило потом. Он въехал в страну нелегально. Друзья помогли ему убежать от унижительной парижской безработицы — друзья, которые, в конечном счете, оказались не столько друзьями, сколько тайными агентами французской короны. Уловка была простой и такой обыкновенной — но она срабатывала наверняка. Просят помочь, и отказать уже невозможно — иначе его выдадут властям, посадят, сошлют... А дальше — больше, на все есть документы, и почти всякая услуга подсудна — и так, пока не запутаешься окончательно в тенетах шантажа. С тех пор, как он угодил в сети, использовали его редко, он был тем, кого на языке преступного мира называют «соней», — ждал, подремывая до времени, в глубине приютившей его страны, точно так же, как дремлет бомба, готовая в любую минуту взорваться от первой же искры. И вот — запал подожжен. Приказ, встреча, пассажир на корабле, угрозы и издевательства, и откровенная фраза о том, что его оставленная во Франции семья окажется в

опасности, если он посмеет отказаться. Он не посмел. А дальше ночная встреча и ужасные события, которые за нею последовали. И чудовищный финал, когда агент погиб, а совершить преступление сам он не смог; он сразу знал, что не сможет. Вашингтон слушал и понимал; именно он распорядился, чтобы сломленного человека увели — он понял все слишком хорошо. Позже, когда оставались считанные минуты до последнего маневра воздушного корабля над проливами перед посадкой в бухте Нью-Йорка, капитан сообщил Вашингтону то, что к этому моменту удалось выяснить.

— Второй человек — настоящая загадка, хотя, по-видимому, он не француз. Явный профессионал в этих делах — никаких бумаг в багаже, никаких меток на одежде. Чисто. Но он англичанин — все, кто разговаривал с ним, в этом убеждены — и пользовался большим влиянием, иначе он не попал бы в число пассажиров. Все обстоятельства мы сообщили в Скотланд-Ярд, и наряд нью-йоркской полиции уже дожидается на пристани. Это действительно загадка. У вас нет никаких соображений насчет того, кто они, ваши враги?

Вашингтон застегнул последний саквояж и устало опустился в кресло.

— Даю вам слово, капитан: до сегодняшней ночи я и не подозревал, что у меня есть враги, а тем более такие, которые могут работать в контакте с французской секретной службой и тайно нанимать подручных, — он криво усмехнулся. — Но теперь я это знаю. Знаю наверняка.

VI

В львином логове

Вагонетка потеряла управление на Третьей авеню; отскочив от одной из железнодорожных опор, она вылетела на тротуар, начисто снесла пожарный гидрант и опрокинулась на бок, вывалив весь свой груз на мостовую. Множество рулонов разноцветных тканей раскатились во всех направлениях, покрыв мостовую подобием ярких флагов. Случайные свидетели аварии сошлись на том, что лучшего места, чтобы поозорничать и покуролесить, и захочешь — не сыщешь, и вряд ли найдешь место хуже для попыток сохранить законность и порядок — вагонетка опрокинулась прямо напротив гриль-бара ирокезов. Посетители бара тут же высыпали на улицу поглазеть на забаву и принялись с радостным гиканьем прыгать туда-сюда через потоки материи и раздирать рулоны, выясняя, что там у них внутри. В этот теплый летний денек большинство краснокожих было обнажено по пояс; на них были только легины да мокасины, а у некоторых — еще головные повязки с перьями. Они хватали самые большие рулоны и с наглым хохотом накручивали ткань на себя, пока ошеломленный водитель, свесившись из окна кабины, грозил им сверху кулаком. На этом бы веселье и закончилось

и большей беды не стряслось, если бы гриль-бар «Смеющаяся вода» не соседствовал с баром Клэнси, питейным заведением того же пошиба, где, однако, погоду делали исключительно выходцы из Ирландии. Эта неуместная близость доставляла массу хлопот полиции; как в прошлом, так и, наверняка, в будущем, она способна была сказаться на правопорядке в районе вряд ли иначе, чем в этот раз. Заслышав шум, ирландцы тоже вышли на улицу и принялись громко комментировать действия индейцев и подзадоривать их — возможно, завидуя их буйной непосредственности. Результат легко было предвидеть; кому-то подставили ножку, кого-то обозвали при всех, кто-то с кем-то схватился, и пошла общая свалка. Ирокезы, которых закон обязывал оставлять томагавки и тесаки-скальпореzy на пропускных пунктах при въезде в город или, если те жили в городе, держать их дома, быстро нашли им замену, схватившись за столовые ножи из бара. Ирландцы, в равной степени лишенные права появляться на людях с дубинками и терновыми посохами, вес которых превышал известную величину, обнаружили, что их вполне заменяют бутылки и ножки от стульев — и ринулись в драку. Стоило им схлестнуться, как индейские боевые кличи смешались с громогласными поминаниями святых и всего Священного Семейства. Поскольку целью этой разминки было исключительно удовольствие, до смертоубийств или серьезных увечий дело не дошло — но были тут, конечно, и пробитые черепа, и сломанные кости, и, по крайней мере, один скальп, чисто символический, просто клочок кожи с волосами. Затем счастливые вопли заглушил своим грохотом пролетавший мимо поезд, а когда он отгрохотал свое, на смену ему завывли полицейские сирены. Зеваки,

наслаждаясь представлением, толпились поодаль, а какой-то торговец с тележкой, пользуясь случаем, юлил по краю толпы и продавал прохладительные напитки. И все были довольны.

Айэн Макинтош, однако, счел происшествие крайне неприятным; подобных зрелищ никогда не увидишь на улицах Кэмпбеллтауна или Махриханиша. Людям, которые считают шотландских горцев забияками и пропойцами, следовало бы прежде заглянуть в колонии. Он презрительно и шумно фыркнул; ему это было нетрудно, ибо приспособление, которым фыркают, у него представляло собою несокрушимый таран, явно предназначенный для авторитетного фыркания, а возможно, и для чего-то еще более важного. Таран был главной достопримечательностью его лица — а, пожалуй, и всего тела, поскольку сам он был хрупким и тонким, и одет исключительно в серое, полагая, что никакой другой цвет ему так не идет, как этот; и волосы его были какими-то серыми, и даже кожа, если на нее не воздействовали стихии, вносила свою лепту в эту общую обесцветку. Так что нос царил надо всем, и, ввиду его высокого положения, а также из-за страсти Макинтоша ко всякого рода мелким подробностям и прочей бухгалтерии, прозвище «Пылесос» Айэн заслужил честно, хотя его никогда не называли так в лицо, или, вернее, в нос.

Сейчас, спеша по Сорок второй улице, он пересек Третью авеню и прощально фыркнул в сторону потасовки. Ловко лавируя, он проталкивался через толпу и даже ухитрился вытащить из кармана часы и глянуть на циферблат. Успеваает, разумеется, он успевает. Не опаздывал он никогда. Не опоздает и на эту, столь неприятную для него встречу. Чему быть, того не миновать. Он снова фыркнул; растворил дверь

отеля «Коммодор» и, скоренько обойдя торчащего при дверях служителя, пугнул его, фыркнув еще раз, чтобы тот не рассчитывал получить чаевые за услугу, которая не была оказана. Было ровно два, когда он вошел и, увидев, что Вашингтон уже на месте, ощутил некоторое разочарование. Они обменялись рукопожатиями, поскольку раньше виделись часто, и лишь затем Макинтош заметил пластырь на той стороне лица собеседника, которая до этого была ему не видна. Вашингтон сразу понял причину его интереса и, опережая вопрос, сказал:

— Следы недавних событий, Айэн. Я расскажу вам в кэбе.

— Кэба не будет. Сэр Уинтроп, как подобает, прислал за вами свою машину. Хотя ехать на штуке такого цвета вряд ли приятно.

— Автомобиль не обязательно должен быть черным, — сказал Гас, забавляясь его привередливостью, и они поднялись к выходу на Парк-Авеню, где их ожидал удлинненный желтый «Корд-Ландо» с откидным верхом. Хромированная выхлопная труба блестела, решетчатые колеса сверкали, шофер придерживал дверь. Уже внутри, закрыв окошко связи с шофером, Гас рассказал о событиях на воздушном корабле.

— Вот и все, — заключил он. — Кок ничего больше не знает, а полиция не установила ни личности сообщника, ни того, кто мог бы его нанять.

Макинтош громко фыркнул — в замкнутой тесноте автомобиля это прозвучало ошеломляюще — а затем потрепал себя по носу, словно поощряя его за удачное выступление.

— Они знают, кто это сделал, и мы знаем, кто это сделал. Другое дело — доказать...

— Но я уверен, что ничего не знаю! — Гас был поражен откровением Макинтоша.

— Вы инженер, Огастин, лучший из инженеров, мне таким не стать никогда. Но вы засунули голову в туннель и совершенно упускаете из виду дальние последствия вашего предприятия, а также фондовую биржу и биржу Парижа.

— Не понимаю.

— Тогда, если хотите, попробуем так. Если кто-то вредит вам, самое время прикинуть, кому, возможно, вредите вы. Есть люди, у которых, предположим, куча денег, но которые замечают, что их доходы несколько сокращаются. Люди, которые, заглядывая в будущее, видят, что эти доходы сокращаются все больше и больше — и хотят как-то помешать этому уже сейчас. Люди со связями за границей, способные вступить в контакт с правыми из Сюртэ Женераль, а те всегда рады ухватиться за возможность нанести ущерб Британии. Кто это может быть?

— Понятия не имею.

— Как вы наивны, как наивны! — Макинтош с видом заговорщика уложил палец вдоль носа, спрятав за тараном и палец, и добрую часть ладони впридачу. — Тогда я спрошу у вас вот что: если мы под водой, то кто над нею?

— Воздушные корабли, но туннель не составит им никакой конкуренции. И морской флот, но...

Его голос сорвался, и лицо приобрело испуганное выражение. В ответ Макинтош холодно улыбнулся.

— Кого набрали в эту шайку, я назвать не могу — да и вообще, ручаюсь, пособников будет трудно найти. Но тот, кто этим верховодит, может быть назван. Можете считать это за шутку, но я попрошу вас вспомнить Томаса Беккета! Что ему стоит отдать

приказ: человек он честолюбивый, деньги так и текут через его руки. Я не берусь утверждать это наверняка, но на будущее могу посоветовать. Мой совет — остерегайтесь его.

Машина остановилась у одного из высотных зданий на Уолл-стрит, при виде которого Гас глубоко задумался. Построить туннель — не яму выкопать, он понимал это; очевидно, убийц можно теперь причислить к факторам профессионального риска. Как и совет директоров. Но к последнему, по крайней мере, он был подготовлен, всю неделю готовился он к этому дню, подкреплял свою позицию фактами, увязывал цифры. Это его шанс — прыжок во тьму, самый рискованный из всех с той поры, когда он впервые понял, что должно быть сделано. Его карьера целиком зависела от исхода сегодняшней встречи, и вполне понятно, что это его глубоко волновало. Но сегодняшняя ночь, когда до прыжка во тьму оставался один лишь шаг — и не в переносном, а в самом буквальном смысле слова — закалила его волю. Что должно быть сделано — будет сделано, и сделает это он.

Он был знаком с сэром Уинтропом и поздоровался с ним за руку, а затем был представлен другим членам правления, которых знал лишь заочно, по их именам и делам. Двадцать один человек — все обаяны своим положением лишь себе, все твердые, незаурядные, уверенные в своих способностях, они сливались сейчас в глазах Вашингтона в одно целое. Все они — один человек, один-единственный, и нужно его убедить. Едва Гас занял место, оставленное для него за длинным столом, он понял, что заседание, судя по пепельницам, началось задолго до его прихода; но поскольку все эти люди были опытными стрелками, вид плевательниц данного факта не выдавал.

Стало ясно, что его намеренно пригласили сюда уже после того, как предложения, касающиеся его нового статуса, были оглашены перед правлением. Ни тяжелые портьеры на окнах, ни густой дым сигар в воздухе не хранили отзвуков спора, но нахмуренные брови и застывшие лица нескольких членов правления ясно указывали на то, что без разногласий не обошлось. Очевидно, единства мнений здесь не было, как не было его и на правлении в Лондоне, но Гас этого и ожидал. Он знал умонастроения своих собратьев-колонистов и построил свой доклад так, чтобы подавить все возражения в корне.

— Господа члены правления,— сказал сэр Уинтроп.— В течение некоторого времени мы обсуждали вопрос, касающийся моего возможного ухода с поста председателя правления и замены меня на капитана Вашингтона, который возглавит также и инженерное обеспечение строительства туннеля с американской стороны. К этому шагу нас вынуждает катастрофическое состояние наших финансов — состояние, которое должно быть поправлено, если мы вообще хотим продолжать нашу деятельность. Мы решили отложить голосование по этому вопросу до тех пор, пока капитан не выскажется и не ответит на наши вопросы. А, я вижу, мистер Стреттон хочет начать.

Сухая фигура мистера Стреттона поднялась над стулом, подобно взмывающему стервятнику — сочетание черных одежд, белой кожи, выцветших глаз и обвиняюще выставленного пальца представляло собою картину, способную вывести из равновесия при любых обстоятельствах, и особенно сейчас, когда он гневно и торопливо начал выкрикивать:

— Не годится, совсем не годится, мы не можем допустить, чтобы нашу фирму представлял человек

с фамилией Вашингтон, никак не можем! Скорее Иуда Искарriot станет председателем правления, или Понтий Пилат, или Гай Фокс*!..

— Стреттон, будьте любезны сосредоточиться на делах нам близких, и оставьте исторические экскурсии на другое время.

Эти негромкие, но язвительные слова произнес развалившийся в кресле коротышка, жирный и рыхлый, как пудинг, с широкой седой бородой, лежавшей у него на груди, громадной черной сигарой, торчавшей изо рта, как флагшток, — и холодными, пронзительными глазами, разрушавшими всякое впечатление расхлябанности или слабости, которые, казалось бы, демонстрировала его внешность.

— Вы будете слушать меня, Голд, и будете молчать. Есть вещи, о которых нельзя забывать...

— Есть вещи, которые лучше забыть, — снова прервал коротышка. — Прошло почти две сотни лет, а вы все пытаетесь снова подавить восстание. Хватит, говорю я вам. Ваши предки были тори, и в этом им крупно повезло; они оказались на стороне победителей. Если бы они проиграли, сейчас бы их называли изменниками, и, возможно, Джордж Вашингтон расстрелял бы их точно так же, как они схватили и расстреляли беднягу Джорджа. Может, вы чувствуете себя виноватым за них, а? Ведь у вас это по сю пору зудит. К вашему сведению, у меня тоже имелись предки, а один из них даже был со всем этим связан — лопух Хаим Соломон потерял все, давая деньги на

* Гай Фокс — английский заговорщик, который, желая отомстить за закон, направленный против католиков, пытался 5 ноября 1605 года убить короля Джеймса I и взорвать парламент.

революцию, и кончил свои дни, торгуя на Ист-Сайде маринованными овощами из бочки. Беспокоит ли это меня? Нисколько. Я честно голосовал за кандидатов тори, потому что это партия больших денег, и я — человек больших денег. Что прошло, то прошло.

— Значит, вы так же неудачно выбрали себе предков, как и Вашингтон,— парировал Стреттон, расшвыривая и даже охрипнув от гнева; он так хлопнул ладонями по столу, будто и впрямь хотел кого-нибудь расстрелять.— На вашем месте я бы этим не хвастался. Во всяком случае, большинство людей не знает о вашей дурной родословной, в то время как на имени Вашингтона лежит несмываемое пятно. Американский народ встретит в штыки любое начинание, связанное со столь одиозным именем.

— Вы, Генри, ушат с помоями,— донесся с дальнего края стола жесткий техасский выговор. Там сидел крупный мужчина в широкополой шляпе, которого, видимо, не волновало, что у остальных головы не покрыты.— Мы, на Западе, едва помним, где обретается Новая Англия, и уж нам совсем наплевать на ваши замшелые счета. Если этот технарь может продать наши акции, найдем его, и дело с концом.

— Я тоже так считаю,— басовито прогудел краснокожий, сидевший еще дальше.— Индейцы знают только одно: все белые люди плохи. Слишком многих из нас постреляли, пока в 1860 году не был заключен мир. Если бы на землях чероки не обнаружили нефть, я бы тут сейчас не сидел. Найдем его.

Последовала оживленная перепалка, которую прервал удар председательского молотка. Затем сэр Уинтроп кивнул Вашингтону; тот встал и невозмутимо оглядел присутствующих.

— То, что сказал мистер Стреттон, очень существенно. Если фамилия Вашингтон может повредить туннелю, этот факт должен быть принят во внимание; если это так, я немедленно откажусь от поста, по поводу которого ведется дискуссия. Но я чувствую — как, видимо, чувствуют здесь многие, — что старая вражда в нашу эпоху уже подзабылась. С той поры, как тринадцать первых штатов попытались сформировать собственное правительство и потерпели неудачу, страна росла и росла, и теперь состоит из тридцати одного штата и территории Калифорнии. В этих штатах живут различные индейские племена, которым, как сказал только что вождь Подсолнечник, мало дела до наших древних свар. В этих штатах живут также те, кто бежал от бесконечных войн между балтийскими странами, от еврейских погромов в России, от прорыва дамбы в Голландии, от датчан, когда они оккупировали Швецию; люди разных национальностей, выходцы из разных стран, которым тоже мало дела до этих старинных свар. Уверен, что их больше интересует процент прибыли, чем фамилия моего прадеда. Эта фамилия сейчас не имеет значения и к делу не относится. Что сейчас имеет значение — так это то, что у меня есть план, как привлечь вкладчиков, и я хочу, чтобы вы выслушали этот план перед тем, как будете голосовать относительно пригодности моей кандидатуры. В противном случае вы будете покупать кота в мешке. Позвольте мне рассказать, что я собираюсь делать, а затем, если вы сочтете мой план достойным, голосуйте за него, а не за того, кто его предложил. Если он покажется вам плохим, значит, я не тот, кто вам нужен, и я без лишней болтовни вернусь в свой туннель в Англии.

— Это честный разговор. Послушаем парня.

Пренебрежительное ворчание Стреттона утонуло в раздавшихся возгласах одобрения. Гас кивнул и, открыв кейс, извлек оттуда кипу бумаг, тщательно подготовленных им заранее.

— Джентльмены! Единственной моей целью является спасение туннеля, и вот план, который я вам предлагаю. Больше я ничего делать не собираюсь и ни на что не претендую. Если бы я мог помочь, став носовой фигурой, украшающей корабль корпорации, я бы влез на бушприт и повис под ним на руках. Я инженер. Самое горячее мое желание — участвовать в создании трансатлантического туннеля. Британский совет директоров счел, что я смогу быть более полезным, если возглавлю строительство с американской стороны, это покажет американской общественности, что туннель является американским предприятием в такой же степени, в какой он является британским. Я собираюсь не заменить мистера Макинтоша, но помогать ему, так что нас будет двое в одной упряжке. Я надеюсь, он останется первым моим помощником во всех вопросах строительства и будет, по крайней мере, равен мне в вопросах снабжения и обеспечения, поскольку по этим делам он опытный специалист.

Трубное фырчание возвестило, что, по мнению Макинтоша, это утверждение не было ошибочным ни на четверть.

— По отношению к правлению моя роль и будет ролью корабельного украшения, хотя я предпочел бы оставить это между нами. Я не финансист, и надеюсь, что сэр Уинтроп продолжит выполнение своих функций до тех пор, пока не сможет выполнять их уже открыто. Я хочу построить туннель, построить хорошо, построить быстро, чтобы вклады принесли

ощутимый доход. Это моя первая задача. Во-вторых, я должен так рекламировать строительство, чтобы вкладчики стекались под наши знамена и доверяли нам все больше и больше своих долларов.

— Верно! — выкрикнул кто-то, а кто-то спросил:

— И как это будет сделано?

— Вот как. Мы откажемся от существующей технологии и перейдем к другой, более дешевой, более эффективной, а она создаст базу для экономии средств. Быстро возрастающая экономичность окажется, я верю, побудительным мотивом первоочередной важности.

— Знает ли об этом сэр Айсэмбард? — выкрикнул Макинтош, побагровев; его темные ноздри нацелились на Вашингтона, как спаренный пулемет большого калибра.

— Если быть совершенно откровенным — нет. Хотя в прошлом мы многократно обсуждали это. Он решил придерживаться существующей технологии шагового бетонирования — по крайней мере, пока она не докажет свою полную несостоятельность, и лишь тогда приступить к рассмотрению альтернативных методов строительства. Я всегда полагал, что он не прав, но, пока я был его подчиненным, я ничего не мог сделать. Теперь, когда я надеюсь получить, так сказать, независимость, я осуществляю свое намерение перейти к более современной, более американской технологии, к...

— Голову ему оторвать за такие слова!

— Ничего подобного мы не допустим!

— Дай ему домолоть, Скотти, — возвысил голос техасец. — Тут есть смысл.

Он завладел их вниманием и привлек симпатии хотя бы некоторых. Теперь только бы удалось их

убедить. Стояла полная тишина, когда Вашингтон достал из кейса светокопию и показал собранию.

— Вот что мы делаем сейчас, строя туннель методом шагового бетонирования, которое называют самой современной технологией. По мере продвижения туннельного щита и выемки грунта наша громадная металлическая труба продвигается вслед за ним. С внешней стороны трубы располагаются арматурные штанги, и туда закачивается бетон. Когда бетон застывает, труба движется дальше, и в итоге мы получаем непрерывный туннель, бетонируемый в забое. Щит движется с различной скоростью, но в среднем ни в коем случае не быстрее тридцати футов в день. Очень впечатляюще. Пока вы не примете во внимание ширину Атлантики. Если указанная скорость будет сохраняться — а мы не имеем никаких гарантий этого, напротив, есть масса обстоятельств, заставляющих подозревать, что не будет,— срок, за который мы и, я надеюсь, британская сторона также, достигнем точки встречи в середине Атлантики, составит что-то около ста пяти тысяч дней. А это, джентльмены, без малого триста лет.

Вполне понятно, что за этим последовало обескураженное перешептывание; заскрипели перья по листам бюваров — кто-то решил быстренько посчитать сам.

— От этой цифры захватывает дух, я согласен, а большинство вкладчиков озабочено как раз быстрым оборотом средств. К счастью, этот метод не единственный. Поэтому я предлагаю заменить технологию, которую мы сейчас применяем, что качественно ускорит процесс, и в то же время вызовет подъем американской экономики во всех сферах: кораблестроении, металлургии, инженерно-строительном деле, и

во многих других. И, кроме того, это сократит время, необходимое для создания туннеля.— Гас сделал паузу, затем сказал: — Сократит его примерно до десяти лет.

Эта фраза вызвала не просто изумление, а мгновенный ужас, дикое возбуждение; чей-то голос, перекрыв гомон, спросил за всех:

— Как, я хочу знать? Скажите же, как?

Гул голосов увял, когда Вашингтон вынул из кейса чертеж и развернул его, показывая всем.

— Вот как. Смотрите, это — секция туннеля, длина ее около девяноста футов, изготовлена из армированного бетона. В ней находятся два железнодорожных туннеля, вплотную друг к другу, а под ними — меньший туннель, вспомогательный. Так выглядит туннель, который мы ведем сейчас. Малый туннель называется штольней, он прокладывается первым. Так мы выясняем, какой грунт у нас впереди, скала ли, земля ли, и с какими проблемами мы столкнемся при проходке больших туннелей. Эти туннели прокладываются бок о бок, и через определенные интервалы соединяются переходными камерами. Как ни крутите, сложно, и техническая методика проходки такова, что мы должны быть счастливы, если держим среднюю скорость тридцать футов в день. Если бы только перед нами не лежали тысячи миль. Поэтому я предлагаю то, что может показаться новым и неопробованным, но, смею вас уверить, эта технология была опробована и оправдала себя в этой стране, при прокладке туннелей под Делаварским заливом, под Миссисипи, и в других частях света, например, в бухте Гонконга. Технология такова: туннель формуется, бетонируется, строится по секциям заранее, на берегу, затем буксируется к месту и

затапливается. Секции строятся в условиях, практически идеальных, тестируются на предмет дефектов, остаются на суше до полной готовности — и лишь затем им дозволяется стать частью туннеля.

Можете ли вы, джентльмены, представить воочию, что это значит? Все верфи в Атлантике и в Мексиканском заливе, равно как и вновь созданные предприятия, будут заниматься секциями — даже на Великих Озерах и на реке Святого Лаврентия портовые рабочие окажутся заняты. Почти немедленно потребуются громадные количества стали и бетона — и без слов ясно, что тот, кто вложит деньги в сталь и бетон, наверняка сорвет хороший куш. Контракты будут заключаться со всеми, кто удостоверит свое участие в поставках. После такого впрыскивания национальная экономика в целом не может не оживиться. Туннель будет построен, и, строя его, наша великая страна построит себя заново!

Раздались восхищенные возгласы; Гас зажег директоров своим энтузиазмом, они поверили. Снова закричали перья, кто-то уже заглядывал в «Уолл-стрит джорнэл», выясняя, каковы курсы акций на сталь и бетон, кто-то уже достал карманный передатчик, чтобы связаться со своими брокерами. Предчувствие новой жизни буквально обрушилось на комнату, и лишь очень немногие — один в особенности — не разделяли всеобъемлющего энтузиазма. Когда шум начал стихать, Макинтош заговорил:

— Необходимо известить сэра Айсэмбарда об этом предложении. Без его согласия ничего делаться не будет.

Фраза была встречена громким свистом и негодующими выкриками, но точку поставил мистер Уинтроп.

— Не думаю, что это необходимо. Финансирование туннеля под угрозой, иначе в нашем совещании, специально посвященном этой проблеме, не было бы нужды, и капитан Вашингтон не был бы к нам направлен в своем нынешнем качестве. Руки у него развязаны, и Лондон ему не указ, вы должны это запомнить. Руки у него развязаны. Если на этой стороне Атлантики не начнутся выплаты по облигациям, туннеля не будет вообще. Если смена технологии обеспечит успех, а у меня нет никаких причин думать иначе, мы должны принять этот план. Больше нам ничего не остается.

Затем были вопросы, на которые Гас отвечал точно и конкретно; но была и небольшая оппозиция, представленная, главным образом, джентльменом из Новой Англии.

— Запомните мои слова — нас ждет беда. Такое имя, как Вашингтон, не может не повлечь дурных последствий!

Он выкрикнул это в тишине, но единственным ответным возгласом было: «Снимите с него скальп!» Правда, это обещало оказаться делом чрезвычайно трудным, поскольку волосяной покров, который, вероятно, у этого человека существовал когда-то, давно исчез, но даже упоминание об операции заставило джентльмена с громким хлопающим звуком накрыть голову ладонью и проворно сесть, так что этот голос протеста против общего мнения был утихомирен, и замены ему не нашлось. Состоялось устное голосование, результат которого вызвал одобрителный гул, и лишь когда тишина воцарилась вновь, Макинтош поднялся и, сотрясаясь от ярости, обратился к аудитории с заключительной репликой:

— Пусть будет так, не стану спорить. Но считаю, мы не слишком хорошо оплатили великому человеку, задумавшему и спроектировавшему этот туннель,— и он обвиняюще ткнул пальцем в сторону Вашингтона.— Человеку, который ввел вас в свой дом, Огастин Вашингтон, с дочерью которого, я слышал, вы помолвлены. Задумывались ли вы, как это решение отразится на юной леди?

В комнате все затихло, ибо в своем стремлении защитить начальника и друга Макинтош переступил рамки приличий и углубился в неприятную область личных отношений и выпадов. Похоже, он понял это, еще пока говорил; став серее серого, он попытался сесть, потом снова встал, когда Вашингтон повернулся к нему. Лицо американца осталось невозмутимым и твердым, но внимательный глаз заметил бы, как вздулись вены на тыльных сторонах его ладоней, как побелели пальцы, стиснутые в кулаки.

— Я счастлив, что вы заговорили об этом, поскольку кто-нибудь когда-нибудь все равно об этом спросит. Первое. Я по-прежнему восхищаюсь сэром Айсэмбардом и почитаю его как своего наставника и работодателя, я не испытываю к нему ничего, кроме глубочайшего уважения. Он, со своим практическим складом ума, предлагает нам обождать с новой технологией прокладки, и мы бы ждали, будь у нас время и деньги. Но их нет — ни того, ни другого. А поэтому мы переходим к методике, которая, по крайней мере в теории, если не в плане ее немедленного практического применения, была им одобрена. Я желаю ему только добра и даже понимаю его отношение ко мне. Он, который стоит на Олимпе один, не горит желанием пускать туда других. И он действительно стоит там один, как не превзойденный никем инженер и

строитель нашего времени. Когда в Лондоне определили мне новую роль на американской стороне, он счел это личным оскорблением, и это я тоже могу понять. Он отказал мне от дома, и я не виню его никоим образом, потому что в рамках своих представлений он прав. Он настоял также, чтобы помолвка между его дочерью и мной оказалась расторгнута, и это было сделано. Я не буду обсуждать с вами мои переживания, джентльмены, скажу лишь одно: я этого не хотел. Но это произошло. И в каком-то смысле это хорошо, так как дает мне свободу, чтобы принять правильное решение — если не относительно себя, то, во всяком случае, относительно туннеля. Деньги будут получены, и туннель будет построен с применением той методики, которую я вам обрисовал.

КНИГА ВТОРАЯ

НА ДНЕ
МОРСКОМ

I

Путешествие из ряда вон

Тишина в маленькой рубке была почти абсолютной. Но создавали ее не ухищрения человеческой техники — просто здесь, в Атлантике, на глубине тридцати саженей, не было звуков. На поверхности океана могли с грохотом сталкиваться волны, судовые сирены могли стонать, когда корабли наощупь пробирались в едва ли не вечных туманах Ньюфаундлендской отмели Грэнд-бэнкс; ближе к поверхности океаническая жизнь шумела вовсю в вечной погоне за пропитанием: щелкали креветки, дельфины обменивались сигналами, что-то бубнили рыбы. Не то, что внизу, где спешила по своим делам крохотная субмарина; здесь царило вечное безмолвие бездны. Покой снаружи и почти такой же покой внутри. Слышался только отдаленный гул двигавших субмарину электромоторов, да шелест вентиляторов, да на удивление громкое «тик-так» часов с галкой, укрепленных на переборке над местом рулевого. Уже в течение нескольких минут длилось молчание, и тиканье часов было особенно громким. Рулевой заметил брошенный на них взгляд пассажира и улыбнулся.

— Наконец-то вы заметили часы, капитан, — сказал он не без гордости.

— Да, действительно,— пробормотал Вашингтон, воздержавшись добавить, что невозможно не заметить вещь, столь бесстыдно бросающуюся в глаза.— Полагаю, это не серийное производство?

— Не просто не серийное, хотя и это тоже, но к тому же один из первых экземпляров, вот что это такое. Мой дед смастерил первые часы с галкой после того, как увидел в ломбарде на О'Коннэл-стрит похожие среди вещей из Блэк-форест. Он говорил, это были часы с кукушкой, и они его просто очаровали — хотя он сам был часовщик, и все такое. Когда он вернулся домой в Кэшэл, он попытался сделать такие же, но, поскольку кукушек любил не очень — еще бы, здоровенные наглые твари, подкладывающие яйца в чужие гнезда,— хамство и только! — он сделал галку и часть башни разрушенного замка, где галку встретишь всегда. Он смастерил одни, смастерил другие, они понравились английским туристам, приехавшим осмотреть замок и скалы, и, быстрее, чем вы успеете сказать «Брайан О'Линн», возникло целое новое производство. А теперь памятник деду вы увидите на площади в Кэшэле.

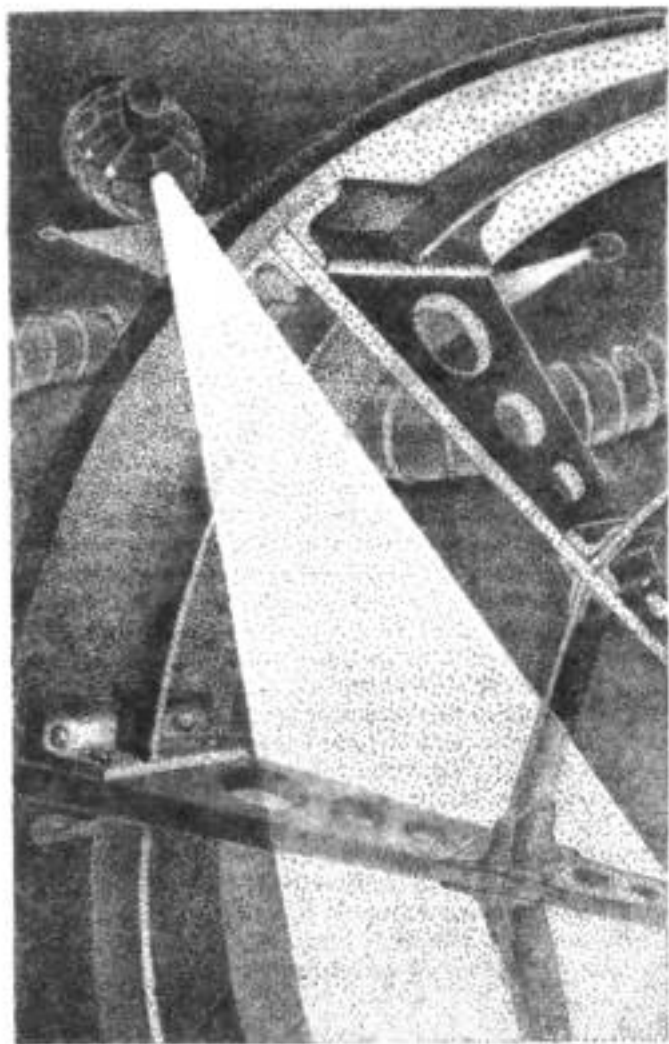
Будто стремясь усилить этот панегирик в свою честь, часы начали отбивать время — из портала разрушенного аббатства выпрыгнула галка и, хрипло крикнув «кар-р! кар-р!», скрылась.

— Уже два? — спросил Вашингтон, взглянув на свои часы, которые, в общем, были согласны с галкой, вернувшейся в свою темную келью ждать трех.— Мы не можем идти быстрее?

— Полный ход, капитан. «Наутилус» делает все, на что способен,— рулевой передвинул рычаг скорости как можно дальше от нулевого положения, словно этим хотел подтвердить собственные слова.— В любом случае, мы уже на месте.

О'Тул отключил внешнее освещение, чтобы можно было видеть дальше сквозь глубоководный мрак. Сверху сочился чистейший зеленый свет, который пропадал с глубиной, так что внизу была ничем не оживляемая тьма. Но когда лучи от огней субмарины погасли, глаза начали различать в пучине некое свечение — там, где со дня сотворения мира царила ночь. Показался один огонек, затем еще и еще, пока целый рой затонувших звезд не окружил субмарину, погружающуюся все глубже и глубже; казалось, они зазывают ее в самую гущу копошащейся техники, безмерно чуждой древнему покою океанического дна.

Прежде всего взгляд останавливался на огромной, приземистой, нелепой и противоестественной с виду, угловатой, гудящей машине с какими-то штангами и навесными башнями, которая сидела на дне, как наседка на яйцах. Она имела вид клепаной фермы мощного моста, и процентов девяносто пять всей конструкции были открыты океану, чтобы сравнять внутреннее давление с наружным. Каркас был открыт, рычаги были открыты; гусеницы — ленты стальных пластин — охлестывали мощные металлические колеса. Только внимательный глаз мог разглядеть пухлые выпуклости за гусеницами, в которых размещались ходовые электромоторы, а вот кругляш атомного котла, подобно дыне плававший позади машины, наоборот, был на виду. Другие моторы, заключенные в герметичные коконы, приводили в движение зубчатые колеса и тросы, а главный кокон, словно округлый нарост, сидел на переднем конце всей конструкции. Там располагались пост управления и каюты экипажа — герметичные, комфортабельные, вполне пригодные для жизни и настолько независимые от внешнего мира, что люди

могли проводить в них месяцы, не возвращаясь в привычный мир, который они оставили наверху. Однако вспомогательные механизмы были столь велики, что просторное жилье казалось рядом с ними не более, чем куриным яйцом, балансирующим на руле велосипеда, — и, в каком-то смысле, этот образ к конструкции подходил.

Эту чудовищную машину, нареченную ее создателями землечерпалкой «Челленджер, Модель IV», никто, однако, не называл иначе, как Ползунок, — несомненно, из-за ее скорости, не превышавшей мили в час. Сейчас Ползунок не полз и вообще не работал, что было к лучшему, поскольку иначе видимость бы полностью отсутствовала — во время работы он поднимал облако мути намного гуще, чем самое лучшее чернильное облако самого большого из когда-либо живших осьминогов. Стены его выдвигались тогда вперед, и вращающиеся буры, каждый величиной с омнибус, вгрызались в океаническое дно, в то время как хлещущие вдоль них потоки воды из гидромониторов буквально взрывали ил и песок донных отложений. Под воздействием воды и буров ложе океана пробуждалось от своего, казалось, вечного сна и вздымалось вверх — в пасть поглотителя землечерпалки, которая всасывала полученную пульпу, и та транспортировалась далеко в сторону, где землечерпалка изрыгала ее, насыпая вдоль своего пути высокие курганы. Вся эта круговерть поднимала облака мельчайших частиц, полностью перекрывающих видимость, но проницаемых для специальных приборов. Звуковым волнам все равно, прозрачна вода или нет, и сканер сонара, уловившего отраженный сигнал, покажет на экране все, что происходит в отрываемой выемке впереди. Но сейчас Ползунок наработался; на какое-то время его моторы затихли,

рабочие механизмы оторвались от грунта; покинув выемку, он отступил назад.

Теперь на свои позиции вышли другие машины. Был среди них уродливый механизм с воронкообразным хоботом, устилавший гравием дно выемки; однако и эта операция была завершена, и механизм отошел назад. Поднявшийся во время его работы ил осел быстро. Тогда началась последняя операция, та, ради которой и проводились все эти подводные земляные работы. Тяжелая, массивная секция туннеля медленно погружалась вниз, к только что отрытой выемке с ложем из гравия, на котором ей отныне предстояло покоиться. Тонны бетона и стальной арматуры ушли на изготовление стомфутовой секции, наружная поверхность которой была укутана многослойным защитным покрытием. Сформованная и полностью обработанная еще на суше, она ожидала лишь осторожной транспортировки к месту назначения, чтобы продолжить собою постоянно удлиняющийся туннель. Толстые тросы тянулись от намертво залитых в бетон колец к плывшему сверху буксировочному понтону, по размерам еще большему, чем секция, которая сама, разумеется, не обладала плавучестью. Трубы — по ним когда-нибудь предстояло пойти поездам — были с обеих сторон открыты воде. Массивная и неповоротливая, секция висела, медленно смещаясь вперед под действием четырех небольших, напряженно гудящих субмарин, родных сестер той, на которой приплыл Вашингтон. Они обменивались сигналами, притормаживая и вновь разгоняясь, маневрировали, пока не оказались над нужной точкой выемки. Тогда балластные цистерны подводного понтона приняли воду, и он медленно опустился, уложив секцию на подготовленное для нее ложе. С поразительной точностью сработала

выравнивающая автоматика стыка, так что, стоило новой секции занять свое место, она точно продолжила собой предыдущую. Субмарины с гудением опустились ниже; носовые манипуляторы охватили гидравлическими захватами края стыка и медленно стиснулись, скрепляя их воедино. Лишь когда резиновые прокладки сжались до предела, рычаги замерли; тогда по стыку были укреплены запирающие пластины. Другие машины, ползающие, уже дождались на дне, когда шов охлестнут заливочные формы, чтобы наполнить их специальным раствором застывающего в воде бетона и соединить секции наглухо.

Все шло нормально, как тому и следует быть, машины внизу делали свое дело с усердием муравьев в муравейнике. Однако сам этот порядок увлек мысли Гаса в сторону — к разрушению, к недавней катастрофе, которая на короткое время поставила под угрозу весь проект.

Туннельная секция. Исковерканная ударом, разрывшаяся одним концом глубоко в океанский ил.

Неужели с момента аварии прошло каких-то двадцать четыре часа? Один день. Всего лишь один день. Уцелевшие люди на всю жизнь запомнят мгновение, когда лопнул трос и секция, кувыркаясь, начала падать прямо на туннель и на Ползунка. Одна субмарина... один человек оказался в нужном месте в нужный момент и сделал то, что было невозможно сделать. Один-единственный крохотный механизм с отчаянно вращающимся гребным винтом смог удержаться возле секции, оттаскивая ее из всех силенок с траектории падения в сторону — едва-едва; однако этого «едва» хватило, чтобы спасти туннель и машины внизу. Но и субмарина, и человек заплатили сполна за этот дерзкий поединок с громадной

конструкцией, ибо от удара о дно секция раскололась и вздыбилась, словно мстительный молот, и сокрушила пылинку, осмелившуюся вступить с ней в борьбу. Один человек погиб, сохранив этим жизнь другим. Так Алоисиус О'Брайан покрыл свое имя славой. Первая смерть на строительстве — и более честной смерти человеку не пожелаешь, если вообще позволено говорить о том, присуще ли человеку желание смерти. При этой мысли Вашингтон вздохнул: будут смерти, будут наверняка, прежде чем строительство завершится. Рулевой, видя, куда направлен взгляд пассажира, легко угадывал его мысли, словно тот говорил их вслух.

— А неплохой он был парень, Алоисиус, даром что приехал из Уотерфорда. Из ирландцев получают хорошие подводники, и это не пустая похвальба — а если кто засомневается, вы только расскажите про него, как он нырнул под тысячетонное надгробие и что совершил. Да вы не терзайте себя, капитан. Другая секция уже в пути, она заменит ту, подумаете, опоздает на несколько часов — но ведь движется же. Дело будет сделано.

— Хорошо бы, если так, О'Тул, хорошо бы.

Очередная секция уже показалась и была хорошо видна на фоне огней внизу. Гас знал, следующая уже ждет своей очереди, висит в темноте поодаль, а последняя движется сюда с максимальной быстротой, какую могут обеспечить буксиры. По его указанию субмарина пошла вдоль выемки, вплотную к двум собранным секциям, отходившим от кессона, которому предстояло когда-нибудь сделаться станцией Грэнд-бэнкс. Глубина здесь не превышала одиннадцати саженей; это позволяло производить выгрузку бута для станции прямо с судов, что значительно облегчало дело. Искусственный остров рос к поверхности,

увеличиваясь с приходом каждой баржи, добавлявшей ему щебня и песка. Гас взглянул на часы и показал вперед.

— Давай-ка наверх, — приказал он.

Они всплыли возле стоявшего на якорях плавучего дока; раздался глухой удар магнитного захвата о корпус, и субмарину втащили на ее место. О'Тул, перебросив рычаги, открыл верхний люк, и свежий, привольный ветер океана толкнул своей влажной ладонью Гаса в лицо, когда тот вышел на воздух. Оказалось, что солнце уже успело зайти, пока они находились в глубине океана, и туман, который теплые лучи какое-то время удерживали в бухте, спешил вернуться, словно пробовал наверстать упущенное. Его длинные струи вились над доком, принося с собой внезапную прохладу северного сентябрьского вечера. К субмарине опустили трап, и Гас поднялся наверх, навстречу ожидавшему его моряку — Гас шагнул с трапа, и моряк отдал ему честь.

— Капитан приветствует вас, сэр, и сообщает, что корабль ждет. Мы снимаемся, как только вы будете на борту.

Гас последовал за моряком, зевая так же, как он, — этот длинный день начался задолго до рассвета и был всего лишь одним из бесконечной вереницы точно таких же дней; начало их терялось далеко в прошлом, Гас даже не мог вспомнить, когда оно было — начало. Решив побриться, он заглянул в зеркало и, увидев себя, поразился — на него смотрел чужой человек, с лицом, болезненно бледным от долгого пребывания вдали от солнца, с темными кругами у глаз от постоянного недосыпания, с проблесками седины на висках от ответственности, слишком большой и слишком долго несомой. Но он никогда ни о чем не жалел; то, что он делал, стоило

того, чтобы это делать,— игра стоила свеч. Даже сейчас он сетовал лишь на то, что ночь, за которую хорошо бы выспаться, ему предстояло провести на борту военного корабля «Боадицея» — члены экипажа ласково называли его «Старым Костоломом» за ту сноровку, с какой корабль справлялся с бушующими волнами. Это было судно на воздушной подушке, последнее пополнение Королевской Американской береговой охраны, способное делать 50 узлов над самыми неистовыми морями, как и над песками, болотами, твердым грунтом — предмет восхищения таможенника, ужас контрабандиста; на полном ходу оно шло, как шел бы по стиральной доске грузовик без рессор, так что не это место стоило выбирать на ночь, если желаешь выспаться. Но задачей путешествия был не сон, а скорость,— а уж скорость этот необычайный аппарат гарантировать мог. Сам капитан Стокс дожидался наверху сходней; с искренней гостеприимной улыбкой он пожал Вашингтону руку.

— Счастлив видеть вас на борту, капитан Вашингтон,— негромко сказал он Гасу.— Отдать швартовы!!! — гаркнул он матросам на палубе, будто пушка выпалила.— Сводки дают умеренное волнение, так что мы сможем держать пятьдесят пять узлов почти всю ночь. Если море останется таким же спокойным — придем в Бриджхэмптон на рассвете. Какой-то малый из газеты напросился с нами, никак его было не спровадить. Надеюсь, вы не возражаете?

— Никоим образом, капитан. Паблисити — это тоже строительство туннеля, так что, если пресса захочет повидаться со мной, я готов.

Когда они вошли в офицерскую кают-компанию, репортер встал — крепкий, рыжеватый человек в клетчатом пиджаке и котелке, традиционном головном

уборе газетчиков. Он был из того нового поколения репортеров, которые шагу не могут ступить без электроники; записывающие устройства, как ранец, висели у него за спиной, микрофон выглядывал из-за одного плеча, линзы фотоаппарата — из-за другого.

— Бьемонт из «Нью-Йорк таймс», капитан Вашингтон. Но за мной весь газетный пул, просто монетка у меня упала как надо, — ведь только один корреспондент мог ехать с вами. Так что я из Эй-Пи, Ю-Пи, Рейтер, «Дейли Ньюс» и еще много откуда. У меня несколько вопросов...

— На которые я буду более чем счастлив ответить чуть позже. Дело в том, что я никогда не бывал на кораблях этого типа и хотел бы посмотреть, как он отходит.

Судно вот-вот должно было пуститься в путь. Два громадных пропеллера, установленных на кормовых башнях, уже начали вращаться, и швартовы, державшие «Боадицею» у дока, были отданы. Внезапно несущие пропеллеры взревели, создавая подъемный эффект, и громадный аппарат зашевелился, закачался, а затем — самое странное ощущение из всех — прямо пошел вверх. Выше и выше — шесть, восемь, десять футов; он поднимался, пока и впрямь не лег на подушку из воздуха, не имея ни единой точки соприкосновения с поверхностью воды. Несущие пропеллеры превратились теперь в своей вышине просто в серебряные диски, диски с подвижной осью вращения; они повернулись перпендикулярно направлению движения, и аппарат легко скользнул прочь от дока. Пропеллеры повернулись опять, давая теперь полный ход, и мало-помалу «Боадицея», чудо современной техники, превратилась и впрямь в покорительницу вод и понеслась над ними к югу, все быстрее

и быстрее уходя в ночь. Но тряска при этом возросла так, что задребезжала посуда на полках в буфете, и Гас с наслаждением устроился на софе, дававшей хотя бы относительный комфорт. Бьемонт сел напротив него и тронул кнопки ручного пульта управления.

— Собираемся ли мы победить, капитан Вашингтон, — вот вопрос, который сегодня у всех на устах. Мы победим?

— Это никогда не было вопросом победы или поражения. Обстоятельствами почти всегда правит случай, так что американская часть туннеля достигнет конечной точки возле станции на шельфе приблизительно в то же время, когда английская часть дойдет до их станции на банке Грейт-соул. Это не гонки. Ситуации различны, даже расстояния различны.

— Вот именно, различны, и именно это делает наши гонки, которые вы не хотите называть гонками, столь волнующими. Американский туннель втрое длиннее английского...

— Ну, не втрое.

— Но все же, признайтесь, намного длиннее, а построить такой туннель за тот же срок, что и они, — это само по себе победа и источник гордости для всех американцев. Еще большей победой будет, если вы сможете проехать по всей длине американского туннеля, и затем прибыть в Лондон так, чтобы сесть на первый поезд, идущий по английскому туннелю. Он уходит с Паддингтонского вокзала менее чем через тридцать часов. Вы еще надеетесь быть на нем?

— У меня есть все основания надеяться.

Судно достигло теперь предельной скорости и, прыгая от волны к волне, колотилось, словно припа-

дочная вагонетка. Бьемонт сглотнул и ослабил воротничок, мелкие бисеринки пота проступили у него на лбу; нежным внутренностям не рекомендуется путешествовать на воздушных подушках. Но, больной или здоровый, он оставался репортером — и напора не ослаблял:

— Угрожает ли нашим шансам на победу крушение одной из секций туннеля?

— Я не хочу, чтобы вы употребляли слова «победа» и «поражение», поскольку, на мой взгляд, они здесь не уместны. Что касается вашего вопроса, то — нет, это не изменит ситуацию сколько-либо значительно. Секции изготовлялись с избытком на случай выявления дефектов во время сборки. Последняя секция сейчас в пути и будет поставлена в течение ночи.

— Нет ли у вас желания как-то прокомментировать тот факт, что мистер Дж.И.Гувер из Лонг-Айлендского отдела Колониального бюро расследований полагает, будто здесь имела место диверсия? Он уже арестовал кого-то...

— У меня нет никаких комментариев, поскольку я знаю об этом столько же, сколько вы.

Гас говорил нарочито бесстрастно, стараясь даже голосом не намекнуть на то, что это была не первая попытка диверсии. Репортер начал теперь слегка зеленеть, этот оттенок сделал черты его лица еще более интересными; он ничего не заметил. Тем не менее, он настойчиво продолжал задавать вопросы, хотя глаза его все больше стекленели, и голос явно охрип.

— После аварии букмекерские ставки на вас упали с пяти до трех за равные деньги. Волнует ли вас вообще то, что громадные суммы поставлены на ваш своевременный приезд в Лондон?

— Ни в малейшей степени. Среди моих пороков нет любви к азартным играм.

— Не расскажете ли вы, каковы ваши пороки?

— Один из них — это не отвечать на подобные вопросы.

Оба улыбнулись этой легкой пикировке, хотя улыбка Бьемонта была несколько принужденной, замороженной. Теперь он определенно позеленел и говорил с трудом, поскольку «Боадицея» атаковала солёные громады волн с неослабевающей энергией.

— Если снова серьезно... не объяснили бы вы... значение этих станций... в океане... для туннеля?

— Разумеется. Если вы представите себе трехмерную карту мира без воды в океанах, вы увидите, как мелки — сравнительно, конечно — моря, омывающие Британские острова и Северную Америку. Здесь мы имеем континентальный шельф, мелководье, простирающееся вдоль нашего берега до Канады и затем к острову Ньюфаундленд до отмели Грэнд-бэнкс, граничащей с абиссальной равниной. Начинающиеся здесь подводные горные склоны более отвесны, более скалисты, более изрезаны, нежели любые горные цепи на суше. Вы видели искусственный остров, на котором будет в будущем станция Грэнд-бэнкс. Она расположена на глубине 66 футов. Сразу за нею дно резко уходит вниз на глубину более пятнадцати тысяч футов, то есть на три мили. Британская Отметка 200 на отмели Грэйт-соул находится на глубине 42 фута и тоже на краю трехмильного склона. Эти две станции отмечают границы наших операций на мелководье, с их внешней стороны мы будем использовать другой тип туннелей и другой тип поездов. Следовательно, здесь должны быть построены пересадочные станции, а также...

Он не закончил, так как репортера уже не было — с придушенным хрипом, зажав рот ладонью, он выскочил из комнаты. Для Гаса всегда было несколько странно, почему люди ведут себя столь неподобающим образом, — хотя он знал, что, по большей части, они ведут себя именно так; сам он обладал железной конституцией, никогда не подводившей его ни при каких обстоятельствах. Но перерыв случился вовремя, он давал Гасу возможность немного отдохнуть. Он нашел капитана на мостике; после короткой, но полезной беседы, касавшейся конструктивных особенностей их не имевшего аналогов в прошлом судна, капитан предложил гостю свою каюту. Койка здесь оказалась весьма удобной, и Гас мгновенно провалился в глубокий, но отнюдь не безмятежный сон. Полностью отключиться не удалось; и глаза Вашингтона уже были открыты, когда посыльный принес закрытый сосуд, напоминавший чашку с носиком наверху.

— Кофе, сэр, только что из термоса, с сахаром и сливками, как, надеюсь, вы любите. Потяните ртом сверху, этот клапан не дает кофе разбрызгаться. Совсем легко, если приноровиться.

Действительно, пить было легко, да и кофе оказался хорош. Умывшись и наскоро побрившись, Гас почувствовал себя значительно лучше, и поднялся на мостик. Приближающийся рассвет набросил золотое покрывало на море за кормой, а впереди еще царила ночь, хотя звезды уже пропадали и низкий контур Лонг-Айленда был ясно виден. Маяк на мысе Монток приветливо мигал, и через несколько минут его башня четко прорисовалась на фоне светлеющего неба. Капитан, не покидавший мостик всю ночь, пожелал Вашингтону доброго утра и затем передал ему листок бумаги.

— Мы получили это по радио несколько минут назад.

Гас развернул и прочел.

КАПИТАНУ Г.ВАШИНГТОНУ БОРТ
КОРАБЛЯ КОРОЛЕВСКИХ ВМС
БОВАДИЦЕЯ. ПОСЛЕДНЯЯ СЕКЦИЯ
УСТАНОВЛЕНА ГЕРМЕТИЗАЦИЯ ИДЕТ
ПО ПЛАНУ. ПОГРЕШНОСТЬ ВОСЕМЬ
ФУТОВ ГАУЭН СОЕДИНЯЕТ ВСЕ
ЗЕЛЕНое. САППЕР.

— Боюсь, радист напутал,— сказал капитан Стокс.— Но текст был передан дважды, и радист говорит, все правильно.

— Конечно, правильно, лучших известий и быть не может. Все секции туннеля на местах, и сейчас идет герметизация, которая сделает их водонепроницаемыми по всей длине. Как вы, без сомнения, знаете, часть туннеля идет назад от станции Грэнд-бэнкс навстречу другой части. Ориентироваться на дне океана — дело не простое, к тому же мы предполагали, что к моменту встречи может возникнуть определенное отклонение. Мы можем производить различные операции с туннельными секциями под водой, но не в состоянии делать их короче. Погрешность при соединении оказалась восемь футов, практически точно такая, как мы рассчитывали. Сейчас идет заливка раствора в зазор. Раствор будет зафиксирован агрегатами Гауэна — они заморозят его жидким азотом до полного отвердения, а затем мы просверлим эту пробку насквозь. Все идет по плану.

Увлечшись рассказом, Гас не обращал внимания на то, что все, кто находился на мостике, — рулевой, матросы, офицеры — внимательно прислушиваются

к его словам; но он не мог не заметить этого, когда у всех вырвались радостные крики.

— Тихо! — рявкнул капитан. — Вы ведете себя, как стадо новобранцев, а не как моряки, — однако проговорил он это с улыбкой, поскольку разделял чувства остальных. — Вы подрываете дисциплину на моем корабле, капитан Вашингтон, но в данном случае я не возражаю. Хотя мы служим в Королевской береговой охране и преданы королеве не меньше других, мы все же американцы. То, что вы сделали и продолжаете делать с этим вашим туннелем, объединяет нас и больше, чем что-либо другое, напоминает нам о том, что мы жители именно этой страны. Великий день. Мы за вас на все сто.

Гас крепко пожал его руку.

— Этих слов я не забуду никогда, капитан. Они значат для меня больше, чем любые награды и почести. То, что я делаю — я делаю для этой страны, для ее осознания себя. Мне не нужно ничего иного.

Они уже входили во внешнюю бухту у Бридж-хэмптона; скорость падала, и водяная пыль уже не вздымалась по всему пространству вокруг них. Сонный маленький городок близ оконечности Лонг-Айленда совершенно переменялся за годы, прошедшие с начала строительства туннеля, поскольку здесь располагалась конечная станция американской части великой стройки. Несколько домиков с белыми оконными рамами, принадлежавшие прежним жителям, еще уцелели на берегу, но большинство их было проглочено доками, стапелями, верфями, сборочными цехами, складами, сортировочными станциями, конторами, бараками, подсобными зданиями; шум и суэта затопили город. «Боадия» направилась прямо к прибрежному пляжу, прошла над полосой прибоя, скользнула на песок и здесь, наконец, остановилась.

Едва осел вихрь поднятых в воздух песчинок, плотную поверхность пляжа пересекла полицейская машина. Водитель открыл дверцу и козырнул спускающемуся с трапа Вашингтону.

— Мне велено встретить вас, сэр. Спецпоезд ждет.

Да, он ждал; как и восторженная толпа очень рано вставших людей — вернее, не вставших, а даже не ложившихся, потому что большинство из них, похоже, провело здесь холодную ночь, не смыкая глаз, греясь у остывших теперь костров и ловя каждое слово о передвижениях Вашингтона, которое просачивалось из штаба строительства. Они были на его стороне, он был их кумиром, и потому, когда он появился, общая радость достигла уровня лихорадочного возбуждения; толпа с гулом заволновалась, забурлила, все разом хотели оказаться поближе. На высокой, украшенной всевозможными флажками эстраде группа краснолицых оркестрантов наигрывала что-то громкое, но было не разобрать, что, ибо музыка тонула без следа в океане громовых оваций. Каждый хотел поприветствовать Вашингтона, пожать ему руку, коснуться его одежды, оказаться хоть как-то сопричастным к славе героя дня. Полиция не могла воспрепятствовать; а вот бригада землекопов — смогла; они окружили Вашингтона несокрушимым кольцом своих тел и сапог и протаранили дорогу к ждущему поезду. Проходя мимо трибуны, задержались. Вашингтон поднялся, быстро пожал руки стоявшим там сановникам в шелковых головных уборах и помахал толпе рукой. В ответ она загремела еще сильнее, а потом вдруг почти затихла, и его слова долетели до всех:

— Спасибо вам. Сегодня — день Америки. Теперь я должен ехать.

Кратко, но корректно,— и вот он уже снова на пути к поезду, а там сильная бронзовая рука протянулась вниз и почти втащила его в единственный прицепленный к электровозу вагон. Не успела нога Гаса коснуться ступени, как поезд начал двигаться, быстро набирая скорость и грохоча на стрелках; и вот он нырнул в черное отверстие, обрамленное гордыми словами «Трансатлантический туннель».

Гас не успел усестись как следует, как та же самая бронзовая рука-поднимальщица, превратившись теперь в руку-подавальщицу, извлекла бутылку пива, открыла ее и ткнула горлышком, из которого лезла пена, в сторону Вашингтона. Говядина с пивом были основой жизни землекопов, и Гас давным-давно привык к подобным трапезам в любое время дня и ночи, так что теперь он взял бутылку с видом, словно разговестись этим солодовым напитком было для него обычным делом,— не раз оно действительно бывало так; он поднес бутылку к губам. Владелец бронзовой руки держал другую бутылку наготове и, тут же подняв ее, ополовинил одним глотком, а затем удовлетворенно вздохнул.

Саппер Кукурузник из племени онейда народа ирокезов, начальник смены землекопов в туннеле, верный друг. Он представлял собою почти семь футов обтянутых медной кожей костей, сухожилий и мускулов, черноволосый, черноглазый, медлительный на гнев — но во гневе превращавшийся в неумолимую колесницу справедливости с кулаками, огромными, как вирджинский окорок, и тяжелыми, как гранит. Золотое кольцо с подвеской из лосиного зуба свисало с его правого уха, и сейчас он крутил его пальцами, значит, думал — он всегда крутил его, когда ему нужно было сосредоточиться. Кручение подвешенного на ниточке лосиного зуба, согласно рецептам

какой-то тайной магии, свивало мысли в пригодную для работы связку; когда они как следует притирались друг к другу и становились легко управляемыми, возникал результат.

— Вы скроили всю операцию очень точно, капитан.

— К этому заключению я пришел самостоятельно, Саппер. У тебя есть какие-то причины думать, что я с ним поспешил?

— Никаких — за исключением того, что у вас нет ни малейшего упреждения, ни малейшего люфта в расписании на случай чего-то непредвиденного — а я могу напомнить вам, что непредвиденное туннельщики всегда должны брать в расчет. Туннельные секции — на местах, герметизирующий стыки раствор — заливается, все так хорошо, как только может быть. Последние пять секций еще заполнены водой, поскольку нужно несколько часов, чтобы загерметизировать сочленения. Как вы и приказали. Хотите, я позвоню и велю начать откачку?

— Ни в коем случае. Нам нужно столько времени, сколько необходимо для застывания раствора, и ни секундой меньше. Удостоверься только, что все готово к работе. Теперь, как насчет транспорта на станции?

— Геликоптер Королевских ВВС уже там, заправлен, стоит наготове. Так же, как и «Веллингтон» в Гандере. Они протащат вас через что угодно, пока Великий Дух осыпает вас своими благодеяниями. Однако существует вероятность, что Он осыплет вас не только благодеяниями. В Атлантике — циклон, ветер девять баллов и снег движется к Ньюфаундленду и, похоже, сулит массу больших неприятностей.

— Я буду там раньше.

— Я выпью за это, — и, будучи надежным человеком не только на словах, он извлек из стоящего

под сиденьем кейса еще две бутылки пива «Ситтинг Булл»*.

Постоянно наращивая скорость, поезд мчался в глубину темного туннеля на дне Атлантики, повторяя под морем тот путь, который «Боадисея» недавно проделала над ним. Но здесь, вдали от непогоды и капризов ветров и волн, на дороге, выглаженной бесчисленными техническими ухищрениями человека, могла быть достигнута скорость, о которой там, на поверхности океана, не приходилось и мечтать. Через несколько минут поезд летел в грохочущей темноте со скоростью, вдвое превышавшей ту, которая была доступна снаружи, так что еще каких-то две бутылки пива, каких-то два часа пути, дружеский обед из говядины с картофелем, приготовленный на импровизированной кухне — паяльная лампа и железная кружка,— и они начали сбрасывать скорость перед конечной остановкой.

Она была и впрямь конечной — машинист, зная об экстренности ситуации и всей душой стремясь помочь, затормозил так, что передние колеса лишь нескольких дюймов не добрали до конца колен. В считанные секунды Вашингтон и Саппер спрыгнули вниз и влезли в электрофургон, чтобы уже на нем проделать короткое путешествие в рабочую зону. Размытые пятна огней замелькали у них над головами, а спереди стремительно надвигался герметичный конец туннеля.

— Лучше надеть эти сапоги,— сказал Саппер, протягивая пару сапог, закрывающих бедра.— Перед тем, как станет сухо, станет мокро.

* Ситтинг Булл (Сидящий Бизон) — знаменитый индейский вождь, предводитель племени дакота-сиу во второй половине XIX века.

Фургон остановился, а Вашингтон еще натягивал сапоги; когда он спрыгнул, Саппер уже находился возле необычного устройства, стоявшего близ одной из стен туннеля. Пока он, нажимая какие-то рычаги и поглядывая на циферблаты, настраивал устройство, фургон дал задний ход и умчался прочь. Гас подошел к небольшой группе землекопов, которые тепло с ним поздоровались, и он им ответил тем же, каждого называя по имени. Саппер крикнул им, прося помощи; они подкатили машину ближе к стене туннеля и оттащили подальше толстый электрический кабель.

— Готово, капитан. Слово за вами.

— Зажигай.

Когда начальник смены переключил рубильник, тонкий луч пылающего рубинового света выхлестнул из лазера и впился в ржавую стальную панель, запиравшую конец туннеля. То, что это был не обычный свет, стало ясно, когда металл засветился, а потом начал плавиться и потек.

— Встаньте все с одной стороны,— приказал Вашингтон.— Туннель впереди тоже отрезан от океана, но все еще полон воды, находящейся под большим давлением. Когда лазер пробьет отверстие, мы получим...

Реальность опередила его слова. Интенсивный пучок когерентного света пронзил толстую сталь щита, и через мгновение струя воды в палец толщиной, шипящая, будто сотня демонов, и твердая, как стальной прут, выстрелила в глубину туннеля под таким давлением, что лишь в сотне футов от отверстия начала рассыпаться на брызги и падать. Саппер тем временем не ленился; направляемый им луч резал круг металла в верхней части щита. Громадное давление с той стороны изогнуло и выдавило твердую

сталь, и столб освобожденной воды с оглушительный ревом пролетел мимо землекопов. Теперь в туннеле стало промозгло и сыро; холодная вода испарялась, поднялся густой туман, сквозь который смутно проглядывали предметы. Но пылающий луч продолжал свое дело, вырезая продолговатое отверстие в центре щита, которое было продолжено вниз, едва уровень воды начал падать. Когда он достиг средней отметки на щите, Вашингтон по радиотелефону связался со станцией Грэнд-бэнкс. Хотя до нее было не более десятой части мили, прямой разговор был невозможен; голос Вашингтона сначала шел по телефонному проводу назад в Бриджхэмптон, а затем по радио летел через океан.

— Открывайте,— приказал Вашингтон.— Вода уже достаточно низко, и все держится.

— Много работы помпам,— сказал Саппер, мрачно поглядывая на достигавшую лодыжек темную воду; нужно было откачивать ее на целых восемьдесят миль назад, до ближайшего искусственного острова, имевшего вентиляционную шахту.

— Не утонем,— таков был единственный полученный им ответ, после которого, видно, всерьез задумавшись, так ли это, он некоторое время крутил лосиный зуб на серье. Одновременно он продолжал управляться с лазером, пока не довел отверстие до уровня хлещущей по ногам воды; коснувшись поверхности, луч окутался паром и зашипел. Только тогда отверстие стало настолько большим, чтобы в него мог пролезть человек.

— Ниже она теперь не скоро станет,— проговорил Гас, глядя, как холодная вода едва не подступает к его поясу.— Пошли.

Вплотную друг за другом они протиснулись в отверстие, с усилием преодолевая водоворот по ту

сторону щита. Вашингтон вел. Через какую-то секунду они вымокли до нитки, через две секунды — промерзли до костей, но не слышно было ни единого недовольного слова. Подсвечивая себе мощными электрическими светильниками, они шли — и если и говорили, то лишь о состоянии туннеля. Стыки герметичны, фильтрация отсутствует, работа практически сделана, первая часть туннеля, в сущности, завершена. Единственным препятствием на их пути оставалось теперь только восемь футов замороженного грунта, образовавшего гигантскую пробку, которая затыкала конец туннеля и соединяла его с другой его частью. Все землекопы несли с собой лопаты, и теперь пришла пора пустить их в дело, поскольку, когда в просвет между частями туннеля накачивали жидкий грунт, частично он растекся по низу трубы и избежал замораживания. Землекопы яростно принялись за работу; руки двигались, как поршни, не произносилось ни слова — перед решительной атакой им пришлось буквально прогрызать себе путь в мокрой грязи, откидывая ее в сторону, и так до конца. На ледяной, покрытой инеем поверхности пробки лопаты не могли и следа оставить, но, когда они добрались до нее, уже слышался непрерывный скрежет; а затем — взрыв, фонтан осколков, и острие сверкающего, крутящегося бура толчком вылезло из твердой поверхности.

— Просверлили! — воскликнул Саппер и издал исполненный энергии боевой клич, который подхватили остальные. Когда сверло было втянуто назад, Гас подобрался к скважине и крикнул в нее, уже видя свет с той стороны; прижав ухо к отверстию, он смог расслышать ответные голоса.

— Просверлили, — повторил он, и глаза его, еще недавно темные от тревоги, засветились. Теперь

землекопы стояли, опираясь на свои лопаты и болтая, как кумушки, а тем временем машина и люди на той стороне уже расширяли отверстие с нескольких дюймов сначала до фута, потом до двух...

— Достаточно! — крикнул Саппер через канал, пробитый в замороженном грунте. — Теперь давайте трос.

Мгновением позже в отверстие высунулся конец веревки, его ухватили и завязали жесткой петлей. Вашингтон опустил ее на плечи, как следует закрепил под мышками и, наклонившись, сунул голову в отверстие. Люди с той стороны, увидев его, вновь разразились приветственными криками; еще продолжая кричать, они плавно и сильно потянули за веревку, и Гас заскользил вперед, ушибаясь о неровности, зацепляясь одеждой, царапая кожу, пока не очутился на той стороне — весь багровый, едва дыша, но — на той. Множество рук ухватило его и буквально подняло в дожидавшийся электрокар, который немедленно рванулся вперед. Гас с трудом успел освободиться от веревки, а они уже остановились; он прыгнул в подъемник. Тот, едва приняв пассажира, с лязгом пошел по шахте вверх — и очутился под дневным небом Грэнд-бэнкс, еще полным солнечного света, но мутным и обещавшим дождь. Окончательно запыхавшись, как и сопровождавшие его служащие, на ходу счищающие с него грязь, он побежал к странному механизму, ждавшему его прибытия.

Одно дело собирать сведения, читая описания и разглядывая фотографии, обманывать себя, будто можно иметь представление о предмете, никогда не видев его воочию, — и совсем другое увидеть этот предмет во всей его полноте и осознать, что между первым и вторым — пропасть. Гас читал достаточно,

чтобы пребывать в убеждении, будто знает, что такое вертолет; внезапное осознание своей ошибки заставило его вздрогнуть и почти потерять равновесие на бегу. Тогда он перешел на быстрый шаг — и приблизился к громадной машине с видом, выражавшим нечто большее, чем просто благоговение.

Во-первых, машина была много больше, чем он воображал, — размером с двухэтажный лондонский автобус, поставленный на колеса. Яйцевидный, или, точнее, столь же овальный, сколь любое произведение куриной природы, установленный широким концом вниз, в то время как узкий возносился высоко вверх, он, казалось, на коротких сидел на своих трех искривленных лапах, вынутых сейчас из туловища, но в полете способных убираться в хитроумно придуманные ниши по сторонам корпуса. Верхняя треть яйца была прозрачной, а на самой макушке стеклянного купола высовывалась вверх металлическая ось, несущая два широких четырехлопастных винта, расположенных один над другим и разделенных вздутием на оси. У Гаса было лишь мгновение, чтобы впитать все эти детали, — дверца в куполе резко открылась, и веревочная лестница, раскручиваясь, шлепнулась к его ногам; в отверстие просунулась голова человека, который ободряюще произнес:

— Если вы сядете ко мне, сэр, то мы взлетим.

И загудел себе под нос веселую песенку с тем особым произношением, которое сразу наводило на мысль о Мерионете или Кэрнарвоне*. И поэтому, когда Гас поднялся на уровень дверцы, он вовсе не удивился, увидев темные волосы и светлую форму

* Мерионет и Кэрнарвон — графства в северном и северо-западном Уэльсе.

офицера Королевских ВВС; пилот представился как лейтенант Джонс.

— Сюда, сэр. Вот пристяжные ремни, сэр.

Еще не закончив фразу, еще до того даже, как Гас успел усесться во второе кресло этой небольшой кабины, Джонс запорхал пальцами над пультом, запуская громадный летательный аппарат. Где-то под ногами возник свистящий рокот; быстро нарастая, он превратился в басовитый глухой рев, и тогда длиннолопастные винты очнулись к жизни и завращались в противоположных направлениях. Вскоре они стали не более чем двумя тускло мерцающими дисками, и, по мере того, как они все стремительнее молотили воздух, вертолет начал подрагивать, потом затрясся, как просыпающийся зверь,— а затем прыгнул вверх. Нажатием кнопки Джонс убрал опорные лапы, а крохотный искусственный островок тем временем проваливался вниз, таял — и вскоре, куда ни падал взгляд, был один только океан.

— Вы сами инженер, капитан Вашингтон, и вы по достоинству можете оценить такую машину, как эта. Наша турбина развивает мощность в две тысячи лошадиных сил, и все идет на эти два противонаправленных ротора, так что мы можем давать скорость до двухсот семнадцати миль в час. Ориентируемся по радиомаякам. Как раз сейчас мы зацепились за сигнал из Гандера, и теперь все, что от меня требуется,— это держать вот эту стрелку вот в этом положении, тогда мы прямо попадем на место.

— А горючее?

— Сжиженный бутан. Очень калорийное.

— Да, верно.

Через несколько минут показалось побережье острова Ньюфаундленд; город Сент-Джонс плавно проплыл под ними. Их путь лежал вдоль берега, над

бахромой его бесчисленных заливов. Джонс взглянул на открывавшийся внизу вид, затем снова на пульт, и его рука потянулась к переключателю.

— Первый бак почти что выгорел, я переключаюсь на второй.

Он тронул переключатель — турбина прерывисто загрохотала и умолкла.

— Ну, я смотрю, тут что-то не так,— сказал Джонс, слегка нахмурившись.— Но вы не беспокойтесь. Я могу переключиться на бак три.

Что он и сделал, и тем не менее двигатель остался безмолвным.

Они начали падать.

— Ну, ну, бак четыре!

Но и тот держал машину в полете не лучше, чем предыдущие.

— Нет, мы не можем разбиться! Ба! Как ветряк спланируем и приземлимся!

— Приводнимся,— сказал Гас, указывая на океан.

— Верное замечание. Но в первом баке осталось достаточно горючего, чтобы дотянуть до берега.

Летчика явно приободрили его же собственные слова, действительно, они оказались первым правильным предсказанием, сделанным им за последнее время; стоило ему переключиться на первый бак, турбина сразу оживленно взревела и геликоптер упруго пошел вверх. Изменив курс на кратчайший до берега, Джонс легонько пощелкал по циферблатам над переключателями, потом покачал головой.

— Показывают, что все баки полны. Не понимаю.

— Могу я просить вас связаться по радио с базой в Гандере и сообщить о нашем положении?

— Это была бы прекрасная мысль, сэр, если бы я мог. Нет у нас радио. Экспериментальный аппарат,

знаете ли. Но вон там, по ту сторону поля, уверен, — ферма, наверное, там есть телефон. Мы установим связь.

Словно бросая вызов его словам, турбина закашлялась и остановилась, поступательный полет сменился плавным снижением. Джонс проворно выпустил опорные лапы, и едва они успели выйти из пазов, аппарат коснулся земли посреди вспаханного поля. Пилот, не мешкая, открыл люк в полу кабины и нырнул в лабиринт механизмов нижнего отсека.

— Очень интересно, — сказал он, постукивая гаечным ключом по цилиндрическим бакам под собой. — Они пустые. Все.

— Действительно интересно, и я сообщу о нашем интересном положении, если обнаружу на ферме телефон.

Рукоятку дверцы найти было легко. Гас открыл дверцу, сбросил наружу веревочную лестницу и начал спускаться по ней едва ли не раньше, чем нижний конец ее коснулся земли. Быстрым шагом Гас пошел поперек поля, срезая угол в направлении группы деревьев, за которыми пряталась ферма, потом побежал по жнивью изо всех сил, но мысли его бежали еще быстрее — мысли о тех немногих часах, остающихся до лондонского поезда, о том, что часы эти тают, и темнеющее небо было страшным тому подтверждением. В девять пополудни поезд уйдет, завтра в девять утра, а он — бежит здесь, на другой стороне Атлантики, вечером накануне, хотя бег — не лучший способ, чтобы пересекать океаны. Впервые он ясно почувствовал, что может не успеть, что все усилия могут оказаться напрасными — но все равно бежал. «Оставить борьбу» — таких слов он просто не знал.

Проселочная дорога, деревянная изгородь, и наконец деревья нехотя расступились, открыв взору

деревянный фермерский домик. Дверь закрыта, ни души, ставни опущены. Брошена? Не может быть! Он громко молотил в дверь кулаком, снова и снова, и уже совсем было потерял надежду, когда внутри лязгнул засов и приоткрылась щель, в которой показался недоверчивый глаз на еще более недоверчивом лице, упакованном в окладистую, поседелую и, если можно назвать бороду недоверчивой, чрезвычайно недоверчивую бороду.

— Чего? — подозрительно пробурчал недоверчивый голос. И все.

— Меня зовут Вашингтон, сэр, и я в беде. Мой летательный аппарат совершил на вашем поле вынужденную посадку, и мне крайне необходимо воспользоваться вашим телефоном. Вы получите компенсацию.

— Нет тут телефона, — дверь закрылась куда быстрее, чем открывалась, но Вашингтон тут же принялся дубасить в нее; наконец, она неохотно открылась во второй раз.

— Может быть, вы укажете мне дорогу к соседу, у которого...

— Нет тут соседей.

— Или к городу, в котором...

— Нет тут городов.

— В таком случае, может, вы позволите мне войти в дом, чтобы обсудить, где я могу найти телефон?! — гаркнул Вашингтон голосом, привыкшим, перекрывая грохот работ, отдавать приказы. Где не помогли хорошие манеры, помогла неприкрытая команда — дверь, хоть и с прежней неохотой, растворилась шире, и Гас вслед за хозяином затопал внутрь. Они вошли в скромную кухню, освещенную тлеющими желтыми огнями, и Вашингтон принялся ходить по ней взад и вперед, крепко сцепив руки за спиной и

пытаясь с помощью упрямого дикаря определить, каков будет его следующий шаг. Добрых пять минут ушло на то, чтобы выпытать тщательно скрываемую информацию: в разумный промежуток времени ничего сделать нельзя. Ближайший город? Очень далеко. Соседи? Не существуют. Самый быстрый транспорт? Гужевой.

— Значит, ничего не выйдет. Я пропал.

С этими грустными словами Гас крепко ударил кулаком в ладонь, а затем поднес руку с часами к лампе, чтобы узнать время. Шесть вечера. Ему вот-вот нужно быть на авиабазе, садиться в реактивный «Супер-Веллингтон» и лететь в Англию — а не торчать на этой доисторической кухне. Сейчас шесть, в одиннадцать вечера — в Лондоне, и поезд отходит в девять утра. Огонь зашипел и чуть затрепетал, а стрелки часов неумолимо говорили о том, что время почти истекло. Огонь затрепетал вновь; Гас медленно поднял взгляд на абажур, на прозрачный шар с яркой и горячей калильной сеткой внутри.

— Что... это... за свет?! — спросил он, боясь поверить.

— Газ, — неохотно ответил хозяин.

— Какой газ?

— В баке. Грузовик приходит и заряжает.

Луч надежды вновь зажегся у Гаса в глазах, когда он повернулся к хозяину снова.

— Пропан? Может это быть пропан? Слышали ли вы это слово, сэр?

Сам не свой от нежелания говорить хоть что-то определенное, фермер все же вынужден был признать:

— Что-то вроде.

— Это он, потому что пропан — единственный применимый на севере вид сжиженного газа, бутан

при низких температурах не испаряется. Это обнадеживает... Я хочу приобрести этот бак и арендовать вашу повозку с лошастью, чтобы перевезти его ко мне. Что вы на это скажете, сэр?

— Нет.

— Я заплачу вам сто долларов.

— Ну и что?

— Я заплачу двести.

— Дайте глянуть.

Гас немедленно вынул бумажник; банкноты шлепнулись на стол. Голова и борода качнулись с совершеннейшей определенностью: нет.

— Колониальные бумажки. Я такие не беру. Канадские зеленухи или стерлинги, выбирайте.

— У меня нет ни тех, ни других.

— Ну, и не продам.

Гас не собирался ни уступить, ни капитулировать перед этим замшелым хлебобобом; человек, который покори́л океан, не мог признать, что потерпел поражение от мирного аборигена пашен.

— Тогда давайте меняться.

— Что даете?

— Вот это,— одним движением Гас состегнул с руки часы и со значением поводит ими перед лицом собеседника.— Стоят двести тридцать семь долларов, водонепроницаемые, четыре стрелки, семь кнопок.

— Беру часы.

— Противоударные, самозаводящиеся, показывают день недели и число месяца, отбивают время, если вот эту кнопку нажать,— крохотный колокольчик прозвонил шесть раз,— имеется микрорадио, постоянно настроенное на государственную синоптическую станцию, которая даст прогноз, если вот эту кнопку нажать...

— ...малым аппаратам запретительное предупреждение — снег и ветер штормовой силы...

Гас будто и не слышал сводку. Стоял в тишине, протягивая обладающие такой массой полезных достоинств часы, пока узловатая, натруженная рука не поднялась с величайшей нерешительностью и не коснулась их, благоговейно трепеща.

— Вот это сделка!

Потом был грубый надсадный труд, который несколько заглушил боль и ярость от бессильного ожидания, — борьба с тяжелым баком при свете керосинового фонаря, погрузка на телегу; потом запрягали упрямую скотину, как-то выбрались на дорогу, дальше что было сил толкали свое хозяйство через вспаханное поле к ярко освещенному геликоптеру, где поджидавший Джонс, стоило его окликнуть, сразу высунул голову из открытого люка.

— Нашел неисправность, сэр. Все очень странно, ведь я сам заполнял баки. Теперь они пусты, а индикаторы каким-то образом поломались так, что могут показывать только предельное заполнение. Это может быть лишь...

— Диверсия. Но у меня тут есть кое-что взамен. Пропан — возможно, его хватит до базы в Гандере.

Было делом нескольких секунд открыть крышки моторного отсека и обнажить громоздкие топливные баки геликоптера. Джонс, плюнув на ладони, взялся за ящик с инструментами.

— Нам придется вытащить их, потому что перелить горючее невозможно. Если вы возьметесь за верхнюю garnитуру, я возьму на себя зажимы внизу, и тогда мы его снимем быстрее, чем вы успеете сказать «Россланэрчруго».

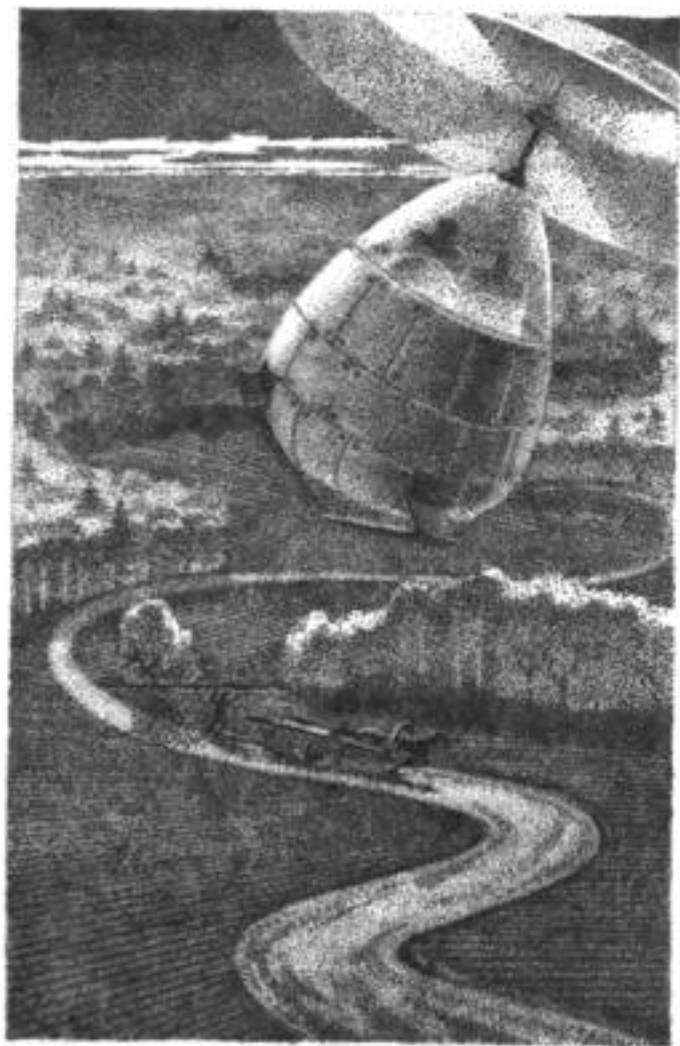
Работали споро; металл звенел о металл, и, кроме этого, не было иных звуков — разве лишь редкие

приглушенные ругательства, когда гаечный ключ срывался и в кровь сдирал кожу с костяшек пальцев. Наконец, баки были освобождены и вывалены на землю, после чего, надсаживаясь еще пуще, они взгромоздили привезенный Вашингтоном бак на освободившееся место.

— Грузовик вернет вам ваш бак и заберет эти, — сказал Джонс и получил в ответ неохотный кивок.

Новый бак пришлось закрепить ремнями. Потом возникли сложности при присоединении фиттинга к его клапану. Но в течение часа работа была сделана, последние гайки затянуты, металлические крышки возвращены на места. Пока шла работа, ветер усилился, а скоро и первые хлопья снега замелькали в лучах фонаря. Гас заметил их, но смолчал; пилот работал так быстро, как только мог, — но Гас все же кинул взгляд на свое запястье, и лишь тогда вспомнил, что часов уже нет. Наверняка еще было время. По слухам, новый реактивный «Веллингтон» мог дать более 600 миль в час. Должно быть еще время. Затем работа и впрямь закончилась, последние задвижки задвинуты, последняя проверка проведена. Они поднялись по лестнице, свернули ее; шелкнул переключатель, и громадная машина задрожала и заревела, вновь возвращаясь к жизни. Джонс зажег посадочные огни, и в их мощном сиянии стало видно, что снег повалил гуще, что перепуганная лошадь лягает копытами повозку, потом в панике пропадает с глаз, что фермер гонится за ней с криком; а винты вращались — быстрее, быстрее, пока вертолет не рванулся вверх, прочь, в ослепляющий шторм.

— Приборы в порядке, — сказал Джонс со спокойной уверенностью. — Здесь нет ничего выше пятисот футов, ровное поле и мы, так что я буду держаться

на тысяче, незачем попусту жечь горючее, залезая выше. Идти по лучу, поглядывать на альтиметр — и с этим все.

С этим было не все, ибо погода ухудшалась с каждой минутой и с каждой милей, пока наконец ураган не закрутил огромную тушу вертолета, как сухой лист. Только мастерство и молниеносная реакция пилота позволяли им выдерживать курс; несмотря на внешнее спокойствие Джонса, промокший воротничок рубашки неопровержимо свидетельствовал, что работа была не из легких. Гас молчал, плотно держась за подлокотники кресла, глядя на вихри снега, крутящиеся в золотых конусах света фар, и старался не думать о минутах, которые улетали так быстро. Время еще было, время должно было быть.

— Посмотрите, посмотрите-ка сюда! — радостно крикнул Джонс и, улучив момент, показал на шкалу радиомаяка; стрелка кружилась, будто обезумев.

— Сломан!

— Вовсе нет! Это значит только, что мы над маяком, над аэродромом. Держитесь крепче, я иду вниз.

И он действительно пошел вниз — камнем к невидимой земле; а стрелка альтиметра моталась из стороны в сторону, и снег валил стеной.

— Вы что-нибудь видите, капитан?

— Снег, только снег и тьма... стоп... момент... есть! По левому борту какие-то огни, и еще... больше... под нами!

— Гандер! Ребята пришли нам на помощь — и очень вовремя. Сидите крепче, сейчас не лучшая погода для маневрирования.

И все же он сманеврировал. Падение, стремительная работа с рычагами и дросселем, которая не дала

им упасть, медленное снижение, затем снова падение — и дребезжащий, глухой удар; они приземлились, и двигатель замер, когда дроссель, наконец, был полностью закрыт.

— Я никогда не забуду того, что вы сделали, Джонс,— сказал Вашингтон, горячо пожимая руку пилоту.

— Обычная служба в ВВС, капитан. Рад был встретиться с вами. Теперь вы победите.

Победит ли? После короткой пробежки сквозь бурю в тихую гавань отапливаемого помещения и поспешного знакомства с офицерами Вашингтон ощутил общую неловкость; люди избегали смотреть ему в глаза.

— Что-то не так? — спросил он начальствовавшего над базой командира авиабригады.

— Боюсь, что да, сэр. Я сомневался бы по поводу возможности взлета в такой ураган, но это, в принципе, возможно, и взлетную полосу сейчас можно очистить от снега, тут нет проблем. Но дело в том, что ветер — а он при порывах достигает сотни миль в час — подбросил «Веллингтон» и повредил его шасси. Ремонт ведется, но не думаю, что он будет закончен до полуночи, это самое раннее. И мы все-таки успели бы в Лондон в срок, но если ураган не ослабеет — а метеорологи говорят, что нет, — ко времени завершения ремонта взлетная полоса будет совершенно забита снегом. Таковы обстоятельства, сэр, и я от всей души прошу у вас прощения.

Гас что-то говорил в ответ — сам не зная, что; потом с благодарностью взял предложенную ему кружку дымящегося чая. Он заглянул в нее — и увидел крушение, и испил бездну отчаяния. Летчики чувствовали его состояние и старались занять себя хоть чем-нибудь, чтобы оставить Вашингтона наедине

с собой. Это был страшный удар! Так близка была победа, так много было затрачено усилий, так много препятствий преодолено — и быть вот так остановленным в самый последний миг! Стихии помешали ему там, где даже диверсии не смогли. Горькие мысли охватили Вашингтона; он словно впал в забытие, и офицер, который вот уже несколько минут стоял перед ним навтыяжку, оставался им незамеченным. Вашингтон поднял лицо, на котором поражение оттиснуло свою, казалось, неизгладимую печать, и, увидев наконец ждущего человека, овладел собой; теперь его чувства не были видны никому.

— Я Кларк, сэр, капитан Кларк. Простите, что вторгаюсь, но у меня есть кое-что... что может рассматриваться как предложение.

Он был худощавый, чуть лысоватый, носил очки в золотой оправе и казался очень чистосердечным. Его речь еще хранила мягкость и раскатистое «р» его девонширской юности, но сейчас в нем не было ничего от провинциала.

— Пожалуйста, говорите, капитан Кларк. Сейчас любое предложение как нельзя кстати.

-- Если бы я мог показать, было бы проще. Не хотите ли пойти со мной?

Через несколько крытых переходов они прошли в другой корпус; снег и ветер не залетали сюда, и свободный проход был возможен в любую погоду. Теперь они оказались в чем-то вроде лаборатории, с массой проводов и электроприборов на подставках, но главенствовал здесь огромный аппарат в темном кожухе, громоздившийся вдоль одной из стен. Через стеклянные оконца в передней панели, изготовленной из красного дерева, виднелись ходившие ходуном латунные шестерни и штоки. Кларк легонько похлопал

полированное дерево, и в жесте его сквозила нескрываемая любовь.

— Машина Брэббеджа*, одна из наиболее крупных и сложных, существовавших когда-либо.

— Она великолепна, — с искренним восхищением ответил Гас, на какой-то момент забыв о своей беде. — Я никогда не видел таких огромных. Думаю, у нее очень большой объем памяти?

— Как вы можете убедиться, более чем достаточный для наших потребностей.

Немного театральным жестом он откинул дверцу, продемонстрировав вереницы медленно вращающихся серебристых дисков, испещренных множеством мелких отверстий. В них, пощелкивая, то и дело за-скакивали касавшиеся дисков металлические пальцы на стержнях. Слышался постоянный, негромкий металлический шелест, сопровождаемый каким-то шипением и, по временам, лязгом. В этом концерте Кларк, должно быть, уловил некую фальшивую ноту; он наклонил голову набок, прислушиваясь, а затем открыл соседнюю панель и снял с подставки масленку. «Прекрасная машина, но требует присмотра», — с этими словами он подлил масла в подшипник кулачкового толкателя, ходившего взад-вперед по гладкой латунной поверхности причудливого эксцентрика.

— Сейчас выпускают полностью электрифицированные машины Брэббеджа и называют их компьютерами — будто в названии дело; они значительно меньше по размерам, но полны дефектов. Нет, вы дайте мне добрый надежный металл... хоть у нас и бывают проблемы с люфтами в зубчатых передачах.

* Здесь Гаррисон имеет в виду, слегка искажив фамилию, английского изобретателя Чарльза Бэббеджа, который в XIX веке изобрел механическую счетную машину.

— Это все, конечно, очень интересно...

— Пожалуйста, простите меня, Вашингтон! Хотя какое тут может быть прощение... я отвлекся немного, страшно сожалею.

Он выронил масленку; засуетившись, поднял ее, вернул на подставку, закрыл панель и указал на противоположную дверь.

— Если угодно, теперь, когда вы увидели Брэббеджа, прямо сюда. Это, вероятно, заинтересует вас больше.

Так оно и случилось. За дверью был громадный ангар, в центре которого высилось гигантское копье ракеты. Футов пятьдесят или больше в длину, шесть футов в поперечнике у основания — изящная, полированная, строгая, иссиня-черная и блестящая.

— «Черный Рыцарь», наша лучшая и мощнейшая ракета. Абсолютная надежность. Чрезвычайно эффективный двигатель на жидком горючем — смесь керосина с перекисью водорода. Очень чувствительная система управления. Во время полета посылает назад радиосигналы, они обрабатываются машиной Брэббеджа, которую мы только что видели, так что коррекции курса могут проводиться незамедлительно. С этой ракетой мы добились больших успехов в осуществлении экспериментальной программы, которая вскоре, возможно, станет обычной практикой. Почтовое ведомство, как вы легко можете понять, крайне заинтересовано в установлении линии ракетной почты между нами и Кройдоном. У них там есть один из этих электрических компьютеров, он начинает принимать сигналы «Черного Рыцаря», как только тот проходит над Атлантикой, и ведет его дальше, выключает двигатели, опускает на парашюте и тому подобное...

Тут его голос мучительно запнулся, потому что Вашингтон, медленно повернувшись, пристально уставился на него тяжелым взглядом. Когда Кларк заговорил вновь, речь его стала торопливой, он часто сбивался.

— Нет, выслушайте меня, пожалуйста, это экспериментальная программа, не более. Постоянную переброску в такую даль почта, может, и выдержит, кто знает. Колоссальное ускорение. Может, для человека оно смертельно. Правда, во время последнего эксперимента мы послали шимпанзе Дэйзи, прелестное создание — сейчас она в зоопарке Риджент-парка и ни секунду не выглядела хоть сколько-нибудь травмированной. Когда там ее вынули из ракеты, она тут же упледа целую пригоршню бананов.

— Если я не ослышался и то, что вы говорите — правда, то, Кларк, я к вашим услугам. Если вам нужен доброволец, чтобы пересечь океан на этом бенгальском огне, то вот он, доброволец. Но только если она доставит меня на место к девяти утра.

Именно это и имел в виду девонширский инженер, и чем больше он объяснял, тем больше убеждался Гас, что победу еще можно вырвать из почти уже сжавшихся когтей неблагоприятной судьбы. Были приглашены другие инженеры и командир базы, провели совещание, затем по радио связались с Лондоном и посовещались сызнова, наконец никто больше не говорил «нет», возобладали говорившие «да» — и вот уже не осталось ничего иного, кроме как взяться за это беспрецедентное, удивительное дело.

Стоило немалого труда все успеть подготовить в течение нескольких оставшихся часов — но это было сделано. Арктический ураган снаружи, завывая, с бессильной яростью бился в стены здания, а внутри люди суетились вокруг машины, которой суждено

было победить его, этот ураган, победить время и пространство, перенеся пассажира из Нового Света в Старый за несколько минут. Ракета была запрова-лена и подготовлена, прозвонены все ее сложные схемы, а высоко наверху механики установили тем временем прорезиненную прокладку и накачали внутрь необходимое количество воды.

— Это секрет,— объяснял Кларк, а глаза его за перепачканными стеклами очков увлеченно горели.— Амниотическая жидкость*, естественный амортизатор — секрет, известный природе спокон века; просто, чтобы взять, надо знать места, где смотреть. Вот мы и посмотрели, и увидели, и теперь пользуемся этим секретом. Как вы знаете, сила гравитации равна одному «же» — это здесь, на Земле, на ее поверхности. Ускорение и гравитация кажутся идентичными, или даже, как утверждает один частенько бывавший в Оксфорде малый из Германии, Эйнштейн, они и впрямь идентичны. Мы увеличиваем ускорение до двух «же», и нам не по себе, до трех «же» — и мы начинаем страдать, а при пяти-шести «же» происходят страшные вещи — смерть, остановка сердца, выпадение зрения, ужасно! Но, будучи помещенными в жидкую среду, наши подопытные животные — обезьяны, главным образом — подвергались перегрузкам до пятидесяти «же» и оставались живы-здоровы и невредимы. Вот этим мы как раз и заняты в данный момент. Можете назвать это,— он коротко рассмеялся,— космолетающим материнским чревом.

* Амниотическая жидкость — у пресмыкающихся, птиц и млекопитающих жидкость внутри зародышевой оболочки (амниона), предохраняющая зародыш от механических повреждений и обеспечивающая водную среду для его развития.

— Всю дорогу под водой? Надеюсь, задерживать дыхание не придется?

— Это было бы невозможно... А, вы дурака валяете, капитан Вашингтон? Ну конечно, дорогой мой! Нет, разумеется, вам будет вполне удобно. Вода может быть холодноватой, но на вас будет водонепроницаемый костюм и кислородная маска. Действительно, будет удобно.

Вряд ли это можно назвать удобным, подумал Вашингтон, когда заботливые руки помогли ему опуститься в его космическую ванну. Он погрузился с головой, пристегнулся ремнями, как ему велели, и медленно, осторожно вдохнул воздух маски. Все это было очень интересно, хотя он и поволновался слегка, когда исковерканные преломлением лица и руки над ним пропали, скрытые конусом носового обтекателя, с лязгом скользнувшим на место. Вода не глушила звуков, и он мог слышать скрип и скрежет металла — затягивали болты. Затем — тишина.

Это было хуже всего — ждать в темноте и одиночестве. Один, совсем один — такого в жизни с ним не бывало — заброшен на острие этого столба, наполненного дремлющим жидким огнем. Ожидание. Он мог представить себе откатывающуюся на роликах крышу, предстартовую проверку, зажигание, идущее по этапам. Ему сказали, что все займет несколько минут, но он не представлял, что настолько утратит чувство времени. Минуты прошли — или часы? Нет ли неполадок? Не произошла ли авария? Выберется ли он отсюда или изжарится на вершине пылающей колонны? Воображение разыгралось вовсю, и, будь у него возможность, он закричал бы во весь голос, так велико было напряжение в эти секунды.

Затем появился звук; вой, отчаянный вопль — так, вероятно, кричат души грешников в аду в своей

вечной агонии. Он почувствовал, как волосы у него встают дыбом, и только потом сообразил, что это всего лишь высокоскоростные насосы погнали горячее в камеру сгорания. Полет начинался! И едва до него это дошло, возник отдаленный грохот, рев, который быстро достиг фантастической силы; уши, казалось, готовы были лопнуть, он зажал их руками, и тут что-то невидимое навалилось ему на грудь. Взлет!

Долго, неизмеримо долго продолжалось это давление — и вдруг исчезло; двигатели смолкли. Ракета находилась в свободном полете и начала снижение. За те бесконечные минуты, пока двигатели работали, ракета проделала путь через ураган, пробила атмосферу и стратосферу, и теперь, когда вокруг не было и следа воздушного одеяла Земли, описывала широкую дугу в космической пустоте. Атлантика была в сотне, в двух сотнях миль внизу — а впереди была Англия. И компьютер в Кройдоне, маленьком сонном пригороде Лондона, электрифицированная машина Брэббеджа, менее надежная, чем механическая; Гас надеялся только, что хотя бы на этот раз увлеченный капитан Кларк окажется не прав относительно достоинств здешней машины.

С момента начала снижения его сердце стало биться медленнее, он ощутил покой и даже радость. Вне зависимости от исхода, это путешествие останется в памяти — что-то вроде современной версии написанного известным французом романа о путешествии вокруг света в восемьдесят дней; герои пользовались там всевозможными видами транспорта. И вот он здесь, и у него такой транспорт, о котором достойный мистер Верн не мог и мечтать. Игра действительно стоила свеч. Именно в этом расслабленном состоянии духа он ощутил, что уже находится во власти местной

машины, и, успокоившись, улыбнулся собственным мыслям. Теряя теперь высоту над Сурреем, ракета маневрировала, выходила на цель, снижалась, и, наконец, с резким треском выпустила парашют. Был внезапный толчок, вызванный, скорее всего, тем, что парашют раскрылся, и вскоре — еще один; и в чем Вашингтон был уверен, так это в том, что после второго толчка ракета перестала двигаться. Добрался?

Подтверждение последовало быстро. Лязг, удар, затем еще один, и еще, и снова скрежет металла. Через мгновение носовой конус пропал с глаз; вместо него Вашингтон увидел смутные пятна лиц на фоне сверкающего голубого неба. Ну конечно! В своем стремительном путешествии он перелетел в день. Распрямляясь, он поднял лицо над водой, сорвал маску и вдохнул ароматный, сладкий, теплый воздух. Веселое лицо, неровные зубы, обнаженные широкой улыбкой, гаечный ключ в руке; ниже, рядом — суровое лицо под голубой форменной фуражкой; рядом — картонный прямоугольник.

— Таможенная служба Ее Величества, сэр. Вот список предметов, считающихся контрабандой, и предметов, облагаемых пошлиной. Есть ли у вас что-либо для заявления в декларации?

— Ничего. У меня нет багажа.

Сильные руки помогли ему перейти на верхнюю площадку колесной платформы, стоявшей рядом с ракетой. Внизу — белый бетон, зеленые деревья, ждущие люди, далекие приветствия. Он повернулся к таможеннику.

— Могу я узнать, который теперь час?

— Ровно без четверти девять, сэр.

Есть ли время? Сколько отсюда до вокзала в Лондоне? Десять-двенадцать миль, по крайней мере. Оттолкнув поддерживающие руки, он рванулся к

веревочной лестнице и буквально съехал на землю; но внизу на мгновение застыл, потому что, повернувшись, увидел перед собою знакомую громадную фигуру.

— Боевой Джек!

— Он самый. Поторапливайтесь теперь — и, возможно, вы добьетесь своего. Тут одежда, — он сунул Гасу в руки бумажный пакет, одновременно подталкивая капитана к странного вида автомобилю, задним ходом подруливавшему им навстречу.

— Это Луиджи Молния, Луиджи Ламбретта, точнее. Он классный водила, хотя и макаронник. Теперь садитесь, и ходу отсюда.

— Рад встрече, синьор, — сказал шофер, когда Гас прыгнул в пустую кабину и сиденье сразу ударило его по спине. — Эта машина победила в гонках «Миль-Миглиа», так что не беспокойтесь. Дуэ сэнто, двести ваших лошадиных сил, мы полетим как ветер. Паровая турбина на газолине, охлаждается фреоном. Полиция предупреждена, дороги очищены на всем пути до моста Путни и дальше. Чудный денек для езды.

Они ревели, они гнали, они неслись по дороге, и только резина протекторов жалобно завизжала, когда они юзом вывернули на Лондонскую дорогу при скорости больше ста миль в час. Стремительно мелькали сдерживавшие толпу «бобби», развевающиеся флаги; праздник чувствовался во всем. Червяком извиваясь на тесном сиденье, Гас ухитрился стащить мокрый костюм; встречный ветер вырвал его из рук и бросил куда-то за горизонт. Разворачивая пакет, Гас старался быть осторожнее. Он извлек исподние, в обтяжку, штаны до колен, рубашку, галстук, пиджачный костюм, здесь же лежали крепкие ботинки. Гас выбился из сил, пока надевал все это — но победил, и даже узел на галстуке вышел вполне прилично.

- Время? — громко спросил он.
- Одна минута десятого, синьор.
- Тогда все пропало...

— Еще нет, синьор, — с ревом вылетая на мост Путни при скорости сто тридцать пять миль в час, ответил Луиджи Молния. — Все улажено, я говорил по телефону. Вся Англия на вашей стороне, даже сама королева. Она отложила свой отъезд из Букингемского дворца. Необыкновенная женщина! Сейчас она, не спеша, следует на вокзал в конном экипаже. Ничего еще не потеряно.

Победит ли он? Или все эти нечеловеческие усилия завершатся провалом? Теперь все было в руках богов, и оставалось надеяться лишь на то, что они ему улыбнутся. Тормоз, акселератор, протяжный визг резины, вбок, по узким улочкам, резкий поворот баранки, чтобы спасти жизнь бездомной собаки, очередной поворот за угол — и вот вокзал. Вниз по скату к платформе, с другой ее стороны — правительственный вагон, пустой.

Поезд трогается.

— Не бойтесь, дотторе Луиджи Молния не подведет!

Трубно хохоча, крутя одной рукой могучие усы, бесстрашный водитель бросил свою кроваво-красную машину прямо на платформу; путевые чиновники и провожающие брызнули в стороны; обгоняя поезд, машина летела вдоль него, все ближе, чуть сбавила ход; когда от колес до края платформы оставались какие-то дюймы, уравнивала скорость со скоростью поезда и пошла так вплотную к открытой двери вагона.

— Не угодно ли вам перейти, синьор, конец платформы приближается быстро.

Во мгновение ока Гас вскочил на сиденье, перешагнул на округлый капот гоночной машины и, опираясь

одной рукой о голову водителя, протянул другую навстречу руке, тянущейся к нему из вагона; вцепился, прыгнул и, оглянувшись, с ужасом увидел, как водитель ударил по тормозам, машину занесло, закрутило и швырнуло на фонарный столб в конце платформы. Но сам водитель на прощанье махал рукой и что-то радостно кричал из дымящихся обломков.

— Сюда, сэр,— сказал проводник хладнокровно.— Место для вас забронировано.

II

Отметка 200

Зеленая Англия проносилась мимо: поля и ручьи, в стремительном беге сливающиеся в одно пестрое одеяло; голубые реки, мелькающие внизу под колесами; черные мосты и серокаменные домики деревушек, сбившиеся в кучи вокруг островерхих церквей — все было в движении, все летело и пропадало вместе с толпами приветственно машущих людей в полях, с лающими собаками, с лошадьми, встающими на дыбы... Словно бы вся страна разворачивалась, стараясь развлечь счастливых пассажиров могучего поезда в этот знаменательный день, ибо столь ровным был путь, что едущим на «Летучем Корнуолльце» казалось, будто сами они неподвижны, а это Англия бежит перед их глазами, чтобы показать им себя.

Они и впрямь были горсткой благословенных — те, кому посчастливилось оказаться на «Корнуолльце» в день его первого торжественного пробега — по туннелю, без остановок — от Лондона до Отметки 200, искусственного острова далеко в Атлантическом океане, к западу от Ирландии и более чем в ста милях от ближайшего побережья. Присутствовала сама королева, и принц Филипп, и принц Уэльский вернулся специальным поездом из Москвы, где был с

официальным визитом, и тоже участвовал в поездке. Попал сюда и кое-кто из знати и из известных имен, но таких было меньше, чем, скажем, бывает на Дерби* или на каком-нибудь модном приеме — ведь это был день нации, день триумфа технологии, и потому членов Королевской Академии оказалось больше, чем членов Палаты Лордов. Здесь были директора компании и наиболее крупные из финансистов, поддерживающих компанию, и даже известная актриса, чье присутствие объяснялось ее связью с одним из финансовых воротил. И, конечно, было шампанское, много шампанского — бутылки, ящики — о Боже! — целая холодильная камера; компания Трансатлантического туннеля сделала щедрый жест, закупив почти весь запас знаменитого урожая 1965 года из подвалов малоизвестного, но в высшей степени аристократического замка. Это жидкое золото благодатной рекой текло по коридорам и апартаментам; бокалы сновали вверх-вниз и опять вверх, и звучали, не умолкая, тосты — за славу этой минуты, за превосходство британской инженерной мысли, за силу фунта, за несокрушимость Империи, за мир во всем мире, за величие дня...

В поезде присутствовали также и печально униженные в правах работники прессы, весьма немногочисленные вследствие недостатка мест, но буквально раздувающиеся от сознания собственной необходимости — ведь им надлежало поведать о великом событии всему мировому сообществу. Какой-то оператор снимал буквально все без разбору, чтобы мир мог тут же увидеть эту неразбериху на экранах своих телевизоров — хотя, разумеется, зрители

* В Англии — главные скачки сезона для четырехлетних рысаков. Организованы впервые в 1778 году лордом Дерби.

Би-Би-Си должны были увидеть все первыми; газетам мира надлежало удовлетвориться тем, чем снабжал их джентльмен из «Рейтер», но с французами дело обстояло иначе, им суждено было читать то, что писал низкорослый темноволосый джентльмен, которого, правда его более грузные англо-саксонские коллеги так и норовили оттеснить за свои спины,— он попал на поезд благодаря взятке, и из-за нее в Трансатлантической компании еще предстояло скатиться по крайней мере одной голове. Конечно, был здесь и джентльмен из «Таймс», много сил положивший на то, чтобы добиться благосклонного внимания громовержца с площади Печатного Двора, и представители прочих ведущих изданий, среди которых, преодолев сильное сопротивление посредством постоянных напоминаний, что это вам не какой-нибудь, а *Трансатлантический* туннель, маячила квадратноплечая машина человека из «Нью-Йорк таймс».

Все они хотели беседовать с Вашингтоном немедленно, ибо среди пассажиров поезда он был самым лакомым кусочком для читателей всего мира; и понятно — еще не унялась дрожь после того, как читатели с замиранием сердца следили за перипетиями его путешествия. Теперь, когда до финиша оставался лишь один шаг, несколько часов и не более, они требовали, чтобы он описал все предшествующие этапы вплоть до мельчайших подробностей. Неторопливо потягивая шампанское, он отвечал, особо расцветчивая моменты, от которых кровь леденела в жилах — вертолет, ракета, безумная гонка к Лондону, прибытие в последний миг. В ответ ему рассказали, что водитель Ламбретта отделался синяками, ни о чем не жалеет и весьма воодушевлен тем, что одно из самых популярных ежедневных изданий на

корню купило его описание гонки за сумму, обозначенную пятизначным числом. Гаса допрашивали с пристрастием о каждом футе дороги в Пензанс, и спасло его лишь то, что журналистам приспело время сдавать свои репортажи редакциям. Поскольку они могли полностью перекрыть все телефонные и телеграфные линии поезда, журналистам ими пользоваться запретили — лишь джентльмен из «Таймс» получил разрешение передать один коротенький репортаж; поэтому были сделаны специальные приготовления для снятия с поезда в Пензансе репортерской добычи. Гигантский брезентовый мешок с броской наклейкой «Пресса» стремительно был заполнен отчетами и репортажами, жестянку с киноплёнкой уложили сверху. Был предпринят и ряд других остроумных мер, так что газетчики разошлись, чтобы продолжить работу. Скоростные автомобили с флажками определенных цветов дожидались в заранее оговоренных местах в полной готовности подобрать сброшенные контейнеры; какой-то мотоциклист на гоночном мотоцикле целый участок дороги мчался бок о бок с поездом — пассажиры видели, как он закончил свою гонку в пруду, продолжая сжимать кольцо схваченного им тюка; и не один оборудованный сетью быстроходный катер дожидался в водах, которые поезду предстояло пересечь.

Освободившись на какое-то время от интервьюеров, Гас добрался-таки до купе с отведенным ему местом и там принял поздравления от соседей, сдобренные очередным бокалом шампанского. Но тут ему удалось отделаться от внимания публики — поезд замедлил ход, проезжая Пензанс, где многотысячные толпы ожидающих приветствовали его буйными криками, размахивая британскими флагами с таким воодушевлением, что те напоминали мечущихся ярких

птиц. Мешок «Пресса» сбросили на платформу, и поезд, вновь набирая ход, помчался через город к черной пасти туннеля, мимо подъездных путей, на которых, пропуская его, стояли битком набитые людьми другие поезда — и люди все, как один, провожали взглядами этот праздничный пробег. Все быстрее и быстрее летел «Корнуоллец», чтобы наконец с ревом нырнуть в темное отверстие; женщины возбужденно завизжали, когда внезапно настала ночь. Гас, неоднократно бывавший в туннеле, закрыл глаза, едва они расстались с поверхностью, и к тому времени, когда все пресытились удовольствием вглядываться туда, где смотреть было совершенно не на что, и отодвинулись от окон, он сладко и шумно спал. Понимая, как он устал после только что завершеного вояжа, все понизили голоса, так что он спал сном праведника; его разбудили, лишь когда поступило сообщение, что до прибытия к Отметке 200 осталось десять минут.

Волнение переполняло путешественников, заставляя их трепетать как под ударами электрического тока; даже самые скептические и приземленные натуры были охвачены им — напряженно вглядываясь в темноту, вставая и вновь садясь, они, как и все остальные, обнаруживали тот самый восторг, над которым обычно посмеивались. Все медленнее двигался гигантский поезд, пока где-то впереди не появился тусклый свет — и вот, пугающе внезапно, ударило сверкание солнца: они выехали из туннеля наружу. Через пустое депо, неспешно прогрохотав по стрелкам, поезд подполз к станции, где ожидавший его оркестр разразился милейшей мелодией «Туннель через глубины»; эта песня специально была заказана сэру Брюсу Монтгомери к сегодняшнему событию, и сейчас исполнялась впервые. Широкой, чистой и

просторной была эта станция, и казалась безжизненной, пока пассажиры не высыпали из поезда, охая и ахая по поводу всего, на что ни падал их взгляд. Высокий потолок станции был целиком смонтирован из больших стеклянных панелей, сквозь которые виднелось голубое небо и парящие чайки. Потолок удерживали стальные колонны, покрытые белой эмалью и украшенные на сочленениях и капителях стальными изображениями рыб, кальмаров и китов, хитроумно вплавленными в тело самих опор. Эти фигуры были исполнены в голубом; сочетание белого и голубого соблюдалось по всему громадному помещению станции, придавая ей воздушность и легкость, неожиданные при ее громадных размерах.

Пассажиры почтительно отступили, освобождая место для красной ковровой дорожки; принесенный ковер расстелили — и с поезда, в окружении свиты, сошла королева. Фотографы запыхали вспышками своих аппаратов; когда они отошли, их сменили другие.

Никто, сколь бы он ни был суров в поведении, сколь бы ни скупился на проявления чувств, не мог не испытать замешательства и не задохнуться от восторга, выходя из здания станции между алебастровыми колоннами, поддерживавшими портик. Ибо здесь открывался вид, от которого поистине перехватывало дыхание, вид, подобного которому еще не знал мир. Широкая белая лестница сбегала к променаду, который переливался и сверкал многоцветной роскошью мозаичного покрытия; дуги, волны, извивающиеся ленты самых разных оттенков несколько напоминали променады над заливом Копакабана, который, несомненно, оказал немалое влияние на дизайн Отметки 200. Дальше расстилались поросшие самой нарядной, самой зеленой травой холмистые

луга, полого спускавшиеся к темной синеве океана, которую сейчас слегка нарушали накатывавшие на берег невысокие пенные волны. Никакой мусор, никакие отбросы не оскверняли чистоты океана в такой дали от берегов, ни малейших признаков земли не было видно до самого горизонта, куда ни глянь — только белокрылые яхты легко скользили по поверхности вод, скрадывая чувство пустоты. Стоило одному из посетителей спуститься по ступеням, как многие пожелали сделать то же, ведь променад шел по всему берегу нового острова, и с каждым шагом взгляду открывались новые и новые невероятные картины.

Во-первых, огромный отель, вытянувший длинные боковые крылья в кипящий цветами сад и поднявший две симметричные башни с голубыми куполами высоко в небо. На террасе перед отелем оркестр наигрывал танцевальные мелодии, заманивая проезжающих к накрытым столам, где одетые в черное официанты стояли, готовые подать чай. И здесь, и на променаде все было пропитано атмосферой праздника, праздника, который затаил дыхание, сложил крылья и ждет. Все было приготовлено загодя, но никогда еще не использовалось, — и доставленное сюда морем, и созданное на месте ожидало, полное веры в то, что, стоит туннелю открыться, гости повалят на этот праздник гурьбой. Рестораны и танцевальные залы, скрытые за нарядными заведениями тропинки, ведущие к потешным ярмаркам, к каруселям, к колесам обозрения, к кегельбанам и публичным домам; любому что-то да приглянется. Еще дальше открывались гостеприимно сверкающие белопесчаные пляжи; вскоре появились и первые купальщики, нерешительно пробуящие воду и затем с радостно-изумленными восклицаниями бросающиеся в

нее — здесь, посреди Гольфстрима, вода была такой теплой и приятной для тела, какой она никогда не бывает в Брайтоне или Блэкпуле. За пляжами возвышались башни и замки Батлинова Лагеря Отдыха 200, нетерпеливо ждущего всех, кто заказал билеты; громкоговорители уже зазывали первых прибывших на пьянящие удовольствия совместных забав. И еще, и еще, пока взгляд не пресыщался разнообразием красок и развлечений. Дальше, уже на другой стороне острова, в берег далеко вдавалась маленькая закрытая бухта, здесь располагался яхт-клуб, и публика веселилась вовсю, лодки уже толклись на воде в этот знаменательный день, а еще дальше, возле увенчанного деревьями холма, променад кончался, упираясь в открытый амфитеатр, где вот-вот должна была быть разыграна греческая драма — идеальная постановка для столь пасторального окружения. Все радовало глаз, но так это и было спланировано, ведь холм закрывал другую часть острова, с парком машин, с ветками железнодорожных путей, с коммерческими доками. Отметка 200 и трансатлантический туннель предназначались для великих дел, и вкладчики слетелись сюда, к предлагаемым здесь великим соблазнам. Это поистине был чудесный день.

Вашингтон наслаждался прогулкой и разноцветной суматохой вокруг — точно так же, как владелец магазина из Хоува, или лорд, покинувший свой замок, неторопливо вышагивавшие по променаду среди столь причудливых видов. В конце концов он устал и направился к большому отелю «Трансатлантик-тауэрс», где для него был забронирован номер. Его чемодан, отправленный заранее еще несколько недель назад, был открыт, вещи распакованы, а стол ломился от цветов и поздравительных телеграмм. Он

прочитал несколько — и отложил в сторону, чувствуя некоторую расслабленность после яростного напряжения последних часов; отхлебнув шампанского из бутылки, заботливо предусмотренной устроителями, он прошел в ванную. Вскоре, освеженный и прибодрившийся, он оделся в тропический костюм из легчайшего шелка, более подходящий к здешнему климату, нежели его прежний, твидовый, и как раз когда он повязывал галстук, зазвонил телефон. Вынув его из выдвижного ящика стола, Гас положил микрофон перед собою, динамик прижал к уху и щелкнул маленьким переключателем, давая контакт. Знакомый голос Дригга, секретаря лорда Корнуоллиса, поздравив с успешным исходом путешествия, передал приглашение маркиза присоединиться к его отдыхающей на террасе компании в любое удобное для Вашингтона время.

— Я скоро буду, — ответил Гас и тем же переключателем дал отбой; вставив цветок в петлицу и допив оставшееся шампанское, он счел, что вполне подготовился к неожиданной встрече.

Это была маленькая группка элиты, собравшаяся на укрытом от чужих глаз и ушей балконе, нависшем над морем; она принимала послеобеденные солнечные ванны и блаженствовала под нежным бризом. Буфет, словно шеренгами солдат уставленный шеренгами бутылок — судя по численности, их тут было не меньше полка, — позволял пить, что душе угодно, не прибегая к услугам официантов, которые нарушали бы уединение. Если же внезапное чувство голода потревожило бы кого-нибудь из собравшихся, к его услугам была громадная стеклянная чаша белужьей икры с колотым льдом. Над буфетом исполненной величия картиной висела подробная карта Северной Атлантики с маршрутом будущего туннеля,

прочерченным на ней от руки; по временам то один, то другой из присутствующих кидал на нее взгляд, и это воодушевляющее зрелище, как правило, вызывало на его лице улыбку. Сэр Айсэмбард Брасси-Бранел сидел в распахнутом пиджаке, в наполовину расстегнутом жилете, что было для него из ряда вон выходящим смягчением требований к своему облику; время от времени он с наслаждением вдыхал несомые бризом ароматы и маленькими глоточками прихлебывал грушевый сидр «Перрье». Сидевший напротив него лорд Корнуоллис отдыхал посредством чуть более укрепляющего напитка — семизвездочного «Хэнесси» невообразимой выдержки, деля свое внимание между ним и ямайской сигарой впечатляющей длины и не менее впечатляющей толщины, оставлявшей белоснежный пепел. Сэр Уинтроп Рокфеллер считал час слишком ранним для столь спиртоносных напитков, и поэтому просто прихлебывал из бокала кларет, бутылка с которым стояла от него чуть сзади, но тем не менее всегда под рукой. Все трое мужчин были совершенно спокойны и почти целиком отдались легкой беседе, наслаждаясь отдыхом после хорошо сделанной работы перед тем, как обратить всю свою энергию на следующую часть этой работы, ожидающую их впереди. Поскольку все известия были благоприятны, им не приходилось анализировать какие-либо просчеты — это воистину был замечательный день.

Когда Огастин Вашингтон появился на балконе, все они одновременно встали, и рукопожатия, которыми они с ним обменялись, были знаком обоюдной признательности. Они поздравляли молодого инженера с благополучным завершением его путешествия, внесшего столь драматическую ноту в открытие новой эры туннельных сообщений; он же, в свою

очередь, благодарил финансистов за все, что они сделали, и старого инженера — за его труд, за его проект, благодаря которому, собственно говоря, строительство и стало возможным. Сэр Айсэмбард кивком ответил на эту дань уважения, прекрасно отдавая себе отчет в том, какая именно доля от этой дани принадлежит ему действительно по праву, и, когда все расселись, Гас принял от сэра Уинтропа бокал вина из его бутылки, собрался с мыслями, чтобы поговорить на тему, о которой давно размышлял.

— Вашингтон, мы достаточно давно отделились друг от друга. Наши личные разногласия не мешали нам делать все, на что мы способны, для блага компании, но теперь я чувствую, что с той поры утекло много воды, и пришло время оставить прошлое в прошлом. Присутствующий здесь Рокфеллер вновь является председателем американского правления, и я хочу при этих джентльменах заявить, что вы проделали блестящую работу в качестве главы американской части проекта.

Пригубив из бокала, он на несколько мгновений прервался — два других джентльмена успели с воодушевлением крикнуть: «Да!», «Так!» — а затем продолжил:

— Когда я неправ, я признаю это с готовностью. И теперь я признаю, что технология затопления заранее сформированных туннельных секций надежней, нежели принято считать, и, как вы это доказали, действительно обеспечивает более высокую скорость прокладки. Она была использована при завершении туннеля, по которому мы ехали сегодня, — это лучшее подтверждение вашей концепции. Я надеюсь, что в будущем мы сможем работать в более тесном контакте, и, в дополнение к вышесказанному, отныне вы в моем доме снова желанный гость.

Последняя порция информации так поразила Гаса, что он привскочил было со своего стула, затем опустился вновь, и легкая бледность покрыла его лицо, неопровержимо свидетельствуя о том, что эта нечаянная уступка правилам хорошего тона взволновала все его существо куда более, нежели самые жестокие опасности, пройденные им так недавно. Он, однако, выпил немного вина, и когда заговорил после этого, выглядел, как всегда, спокойным.

— Я принимаю ваши слова и ваше приглашение с глубочайшей благодарностью, сэр, поскольку, как вы должны были бы знать, я до сих пор считаю вас ведущим инженером и строителем нашего времени, и для меня всегда было счастьем работать под вашим руководством. Для меня будет также счастьем снова войти в ваш дом. Ваша дочь, я полагаю...

— С Айрис все в порядке, она сопровождает меня в этой поездке, и, я думаю, будет рада вам так же, как и я. Но вопросы подобного свойства я с нею не обсуждаю. Теперь о другом. Хотя нынче успех нам сопутствует, завтрашний день принесет, без сомнения, новые проблемы, и мы должны подготовиться к ним. Два участка туннеля, которые мы завершили сейчас, весьма важны, и, если цифры, те, что я видел, дают верный прогноз, они скоро начнут окупать себя сами. Отметка 200 быстро превратится в крупный и весьма современный порт, где направляемые в Англию грузы будут сгружаться с кораблей и транспортироваться дальше поездами, быстро и надежно, без использования вспомогательного транспорта в Ла-Манше и устарелого оборудования Лондонского порта. Я считаю, что сегодня мы были свидетелями ее успеха и в другом качестве — в качестве лечебного курорта и места отдыха. На другой стороне Атлантики станция Грэнд-бэнкс будет выполнять сходные

функции, к тому же рыболовецкие суда смогут выгружать там улов, чтобы ускорить перевозку свежей рыбы в колонии. Все это, конечно, очень хорошо, но мы должны двигать дело дальше и оправдать название компании. Мы должны пересечь Атлантику. Предварительные исследования закончены, отчеты представлены; мы должны подытожить их и перейти к делу.

Последовали возгласы одобрения; не он один горел желанием увидеть великий проект завершенным. Разумеется, следующим предметом обсуждения оказалось финансирование, и председатели расположенных на разных берегах океана советов директоров, вставая, по очереди рассказывали о состоянии находящихся в их распоряжении средств. В общем получалось, что и там, и там все здоровы, как щенки бульдога. Происходившее в последние годы улучшение экономического положения, причины которого без труда просматривались в деятельности, связанной с туннелем, принесло значительные доходы немалому числу лиц, и «горячие» деньги ждут теперь не дожудтся, чтобы их вложили. То, что согласные кивки не составили четырехугольника, не было замечено в порыве энтузиазма; казалось, ничто не стоит у компании на пути. Но Гас, угрюмо вертя в пальцах бокал, то коротко взглядывал на висевшую на стене карту, то опять начинал вглядываться в поверхность вина, как если бы некое важное открытие таилось в его глубине. Он выглядел как человек, ожесточенно борющийся с самим собой, — да так оно и было. Сегодня перед ним вновь открылась дверь, которая в течение долгих лет была для него заперта, и он мог чувствовать лишь искреннюю признательность. Но то, что он должен был сказать, могло, скорее всего, закрыть эту дверь снова — и все же он не мог уйти,

промолчав, ведь речь шла о научном факте, и он был вынужден о нем заявить. Так что сердце и рассудок бились сейчас в его душе, и, сколь бы беззвучной ни была эта битва, она могла оказаться более страшной и разрушительной, нежели любое столкновение, при котором летят снаряды и рвутся бомбы. Решившись, наконец, Гас распрямил спину, осушил бокал, в глубине которого пытался только что разглядеть свою судьбу, и стал дожидаться удобного случая заговорить. Случай не заставил себя ждать, ибо финансовые детали скоро были оговорены, и на первый план выдвинулось обсуждение технической стороны дела. Гас получил слово и подошел к карте, а там своим твердым пальцем прочеркнул предполагаемый маршрут туннеля.

— Джентльмены! Все вы понимаете, что самая долгая и самая сложная часть работы сейчас у нас впереди. Сэр Айсэмбард предложил основной тип движения по туннелю, и исследования подтвердили, что его гений не ошибся. Вакуумированные каналы с линейной электрической тягой поднимут перевозки на качественно новый уровень.

— Простите, что прерываю,— сказал Корнуоллис,— но я не вполне уверен, что понимаю, как все это действует. Я буду глубоко вам признателен, если вы постараетесь объяснить это так, чтобы я смог ухватить вашу мысль. Хотя я и в состоянии, как правило, находить дорогу в лабиринте мировой финансовой системы, должен признаться, что голова моя пухнет, как только я слышу об электронах и тому подобных вещах.

— Ерунда, Чарльз. Я тебе сорок раз объяснял, как действует эта чертова штука,— сравнительно мягко вмешался сэр Айсэмбард.— Давайте разбираться в делах более насущных.

— Пожалуйста, сначала разъяснение, если вы не против, — сказал сэр Уинтроп с оттенком благодарности в голосе. — Счастлив, что оказался не одинок в своем невежестве, а оно вызывает у меня некоторую озабоченность. Не сочтите за труд, Вашингтон.

Сэр Айсэмбард поник, ворча что-то по поводу возмутительной потери времени, и сделал безрассудно большой глоток своего напитка, так он был раздражен. Гас воспринял это, как разрешение, и начал объяснять.

— Теории, на основе которых сделано это предложение, весьма сложны, но нет никакой нужды в них углубляться, поскольку основные выводы уяснить очень легко. Представьте себе туннель в виде, если угодно, практически бесконечной, абсолютно твердой и непрерывной, безо всяких сочленений, трубы. В трубе воздух, его давление такое же, как в среднем у поверхности земли, то есть, что-то около пятнадцати фунтов на квадратный дюйм. Этот воздух нужен лишь для того, чтобы пассажирам в поездах было чем дышать; для пассажиров он имеет большое значение, но для конструкции туннеля — никакого. Эти несколько фунтов давления ничего не прибавляют к структурной способности стен туннеля противостоять колоссальному давлению океана снаружи, а с инженерной точки зрения они даже являются помехой, поскольку ограничивают, уменьшают скорость поездов. Уберите воздух — а это очень легко — и поезда пойдут быстрее, да к тому же с меньшими затратами энергии.

— Но люди, сэр, наши пассажиры — они же должны дышать!

— И будут дышать, поскольку поезда будут герметичны, и нормальное давление в них будет поддерживаться так же, как на высотных воздушных

судах. Зато, убрав воздух, мы сможем говорить о более высоких скоростях, чем любые из прежде доступных. Почему, собственно, наши поезда не могут делать восемьсот, девятьсот и даже тысячу миль в час?

— Таких скоростей не выдержат ни колеса, ни подшипники.

— Совершенно верно, сэр Уинтроп, но это-то и ведет нас дальше. Поезд вообще без колес. Такой поезд, в сущности, плавает в пространстве, поскольку мощные магниты, установленные на нем, отталкиваются от столь же мощных магнитов полотна. Все мы знаем, что один сильный магнит может удерживать другой в состоянии парения благодаря полю отталкивания; именно так наш поезд будет двигаться в вакуумированном туннеле. Но что обеспечит поступательное движение поезда? Здесь сэр Айсэмбард дает гениальный ответ. Поезд будет перемещаться посредством двигателя линейной тяги. Я не стану подробно объяснять это сложное изобретение, достаточно сказать, что здесь мы имеем дело как бы с вывернутым наизнанку электромотором, одна часть которого устанавливается на поезде, а другая растянута по всей длине туннеля, причем между этими двумя частями не требуется никакого механического взаимодействия. Вдобавок, значительная часть ускорения поезда будет вызываться процессом его скатывания с края континентального шельфа на три мили вниз, на абиссальную равнину океанического дна. Итак, джентльмены, вы имеете герметичный поезд в вакуумированной трубе, парящий среди нее, ничего, даже молекул воздуха, не касаясь; он начинает движение благодаря гравитации, а продолжает — благодаря электричеству. Это тип движения, столь же современный, сколь и концепция самого туннеля.

С облегченными вздохами финансисты принялись задавать вопросы, стараясь прояснить для себя некоторые детали, так что, когда Гас продолжил, маленькая аудитория слушала его внимательно и понимающе.

— Как было показано, у нас есть теперь и определившийся тип движения, который будет применяться в туннеле, и технология, с помощью которой будет осуществляться прокладка. Перед тем, как начнутся детальные обследования дна и собственно строительство, осталось сделать последний шаг — определить маршрут, по которому пойдет туннель. Поскольку ложе океана имеет сложное строение, к этому вопросу надлежит подойти с величайшей осторожностью, ведь дно Атлантики — не песчаная лагуна, которую можно проскочить по прямой. Нельзя! Мы имеем здесь разнообразный ландшафт, более сложный и изрезанный, нежели любой из известных нам на суше. Есть, конечно, абиссальные равнины, формирующие дно, они лежат в среднем на глубинах около шестнадцати тысяч футов под поверхностью океана, но во внимание следует принимать и другие характеристики. Посредине океана проходит Среднеатлантический хребет, грандиозная горная цепь, которая, в действительности, является двойной. Между двумя рядами гор, как ущелье, лежит рифтовая долина. Горные цепи и рифтовую долину под прямым углом пересекают мощные каньоны, называемые зонами разлома; они напоминают морщины на шкуре Земли. Нас касаются также такие неприятности, как каньоны, — например, Срединный каньон, напоминающий русло подводной реки, а также подводные горы, острова и желоба — то есть чудовищной глубины впадины, такие, как вот эта, здесь на карте, глубиной более пяти миль. Есть и другие

факторы, которые нужно учитывать — подводные землетрясения и вулканы, очаги которых, в основном, сосредоточены в определенных районах, высокая температура дна в окрестностях рифтовой долины, а также тот факт, что дно здесь находится в движении в связи с дрейфом материков, разносящим их в разные стороны примерно на два дюйма в год. Можно подозревать, и геологи это подозрение подтверждают, что в рифтовой долине поднимается вещество из глубины Земли, раздвигая ее края с этой постоянной скоростью. Все это — проблемы, джентльмены, но ни одна из этих проблем не является неразрешимой. Вы можете заметить, что предполагаемый маршрут, он нанесен на карту, обходит эти бесчисленные препятствия. Если мы начнем отсюда, от Отметки 200 на краю континентального шельфа, наш туннель пойдет, грубо говоря, на северо-северо-запад, вдоль разлома, который мы зовем 41-Джи. Он соединяет отроги Среднеатлантического хребта с продолжающим его хребтом Рейкьянес, расположенным к югу от Исландии. Таким образом, мы избегаем рискованного движения поперек рифтовой долины, которая до этих мест не доходит. Теперь далее на запад, мы покидаем зону разлома и поворачиваем на юг, идем по краю Срединного каньона и огибаем высоты подводной горы Милн, пока не достигаем Сомской абиссальной равнины. В этой точке туннель поворачивает почти строго на север, чтобы подняться на возвышенность Лаврентия и соединиться с туннелем, уже проложенным на шельфе до станции Грэнд-бэнкс. Нужно сказать теперь, что этот маршрут имеет несколько недостатков.

Оттуда, где сидел сэр Айсэмбард, послышалось неразборчивое ворчание, словно отдаленный шторм; Гас, решив не обращать внимания, продолжал:

— Поскольку ложе океана в зонах разлома нагрето, нам придется укладывать специально сконструированные секции непосредственно на само это ложе, а не в выемки, и сконструировать их придется так, чтобы обеспечить циркуляцию воды и в их внутренних полостях с целью охлаждения. Однако главной бедой, возможно, является то, что, стремясь обойти все геоморфологические препятствия, мы будем делать туннель вдвое длиннее, а значит, и вдвое дороже того, каким он был бы, если бы шел напрямик.

— Боже милостивый! — взорвался сэр Айсэмбард. — Мы уже разбирались с этим, вы ведь знаете, что мы не можем идти прямо через этот окаянный океан. Так что же вы предлагаете?

В полной тишине Гас вынул из кармана лист бумаги и развернул; крики чаек доносились из поднебесья, и звуки играющего оркестра слышались где-то вдали — но на балконе никто не проронил ни звука.

— Вот что я предлагаю, — с непоколебимой уверенностью сказал Гас. — И намереваюсь показать вам, как. Я предлагаю, чтобы туннель от Отметки 200 пошел не на север, а строго на юг, по плоскому ложу Бискайской абиссальной равнины, к базе на Азорском архипелаге, где он встретится с другой веткой туннеля, протянутой почти строго на восток от Грэнд-бэнкс вдоль через зону разломов. Этот путь более чем вдвое короче того, который мы сейчас рассмотрели, и, вдобавок, принесет дополнительные выгоды. Грузы можно доставлять на Азорскую базу, а уже оттуда корабли перевезут их в Африку или на континент, это значительно сократит время транспортировки. Плюс тот факт, что со временем может быть рассмотрена возможность постройки еще одной

ветки туннеля, от Азорских островов до Испании, так мы напрямую свяжем железнодорожной линией континент с обеими Америками. Если это будет сделано, результаты окажутся замечательными. Для пассажира тогда станет возможным сесть на поезд в тихоокеанском порту Провиденция, что в конце Транссибирской магистрали, и затем поездом проехать через Сибирь, Россию, Европу, под Атлантикой, через Америку и, по Трансканадской магистрали, до Аляски, закончив свое путешествие опять-таки на берегу Тихого океана. То есть преодолев по меньшей мере девяносто девять процентов окружности Земли.

Тут уж нетерпеливое желание выяснить побольше об этой новой идее прорвалось наружу; финансисты наперебой выкрикивали вопросы, пока сэр Айсэмбард ударом кулака по столу не призвал к тишине.

— Мечта безумца, и ничего более. Может, она и была бы осуществимой, если бы не Среднеатлантический хребет с рифтовой долиной, которая, насколько мне известно, в этой точке, по крайней мере, шириной в милю и в несколько миль глубиной. Ее невозможно пересечь. Этот план нужно сразу отбросить.

— Не совсем так. Долину можно пересечь, и у меня есть план, как это сделать. Мы пересечем ее, джентльмены, с помощью подводного моста.

В наступившей тишине презрительный смешок Айсэмбарда прозвучал как взрыв.

— Бессмыслица, сэр! Бессмыслица и чушь! Невозможно на этой глубине построить мост — в милю длиной! — который выдержит вес туннельных секций!

— Вы правы, сэр, нельзя. Но лишь потому, что такой мост имел бы отрицательную плавучесть, как и наши секции, пока они тянут вниз. Поэтому мост

будет плавать над каньоном, а закрепим мы его мощными тросами.

На сей раз тишина была абсолютной на протяжении всего времени, пока Гас торопливо излагал слушателям этот план, объясняя, как будет устроен мост и как, благодаря своей плавучести, он будет компенсировать двухдюймовое смещение в год, и многие другие детали нового предложения. На каждый вопрос у Гаса был ответ, и вскоре стало ясно, что, если не выдумывать каких-то фантастических факторов, этот план во всех отношениях превосходит предшествующий. Задолго до того, как это стало ясно остальным, понял это сэр Айсэмбард; он отошел от стола и встал, сложив руки на груди и глядя на заходящее солнце. Когда остальные, иссякнув, умолкли, чтобы перевести дух, он повернулся и смерил Гаса взглядом более холодным, чем ледяное дыхание арктической ночи.

— Вы сделали это преднамеренно, Вашингтон. Преднамеренно разработали ваш план, чтобы унижить меня и, вдобавок, извлечь какую-то корысть.

— Нет, сэр! Даю вам слово...

— Нет сомнений, что будет принят ваш проект, или какой-то его вариант,— продолжал человек, у которого нет сомнений; от попытки Вашингтона вставить слово он просто отмахнулся.— Туннель пойдет к Азорам. Вы получите и репутацию, и деньги, я убежден. Коль скоро я ставлю благо туннеля выше своих личных амбиций, я буду продолжать работать, как делал это и в прошлом. Но к вам лично, сэр, у меня мало уважения. Пожалуйста, имейте в виду, что отныне вы не являетесь желанным гостем в моем доме.

Гас кивнул еще до того, как сэр Айсэмбард закончил; все это было predetermined.

— Я с самого начала знал, что так будет, — сказал он, и в этих простых словах прозвучала вся тяжесть невысказанных чувств. — Я не испытываю к вам ничего, кроме расположения, сэр, и никоим образом не хочу причинить вам боль. Я хочу, чтобы вы поверили: всегда я ставил благо туннеля выше, чем соображения личного успеха. Учитывая ваши слова, у меня не остается другого выхода, как только уйти в отставку со своего поста в компании Трансатлантического туннеля и прекратить работать для нее. Если мое участие является отрицательным фактором и мешает завершению великого дела — я отказываюсь от своего участия.

Его слова, хоть он и говорил очень тихо, оглушили присутствующих. Но сэр Айсэмбард пришел в себя уже через несколько секунд.

— Отставка принята. Вы свободны.

Такая развязка буквально парализовала обоих финансистов, так что Гас действительно встал со своего места и пошел к двери; лишь тогда лорд Корнуоллис смог заговорить.

— Вашингтон, минутку, пожалуйста. Мы не должны подходить односторонне... уж эти мне вопросы первенства... надо все обсудить... хоть разорви меня, если я знаю, что со всем этим делать! — с видимым усилием он попытался собрать свои скачущие мысли и найти какой-то компромисс хотя бы в последний момент. — Мы слышали ваше предложение и должны рассмотреть его, поскольку, сэр Айсэмбард, при всем к вам уважении, вы не можете говорить за всех членов обоих правлений, ни даже за меня или Уинтропа. Что бы я предложил... что я и в самом деле предлагаю, сэр, — так это, что мы здесь все обдумаем, и затем сообщим вам о нашем решении, каким бы оно ни было. Можете вы, капитан Вашингтон,

сказать, где вас найти, когда обсуждение закончится?

— Я буду у себя в номере.

— Очень хорошо. Мы встретимся, как только наш симпозиум принесет хоть какие-то плоды.

Гас вышел, дверь плотно закрылась за ним, прогремев замком и предвещая счастливый исход.

III

Нежданная встреча

Веселы и приветливы здесь были все — оживленно беседующие пары и группы со вкусом одетых людей, радостно окликающие друг друга друзья, посыльные, юрко протискивавшиеся сквозь толпу в вестибюле с записками и телеграммами, которые, несомненно, могли лишь радовать и ободрять; волна добрых чувств захлестывала людей и, конечно, она должна была выплеснуться наружу — через окна, через дорогу, неся повсюду улыбки и заставляя даже сидящих на баллюстраде чаек кричать от радости. И, тем не менее, этот океан добродушия бороздило одно мрачное судно — человек, от которого за десять шагов несло бедой, отвергнутый и одинокий виновник царящего здесь веселья; и теперь, в час своего триумфа, он был чужим среди всех, кто наслаждался плодами его трудов.

Вашингтон был настолько подавлен, что даже не сознавал этого; душа его оцепенела, он не чувствовал ничего. Он шагал размеренно и спокойно, с серьезным видом, который ни в малейшей степени не отражал всей бездны его отчаяния; туннель стал его жизнью, без туннеля он оказался пуст. Другой на его месте не удержался бы от жалости к себе — но Гас знал, что если бы довелось, он снова сделал бы то,

что сделал. Строить нужно наилучшим из возможных способов. Если спасение туннеля означает крушение его личной жизни — пусть она пойдет прахом. Погруженный в столь мрачные раздумья, он протолкался к площадке перед лифтом и стал ждать, когда откроются двери. Открылись они очень быстро, ведь лифт приводился в движение гидравлическим поршнем, уходящим в расположенный глубоко в земле цилиндр, — и Гас отступил в сторону, ибо единственным человеком, вышедшим из лифта прямо ему навстречу, лицом к лицу — о, подарок судьбы! о, божественная игра случая! — была та самая леди, о которой упоминали недавно, дочь сэра Айсэмбарда, Айрис.

— Айрис, — сказал он — и замолчал, не в силах больше выговорить ни слова, ибо глаза его затуманил золотой блеск, исходивший, казалось, от ее лица и ее изящного одеяния.

— Вы возмужали, Гас, — сказала она, глядя на него с присущей всем женщинам практичностью. — Хотя, должна сказать, легкая седина вам идет.

Но, сколь бы практичной она ни была, нельзя было не заметить, что, хотя голос ее оказался тверд, говорить она начала после какого-то внутреннего колебания. На этом разговор прервался; они стояли, просто глядя друг на друга, и наконец мальчик-лифтер, не выдержавший столь долгой паузы, позвал:

— Лифт идет вверх, ваша честь. На какой этаж вам угодно?

Тогда они отступили подальше, давая войти другим, и в этой человеческой круговерти они оставались вдвоем, словно посреди бушующего океана. Она была лучезарной, как прежде, и Гасу показалось даже, что она стала еще красивее, если такое возможно, обогатившись новым очарованием, приходящим к

женщине с возрастом. Его глаза сами собой скользнули по ее левой руке к ладони, к пальцам — но ищущий взгляд наткнулся лишь на лайку перчатки. Однако Айрис прекрасно поняла, что означал этот взгляд, и улыбнулась.

— Там нет кольца, Гас. Я по-прежнему тихонько живу с отцом.

— Мы с ним только что расстались, у нас был разговор. Вначале это был разговор друзей, а потом, боюсь, разговор врагов.

— Мой отец во всей красе.

— Как друг он удостоил меня приглашения снова бывать у вас в доме. Как враг...

— Это вы расскажете мне позднее, пока достаточно первого, — простая предусмотрительность подсказывала ей, что это мгновение, сколь бы коротким оно ни было, нужно остановить — и забыть о времени. То, что придет потом, придет скоро, но сейчас возможность побыть вдвоем, не нарушая этим светских условностей, была подарена ей, и нужно было пользоваться, пока она есть. — Нет ли здесь местечка, чтобы поговорить спокойно?

— Я знаю как раз такое, — ответил Гас, не зная ни одного, но, как и она, сознавая, что им предоставлена, быть может, единственная возможность, и хвататься за нее надо обеими руками. Извинившись, он на мгновение отошел и обратился к одному из служителей, стоявшему неподалеку; если деньги переходят из рук в руки, это всегда ускоряет дело, Гас убедился в этом в очередной раз, когда служитель, опустив монеты в карман, без проволочек проводил его и Айрис в уютный альков в дальнем конце обеденного зала, где официант, приняв их заказ, тут же исчез, чтобы выполнить его через какие-то секунды. На этот раз, в отличие от той, последней их встречи,

они не спрашивали чаю; Айрис за это время достигла совершеннолетия и, принадлежа к не так давно заявившей о себе расе эмансипированных женщин, которые не считали за грех пить на людях, заказала себе херес «Тео-пепе». Гасу же было необходимо, как минимум, двойное бренди.

— Ваше здоровье, Айрис.

— И ваше. Оно нуждается в добром слове больше моего, ведь вы обращаетесь с вашей жизнью самым бесцеремонным образом.

— Эта последняя поездка? Она была необходима, а риск — невелик.

— Но вполне достаточен для того, кто сидит в тиши лондонского дома, ждет сообщений и гадает, не окажется ли следующее последним.

— Вы все еще беспокоитесь обо мне?

— Я все еще люблю вас.

Эти слова прозвучали так сердечно, так искренне, что трещина, рассекшая их жизнь на ту и на эту, казалось, сомкнулась опять. Не было многолетней разлуки. Они не расставались никогда. Его рука нашла ее нетерпеливо ждущую руку и крепко стиснула под столом.

— Я никогда не переставал любить вас, ни на одно мгновение. Может быть, ожидание теперь подошло к концу? Я все еще храню ваше кольцо, вот здесь; я всегда надеялся, что настанет день, когда я смогу вам его вернуть.

— Сможете ли вы это сделать теперь же?

Его пожатие ослабло, рука подалась назад — и это лучше всяких слов сказало ей, что сейчас произойдет.

— Смогу, если вы порвете с вашим отцом.

— Те слова врага, о которых вы говорили. Думаю, сейчас вы должны мне их повторить, хотя я молила бы бога, чтобы их не слышать, — и она осушила свой

бокал; и щеки ее запылали от вина и нахлынувших чувств.

Гас, молча любуясь ею, не спешил говорить; он знал, что другой такой нет в целом мире, и знал, что никогда не полюбит другую.

— Я предложил некоторые изменения в проекте, которые улучшают и даже существенно меняют план вашего отца в отдельных его аспектах. По поводу этих изменений наши мнения разошлись. Он решил, и, возможно, решил справедливо, что моя попытка усовершенствовать его работу является личным выпадом. Оказав мне честь, пригласив в свой дом, он сразу взял свое приглашение назад. Вот как сейчас обстоят дела.

Не было силы в мире, способной вырвать у него признание в том, что, ко всему прочему, он подал в отставку — это было бы нечестной игрой на ее чувствах.

— Обстоят они очень некрасиво, должна сказать. Позвоните, чтобы принесли еще выпить. Не каждой девушке доводится видеть, как в считанные минуты мечты ее воскресают и вновь обращаются в прах.

Когда ей принесли херес, и она его слегка пригубила, Гас решился наконец задать вопрос, от ответа на который зависело все.

— Должны ли они обратиться в прах? Теперь вам уже больше, чем двадцать один, и вы принадлежите себе. Выйдете ли вы за меня несмотря на немилость вашего отца?

— Гас, милый, я бы сделала это, если бы могла. Но я должна остаться с ним.

— Но почему?! Можете вы назвать мне причины?

— Да, она одна, и я вам ее открою, вам это следует знать: я поступаю так не по недостатку любви к вам, но по долгу. Как вы знаете, моя мать умерла. Оба

брата мои — инженеры, вроде вас, они всегда далеко. У отца есть только я. То, что я скажу сейчас, сохраняется в глубочайшей тайне, знаем ее только я да врач, да несколько доверенных слуг. Отец мой нездоров. О, я знаю, он напускает важный вид, он бушует, он ведет себя, как вел всегда, но годы берут свое. У него был сердечный приступ, такой серьезный, что он много дней провел между жизнью и смертью. Теперь я должна заботиться о нем и делать все, чтобы его жизнь шла спокойно, ведь врач сказал, что второго приступа он не переживет, врач в этом почти уверен. Если я покину его, если пойду против его воли — я убью его так же наверняка, как если бы спустила курок.

Это было все. Несколько секунд они сидели молча, затем она поднялась, он тоже встал. Она нежно поцеловала его в щеку, он ответил ей так же — ласково и, вместе с тем, отчужденно; это все, что они могли позволить себе, чтобы чувства, которые они с трудом сдерживали, от большего не выплеснулись наружу. Они попрощались, и Айрис пошла прочь, а он провожал ее взглядом, пока она не пропала из глаз, скрывшись за позолоченными колоннами; затем он вновь сел и резко продолжил уничтожение бренди в бокале, и бренди его согрело — единственное тепло в мире холода; он заказал еще бокал, потом бутылку на стол, зачем официанту так часто бегать взад-вперед...

Но чем больше он пил, тем трезвее становился. Жидкость в бутылке стремительно исчезала, и исчезла-таки, обнажив дно, но волшебная целящая сила ее так и не оживила оцепеневшей души Гаса. Работа погибла, любимая ушла; осталось одно отчаяние. Так он сидел очень долго, пока не понял вдруг, что у плеча его стоит официант, протягивая ему

переносной телефонный аппарат, а механик подключает его к фиттингу, скрытому в стене.

— Вас просят на связь, капитан Вашингтон, — сказал официант.

Громкий, возбужденный голос Корнуоллиса донесся до Вашингтона.

— Вашингтон, это вы?! Наконец-то, мы уже несколько часов пытаемся связаться с вами!

— Да?

— Ну, пытались связаться с вами, я говорю. Мы тут хорошенько помучились, смею вас уверить; вы знаете сами, что сэр Айсэмбард — тяжелый человек. Но, в конце концов, он пошел на попятный. Он ставит туннель выше всего остального, как и все мы. И, надеюсь, как и вы, Вашингтон.

— Сэр!

— Конечно, вы скажете, что так и есть. В таком случае мы просим вас забрать назад свою отставку и продолжить работу с нами. Вы нужны нам, парень! Сэр Айсэмбард будет строить ветку от Отметки 200 к Азорам, наиболее простую, и предоставляет вам американский участок с этим мостом через рифтовую долину, будь он навеки проклят! Будете вы это делать? Остаетесь вы с нами?

Молчание затянулось; слышно было тревожное дыхание Корнуоллиса. Несмотря на выпитое бренди, Гас мгновенно протрезвел и, когда он ответил, голос его был тверд.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ШТОРМ

I

Ангра-ду-Эроижму

Далеко в море грохотал гром, словно огромные деревянные бочонки перекатывались по булыжной мостовой; зигзаги молний освещали гряды темных облаков зловещим светом, коротко высвечивая удивительные пейзажи с пылающими черными лугами в небесах, с адскими портьерами, несущимися над свинцовым морем. Первые крупные капли дождя опередили шторм и разбивались о камни причала, под порывами ветра сухо шелестели высокие пальмы, шеренгами выстроившиеся вдоль берега. Входящие в гавань буксиры торопливо сигналили друг другу, выплевывая белые клубы пара; людям на берегу было видно, как облачка беззвучно срываются с труб и жмутся к воде, а уж затем, спустя несколько долгих секунд, долетали печальные стоны гудков. У буксиров были причины торопиться — надвигающийся шторм уже вздыбливал валы, уже срывал длинные струи белой пены с их гребней. И все же им пришлось торопиться без спешки, потому что гигантская, напоминающая кита, туннельная секция, которую они волокли за собой, сопротивлялась всякому поспешному движению всей своей тысячетонной массой. Ее горбатая спина едва возвышалась над водой, и волны перекатывались через нее, придавая секции

вид какого-то серого, зловещего морского чудовища, всплывшего на поверхность. Со всеми предосторожностями, после еще более неистового обмена сигналами, ее завели, наконец, в безопасную гавань, отделенную волнорезами от штормового моря, и закрепили на дождавшихся там бухах.

С высокой террасы Управления Гас отлично видел гавань и мастерские, депо и машинные парки, подъездные пути и запасные пути, подъемные краны и строительные конструкции, судоподъемные механизмы и склады — сложный индустриальный мир, которым он управлял, где трудились под его началом тысячи людей. Теперь это была уже привычная картина, но она никогда не надоедала ему. Радио возле его локтя сообщило об успешном закреплении секции в тот самый момент, когда сам он увидел поднимающийся столб пара от долгого гудка, означавшего, что буксировка завершена и можно отцеплять тросы. Тогда он опустил свой мощный бинокль и потер усталые глаза, а затем окинул взглядом всю эту немолкающую возню внизу, всю эту суету, которая составляла его жизнь. Ритмично грохотали клепальные машины, металл бил о металл, визжали тросы выбивающихся из сил тягачей, посвистывали гудочки пыхтящих маневровых паровичков, снующих взад-вперед по рельсовому лабиринту и заталкивающих товарные вагоны на запасные пути, медленно кружили в воздухе стрелы кранов, поднимающих грузы из корабельных трюмов. Капли дождя били все ближе и ближе, и, наконец, упали на Гаса; сейчас он был благодарен им за их холодные прикосновения к его побронзовевшей коже, ибо прошедший день был жарким и напряженным. Хотя его рубашка с закатанными рукавами и широкие штаны были сшиты из тончайшей, цвета хаки, хлопковой саржи, все

равно жара до сих пор была невыносимой, так что дождь можно было только приветствовать. Гас даже сорвал свой тропический шлем и поднял лицо к тучам, капли приятно заплескались на его щеках, на лбу. Лишь когда небесный душ превратился в потоп, Гас укрылся в конторе Управления и взял полотенце, чтобы вытереться. Служащие конторы продолжали заниматься своими делами; исключение составил лишь Саппер Кукурузник, начальник смены, который тут же подошел к Гасу, неся целую охапку бумаг.

— Тут у меня все рабочие отчеты и графики работ всех бригад, дни и часы, пропуски по болезням, все. Это сожрет чертову уйму времени.

— Вынужден признать, что разделяю твою скудость энтузиазма — но то, что нужно сделать, нужно делать,— Гас бросил взгляд на бумаги и быстро решил: — Пусть посыльный отнесет это ко мне в отель и оставит на столе, я займусь ими вечером. Нью-Йорк озабочен ростом общих расходов, и вполне может оказаться, что секрет увеличения затрат именно здесь. Вечером я изучу все детально и посмотрю, нельзя ли выудить хоть крупицу смысла из этого статистического хлама. Дело в том, что я уйду до окончания смены, так что не буду путаться у вас под ногами.

— В таком климате строительство туннеля вызывает жажду. Чтобы сохранять форму, землекопам нужна прорва пива, вина, виски-красноглазки...

— С этим не приходится спорить. Ты знаешь, где я буду и что делать.

Стремительный шторм улетел, пока Гас пробирался задворками складов и сортировочных станций, и лишь последние капли изредка шелкали по его шлему. Здесьгодились бы его рабочие сапоги выше

колен — тяжелые грузовики страшно размесили грязь. Добравшись до Авенида Атлантика, широкой улицы, тянувшейся вдоль берега, Гас медленно пошел по ней, смешавшись с разношерстной толпой, заполнившей ее после дневной сиесты. Он любил это время дня и шествие так не похожих друг на друга людей, собравшихся сюда чуть ли не со всего света, ибо это его туннель превратил маленький сонный городок Ангра-ду-Эроижму на острове Терсейра в Азорах в суматошный, крикливый международный порт.

Конечно, здесь были свободные от работы землекопы с обеих сторон Атлантики, очень внушительные в своих шарфах, цветастых жилетах, высоких сапогах и громадных шляпах; они бесцеремонно проталкивались сквозь толпу и спуску никому не давали. Оливковые островитяне были теперь в заметном меньшинстве, но они не жалели об этом, потому что судьбой их отныне стало процветание — процветание, которого они не знали, пока извлекали из моря не жалованье строителей туннеля, а всего лишь рыбу. Прежде деньги попадали сюда лишь в обмен на ананасы и бананы, апельсины, табак и чай, которые вывозились на капризный мировой рынок. Теперь эти продукты повсю расхватывались здесь, так что ничего — или почти ничего — не приходилось грузить на корабли и транспортировать. Но землекопы отнюдь не были единственными потребителями местных товаров, ибо там, куда приходил туннель и где появлялись деньги из конвертов с жалованьем, сразу появлялись мужчины и — увы! — женщины, которые смотрели на эти деньги с вожделением и жаждали лишь одного: перекачать их как можно больше из кошельков честно работающих людей в свои нечестивые сумочки и бумажники. Здесь были професси-

ональные игроки, лощеные люди в черном, с аккуратными усиками, с холеными нерабочими пальцами — и всегда изготовленными к бою миниатюрными крупнокалиберными пистолетами, предназначенными для любого, кто стал бы опрометчиво оспаривать честность сдачи карт или броска костей. Были и ростовщики с наличностью всегда наготове — для тех, от кого можно ждать барыша; они ссужали под чудовищные проценты, триста-четырееста были обычным делом, так что библейские предписания против ростовщичества звучали здесь очень доходчиво. Появились и торговцы — но не торговцы с крепким, налаженным бизнесом, демонстрирующие свои товары любому и устанавливающие свои цены открыто — нет, темные личности со складными коробочками и вельветовыми чехольчиками в потайных карманах, предлагающие за смехотворные деньги кольца и часы, алмазы и рубины, намекая или нашептывая при этом, что вещи — лава, то есть, горячие, то есть, краденые; хотя разве только сумасшедший вор польстился бы на подобную дрянь, потому что кольца зеленели, часы переставали тикать, как только в них издыхала живность, алмазы и рубины, стоило им упасть, разлетались осколками стекла. И были здесь женщины, о да, несчастные ночные создания, которых предали, продали, поработили, загнали в ловушку и обрекли на жизнь в аду — но описывать такое невыносимо, да и чернила, которыми это будет написано, раскалились бы и выжгли прочь с бумаги слова, чтобы утонченный читатель никогда не узнал, каково жить им в том мире, каково ремесло, которому бедняжки отдаются с таким усердием.

Все они прогуливались сейчас по тротуарам, прогуливались и многие другие: мавританские торговцы, пришедшие на своих одномачтовых дау из Африки

и Иберии с грузами съестного — ведь несколько островов архипелага не могли прокормить такое количество людей, — меряли мостовую твердыми шагами, темнокожие, горбоносые, в белых бурнусах, с руками, лежащими на рукоятках их ужасных ножей, им было на что посмотреть в этом форпосте чуждых им христиан. Подчас мелькал сюртук делового человека, эта униформа любому придает вид инкогнито, и на взгляд никак нельзя отличить, приехал ли человек из Франции или Пруссии, России или Польши, Голландии или Дании; здесь заключалось много сделок. И еще, и еще — и все вливались в этот изменчивый и неизменный поток.

Гасу всегда нравилось смотреть на него, и, подойдя к любимому своему заведению «Эль Тампико», он завернул внутрь и сел за столик на террасе, положив руки на окружавшие ее тонкие латунные перильца, приветственно помахал владельцу, склонившемуся в поклоне, и улыбнулся официанту, который уже спешил к нему с охлажденной бутылкой «Вино де шейро», местного вина, приглянувшегося Гасу; оно обладало великолепным букетом, было ароматным и сладким — и вкусом, и запахом оно напоминало розы. Гас пригубил; ему было хорошо и спокойно. Работа шла споро, не на что было жаловаться. Он посмотрел на толпу, и тут уловил краем глаза, как кто-то, сидевший спиной к нему за соседним столиком, придвинулся ближе. То, что движение не было случайным, стало ясно, когда мужчина — а это был мужчина — тихо заговорил, не по-английски растягивая гласные, и слышать его мог лишь Вашингтон.

— Ваши землекопы — хорошие работники, мистайр Вашингтон, они работают очень много, им надо кушать очень много. Вы должны их ко-ормить, значит, вам надо мно-ого пищи, мно-ого денег. У

меня как ра-аз есть мно-ого тонн консервированной ветчины, такой хорошей, вы просто не поверите, но-о у меня в кармане есть образчик ва-ам на пробу.

Что-то влажное шлепнулось на стол, и Гас не мог не заметить внезапно возникшего на полотняной салфетке у его локтя ломтя мяса. Гас не обратил внимания ни на мясо, ни на его владельца, но тот настаивал:

— Посмотрите, как вкусно, славная моя балканская свининка, съе-ешьте, съе-ешьте, вам понравится. Эту ветчину я продам вам по особой цене, хорошей цене, а под столом есть для вас кое-какое вознаграждение, против золотишка-то вы не бу-удете возражать, ик!

Он завершил свою речь столь необычным образом, потому что за спиной у него неслышно возник Саппер Кукурузник и, без лишних слов ухватив его за шкурку и за седалище, вышвырнул на улицу; там сомнительный снабженец моментально скрылся. Кончиками пальцев Гас отправил мясо вслед за его хозяином, и оно тут же исчезло в пасти одного из длинноногих местных псов, болтавшихся по мостовой.

— Очередные несколько тонн бетона, нашпигованного песком? — спросил Саппер, все еще стоя, но уже наливая себе бокал вина за труды.

— На этот раз нет. Из того немногого, что я успел услышать, прежде чем ты прервал беседу, это либо краденая партия мяса, либо тухлая, либо что-то в этом роде. Прекратят они когда-нибудь или нет?

В ответ Саппер что-то односложно хрюкнул и скрылся из виду внутри кафе. Гас потягивал вино. Дельцы этого сорта никак не могли поверить, что Вашингтона нельзя подкупить; их жизненный опыт гласил, что все продается, просто у всего своя цена, что можно подобрать ключик к каждому, поэтому

они настойчиво продолжали подкапываться и под него. Давно прошли времена, когда Гас пытался обходиться с ними одними словами; теперь дело поставили так, что, когда он бывал среди посторонних, кто-нибудь из его людей постоянно находился неподалеку и определенное движение руки Гаса, вроде бы само по себе ничего не значащее, давало понять: неначавшаяся беседа должна быть немедленно прекращена. Через мгновение Гас уже забыл об этом эпизоде, настолько он был обычным, и выпил еще вина; тем временем наступил нежный тропический вечер. Освежившись и сбросив пар, Гас лениво побрел сквозь бурлившую по-прежнему толпу к отелю «Терра Ностра», где держал комнату; отель был лучшим на острове, но это вовсе не говорило об особой привередливости Гаса, отель был переполнен. Все отели и все рестораны были безобразно переполнены с тех пор, как сюда пришел туннель. Управляющий, любезно раскланявшись — Гас был из уважаемых клиентов, — передал ему оставленный посыльным пакет, и капитан поднялся к себе, чтобы сесть поработать с бумагами вплоть до столь любимого островитянами позднего обеда.

Открыв дверь, он убедился, что в комнате темно — значит, горничная опять забыла о его просьбе оставлять свет включенным. Это было обычным явлением и, недолго думая, он закрыл дверь, нащупал выключатель и нажал. Ничего не изменилось. Электричество опять отключили, подумал он; работавшая на угле местная электростанция была крайне ненадежна. Но ведь в вестибюле горели лампы. Недоумевая, он повернулся было обратно к двери, как вдруг ослепительный свет электрического фонаря ударил ему в глаза; Гас понял, что в комнате кто-то есть. И кем бы этот загадочный посетитель ни был, ясно, что он

здесь неспроста, это Гас сообразил сразу и пригнулся, чтобы броситься на того, кто держал фонарь. От броска его удержало тихое появление в луче света мужской руки, державшей никелированный, очень убедительный на вид револьвер.

— Вы пришли меня ограбить? — холодно спросил Гас.

— Не совсем,— ответил загадочный посетитель; то явно была речь американца.— Допустим, я хотел сначала посмотреть на вас, затем удостовериться, что вы один, и, наконец, пистолет, простите, был нужен для того, чтобы убедить вас не совершать в этой темной комнате ничего необдуманного — что вы, похоже, собирались сделать.

— Вот мой бумажник, берите его и уходите. Для вас в этой комнате больше нет ничего ценного.

— Благодарю вас, нет,— ответил голос из темноты, и в нем прозвучали веселые нотки.— Вы неправильно истолковали мое появление.

Послышалась какая-то возня там, где к выключателю подходили провода, хотя луч фонаря по-прежнему был направлен на Гаса. Наконец вспыхнул свет.

Ночной гость оказался мужчиной лет тридцати пяти, одетым так, как обычно одеваются за границей американские туристы: цветастая, украшенная бисером рубашка в индейском стиле, островерхая шапочка рыболова с зеленым пластиковым козырьком, усеянным значками и наклейками с названиями мест, где побывал ее владелец, шорты до колен и крепкие, подбитые крупными гвоздями ботинки. На шее висели камера и экспонометр, к поясу было прицеплено окаянное устройство, без которого добрый американский путешественник как без рук: днем и ночью оно читало лекции обо всем, что путешественник видел. Сейчас гость улыбался, и

поэтому лицо его выглядело приветливым, но чувствовалось, что обычно эти ледяные голубые глаза бывают неумолимы, широкая челюсть упряма, а острый с горбинкой нос со следами давнишнего перелома временами напоминает хищный клюв ястреба. Гас рассматривал гостя медленно, осторожно, стоя без движения под угрозой револьвера и ожидая подходящего момента, чтобы опрокинуть стол. Однако мгновением позже оказалось, что делать это совсем не обязательно, потому что незнакомец коснулся кнопки на висящем у пояса «говорильнике», у того отскочила крышка и открылось потайное отделение. В него гость уложил оружие, а оттуда вынул предмет, по размеру несколько меньший. Кожанный футляр щелкнул и закрылся вновь, а гость, по-прежнему улыбаясь, передал Гасу извлеченный из тайника металлический значок полицейского.

— Счастлив познакомиться с вами, капитан Вашингтон. Меня зовут Ричард Трейси*, я — управляющий нью-йоркской конторы Пинкертона. Мой значок у вас в руке, и мне поручено, чтобы окончательно удостоверить мою личность, передать вам вот эту записку.

Плотный конверт; на сургуче — оттиск печати сэра Уинтропа. Не похоже, что конверт вскрывали. Внутри — короткая записка, написанная Рокфеллером собственноручно, Гас сразу узнал почерк. Послание было лаконичным:

«Представляю вам Р.Треysi, эск., которого я нанял частным образом. Можете ему доверять абсолютно. У.Рокфеллер».

* Детектив Ричард (Дик) Треysi — персонаж серии комиксов, издававшихся в США в 40-50-х годах, один из популярных героев американской массовой культуры.

— Знаете ли вы содержание письма?

— Только суть — я провожу расследование, и знать об этом должны только вы. Сэр Уинтроп просил передать, что он нанял меня лично, на свои личные деньги, так что, кроме него, о моем существовании знаете только вы.

— Я полагаю, вы не откажетесь рассказать мне, в чем состоит ваше расследование?

— Как раз подходим к этому, сэр. Диверсии, конечно; более грязного бизнеса не придумаешь. Я могу сослаться на примеры, вам известные,— но тех, о которых вам не известно, гораздо больше.

— Скажем, загадочное исчезновение горючего в вертолете над Канадой?

— Совершенно верно. И перерезанный трос туннельной секции на завершающем участке у станции Грэнд-бэнкс, и обвалившийся ангар в депо, и много других. Здесь, на острове, я недавно, и веду расследование вглубь. Это сильная организация, активно противодействующая успешному завершению строительства. Им хорошо платят, они безжалостны и не остановятся ни перед чем.

— Но кто это делает, и для чего?

— Пока я могу только гадать, а гаданиями я предпочитаю не заниматься. Я человек фактов и только фактов. Возможно, мы все это скоро узнаем, поэтому сейчас я и обращаюсь к вам за помощью. Я и мои работники разбираемся тут уже несколько месяцев...

— Я ничего не знал!

— И не должны были. У меня отличные парни. Держу пари, вы видели некоторых в туннеле, я расставил их по самым разным местам. А сейчас на одного из них — зовут его Козлише, потому что он уродлив и упрям козлу под стать — вышли диверсанты, и он согласился им помочь. Вы должны подобрать

место для преднамеренной и впечатляющей диверсии, чтобы Козлище взяли на доверие. Когда я буду знать, кто они, мы наскочим и разом возьмем многих.

— Тут надо подумать, но я знаю, с кем можно проконсультироваться. Я поговорю с...

— Ни с кем, сэр, ни с кем, пожалуйста. Я слишком ценю свою жизнь.

— Что вы имеете в виду?

— Буду откровенен. В прошлом несколько раз уже прибегали к услугам детективов, но они либо проваливали работу, либо их находили погибшими при невыясненных обстоятельствах. Сэр Уинтроп считает, и я с ним согласен полностью, что внутри компании кто-то сотрудничает с диверсантами.

— Не может быть!

— Это так. Кто-то обладающий доступом к обширной специальной информации. Возможно, он даже не один. Пока мы не выясним, кто это, шансов у нас нет. Вот почему я зашел к вам в гости таким необычным образом. Никто, кроме вас и сэра Уинтропа, не знает о том, что я занимаюсь этим делом.

— Уверен, что могу сказать...

— Никому! Только так.

Они договорились. Никому. Договорились о системе паролей и способах общения, проработали план крупной диверсии. Когда с этим было покончено, секретный агент коснулся своего запястья и раздался щелчок; это открылся его опознавательный браслет, который, к тому же, оказался и аппаратом двусторонней радиосвязи. Трейси побеседовал с каким-то помощником, тот сказал, что за комнатой никто не следил. Успокоенный этим сообщением, ночной гость выключил свет и выскользнул за дверь, исчезнув так же неожиданно, как и появился.

Хотя Гас работал с бумагами допоздна и должен был бы все внимание отдать им, мысли его то и дело возвращались к таинственным диверсантам. Кто они — и кто внутри компании участвует в этом подлом заговоре?

Когда он все же лег отдохнуть, сон не шел. Мысли его смерчем крутились вокруг столь неожиданных известий; и тревога его не оставляла.

II

Заговор раскрыт

Ни один звук не осквернял молчания дня. Не слышно было ни слова, ни разу не ударил по металлу металл; ни стук шагов, ни гул мотора, никакой иной из обычно сопровождающих человека шумов не осмеливался нарушить удивительную тишину. Лишь плескались волны у мола и чайки кричали в небесах, но то были голоса природы — а люди и их машины замерли на всем громадном пространстве туннельных работ, ибо каждый, бросив все, вскарабкался куда-нибудь повыше, чтобы лучше видеть драму, которая разыгрывалась прямо перед глазами. С каждой стены, и крыши, и крана свешивались, как виноградные гроздья, люди — гроздья людей с наполненными горем глазами и потерявших дар речи перед лицом трагедии; они напряженно следили, как маленькая горбатая субмарина, взбивая за собою пенный след, на предельной скорости мчится к выходу из гавани. Лишь на самой верхней наблюдательной точке, в Управлении, были движение и звук — один человек, радист, шелкал переключателями, подкручивал кремальеры и говорил, говорил в судорожно стиснутый микрофон, не замечая, как крупные капли пота кажутся по его лбу и срываются вниз.

— Повторяю, это приказ капитана Вашингтона. Повторяю, немедленно покиньте судно. Поняли меня, «Наутилус», поняли меня?

Динамик у него над головой хрустнул и зашипел, а затем взревел невыносимо громкой от чрезмерного усиления речью:

— Разумеется, вы ж не Эйнштейн и не Фолкнер какой-нибудь, понять вас особых стараний не требуется. А вообще-то я слышу вас хорошо, будто вы сидите у меня на плече. Продолжаю идти по курсу.

Не то предсмертный выдох, не то вздох облегчения вырвался у слышавших это людей. Протолкавшись сквозь них и взяв у оператора микрофон, Гас переключил тумблер на передачу.

— Здесь Вашингтон — и это приказ, О'Тул. Немедленно заклиньте рычаги — и вон оттуда. Я пошлю катер подобрать вас. Все.

И снова воздух наполнился шипением и треском.

— Приказы существуют для того, чтобы их выполняли, капитан, но, прошу прощения, сэр, я думаю, что этого приказа я не услышу. Я тут раскрутил старину «Наута» на столько узлов, сколько ему и не снилось прежде в его спокойной ржавой жизни, сейчас он шпарит, как проклятый. Красный столбик по-прежнему лезет вверх, но мы будем уже далеко в море, когда он перевалит опасную черту.

— Можете вы заглушить реактор?

— Боюсь, сейчас мне придется ответить отрицательно, сэр. Когда я запустил силовую установку, стержни оказались поднятыми на всю длину, и я не могу запихнуть их обратно ни вручную, ни как иначе. Я ж не атомщик, мне было не сообразить, чем умаслить эту пакость, — и я подумал, что лучше всего будет слегка оттащить ее в море.

— Заклиньте рычаги и уходите...

— Немножко поздно, капитан, тут уже припекает, пошел разогрев кормы. И потом, рычаги можно закрепить, чтобы старина держался на курсе, но погружение так не отработаешь — а я как раз собираюсь нырнуть поглубже. Так глубоко, как только получится. Значит, конец связи. Под водой радио не работает...

Голос постепенно затихал. Затих. Микрофон со стуком выпал из руки Гаса. Далеко в море полыхнуло белое пятнышко пены там, где лодка ушла вниз. Потом океан стал пустынным.

— Вызовите его по сонарфону, — сказал Гас.

— Я пробовал, сэр — не отвечает. Не думаю, что он его включил.

Дальше — тишина. Полная тишина, ибо то, что произошло, уже было названо, и теперь каждый, кто здесь находился, знал, что делает этот один человек ради них всех. Щурясь от солнца, они смотрели в море, туда, где ушла в глубину субмарина, и ждали последнего акта драмы жизни и смерти, которая разыгрывалась у них на глазах; они не знали, чего, собственно, ждут, но понимали, чувствовали, что, хотя атомная энергия и не входит в круг их познаний, ее проявление будет заметным для всех.

Так и случилось. Далеко-далеко водная гладь внезапно дрогнула и закипела, и сам океан вздыбил горбатую спину, как если бы какой-то древний, чудовищный обитатель глубин пытался всплыть на поверхность, или, может быть, родился новый остров. Страшное кипение в океане все усиливалось, и тут до берега докатился могучий удар, который сбил людей с ног, раскачал подъемные краны, заставил оглушительно задребезжать лежавшие друг на друге стальные листы на каком-то складе. А океан выгибался все выше и выше, пока кипящая масса воды

не замерла на высоте нескольких сотен футов — и тогда, прежде чем она начала падать обратно, из самой ее сердцевины белой колонной вымахнула бешено крутящаяся спираль, она рвалась в небо, в самое небо, невообразимо высоко, вот она уже сравнялась с горной вершиной на соседнем острове Пикку... И тут она расцвела мерзким цветом, раскрываясь, словно адский цветок, до тех пор, пока белое облако, насквозь простреливаемое кровавыми вспышками, не утвердилось на вершине колосса, который его исторг. Так он стоял; отвратительный, странно красивый в своей чужеродности, самый ядовитый гриб под небесами, вскормленный смертью и сам — смерть.

Люди на берегу не в силах были отвести глаз от этого ужаса; забыв о человеке, который стоял позади них, все они, как один, обнажили головы и прижали свои шляпы, шлемы, кепки к груди, отдавая последнюю память храбрецу, который только что перестал жить.

— Сегодня больше не работаем,— внезапно прозвучал в тишине голос Гаса.— Сделайте объявление, и все могут идти.

В море затихающий ветер уже рассеивал облако и уносил его прочь. Гас бросил туда короткий взгляд, нахлобучил свой шлем и ушел. Ноги сами собой пошли по знакомому пути — к улице, затем к «Эль Тампико». Официант бросился за вином для него, принес, и с языка его уже готовы были сорваться вопросы о странном явлении, которое все недавно наблюдали, но Гас, отмахнувшись и от вина, и от вопросов, велел принести виски. Стоило бутылке появиться перед ним, он залпом осушил бокал, наполнил его снова и уставился в его глубину. Через несколько минут он поднес к голове руку в условном

жесте — охранявший его огромный индеец возник в дверях и подошел к нему.

— Тут некого брать за задницу, — сказал Саппер.

— Знаю. Давай, садись-ка и выпей.

— Красноглазка, отрава добрая, — он опрокинул бокал и удовлетворенно выдохнул. — Вот настоящая огненная вода.

— Выпей еще. И возьми бутылку себе про запас, если хочешь. Оставайся здесь и похлебай какое-то время — а за мной не ходи. Я зайду внутрь и уйду черным ходом.

Лицо индейца на миг недоуменно вытянулось, затем осветилось широкой улыбкой.

— Ага. Вот это, по-моему, хорошая идея. Как раз то, что сделал бы индеец. Снять женщину и забыть печали. Я подскажу вам отличный дом...

— Это замечательно, но я уже большой и сам о себе позабочусь. Сиди здесь.

Поднимаясь, Гас едва сдержал улыбку; если бы только Саппер знал, куда Гас идет. Не оглядываясь, он пересек обеденный зал и поднялся по лестнице, ведущей в комнаты отдыха. Оказавшись в темном коридоре, он остановился и прислушался, выясняя, действительно ли он здесь один. Убедившись, что за ним никто не идет, он быстро и тихо подошел к окну в конце коридора и толкнул раму; окно было не заперто, хорошо смазано и открылось беззвучно. Одним быстрым движением Гас вылез наружу; балансируя на карнизе, закрыл за собой окно и спрыгнул в темный переулок. Никто его не видел; лишь белые потрескавшиеся стены смотрели на него, да источали зловоние близкие помойные баки. В конце переулка, там, куда попадало солнце, проходили какие-то люди, но сюда никто не заглядывал; однако, для пущей уверенности, Гас подождал, пока они пройдут. Лишь

когда видимая часть улицы опустела, он, стараясь двигаться как можно тише, перебежал к зданию напротив; заглубленная в стену и поэтому со стороны почти незаметная дверь отворилась, стоило ему подойти, и сразу закрылась за его спиной.

— Сошло нормально? Вас не видели?

— Отлично, просто отлично. Саппер меня прикрывал.

Человек Пинкертон кивнул и провел Гаса в другую комнату, залитую ярким светом электрических ламп; ставни были закрыты, шторы опущены. На столе был радиоаппарат, перед ним сидел человек; когда Гас вошел, человек обернулся и встал.

— Честное слово, я чувствую себя духом умершего,— сказал О'Тул.

— Вы все сделали прекрасно.

— В душе я актер, сэр, но вы и сами не терялись. По временам мне и впрямь казалось, что я снова на старине «Науте» и вывожу его на шесть футов под килем, а он в натуре собирается меня придушить. Он был хорошим кораблем, жаль, что так кончил.

— Честная смерть. Куда лучше, чем идти на слом — а он одной ногой был уже там. Сальники начали течь, корпус дал трещины. Сейчас его гибель пошла на пользу доброму делу.

— Да, конечно, вы правы. Но меня беспокоит угроза радиации — о ней все время предупреждают эксплуатационные руководства.

— На этот раз беспокоиться не стоит. Метеорологи нас заверили, что господствующие ветры унесут облако мимо судоходных линий, а расщепляющиеся материалы в морской воде быстро рассеются и не причинят вреда.

— Такая предусмотрительность ободряет. Что ж, переходим к следующему номеру нашей программы.

Вы займетесь им сегодня вечером; ожидается крупное приключение, к тому же оно придаст хоть какой-то смысл кончине старины «Наута». Могу я пойти с вами?

— Нет! — сказал Трейси тоном приказа, а пальцы его едва не коснулись рукоятки револьвера, заткнутого за ремень брюк на животе и до этого момента прикрытого курткой. Еще один человек, тихо сидевший на стуле в углу, быстро вскочил, и тогда стало видно, что все это время он просидел с пистолетом в руке. Трейси жестом велел ему сесть снова.

— Спокойно, Пикеринг, он не пойдет. Капитан Вашингтон, когда я разрешил вам информировать о происходящем еще одно лицо, мы твердо договорились, что оно останется в этой комнате, пока все не встанет на свои места.

— И оно останется, Трейси, я дал вам слово, — Гас повернулся к водителю субмарины, который смотрел на них в полном недоумении. — Будет, как он сказал, О'Тул. Вы влезли в это дело вслепую, поверив мне на слово, что повредить вашу подлодку, увести ее в море, где она взорвется, и вдобавок по радио притвориться, что вы на борту, — это очень важно и очень секретно. Возможно, у вас есть какие-то догадки относительно того, что происходит, но, если даже и так, я прошу вас держать их при себе. Оставайтесь в этой комнате с Пикерингом, хотя бы ради вашей же безопасности. Мы схватились сейчас с отчаянными людьми и должны стать такими же отчаянными, как они; я твердо убежден, что эти двое скорее застрелят вас, чем позволят сегодня вечером выйти отсюда.

Оба агента кивнули, молчаливо подтверждая слова Вашингтона. О'Тул пожал плечами, подчиняясь.

— Пусть будет так, сэр. Я сегодня уже совершил один раз самоубийство, и у меня нет желания его повторять.

— Садитесь сюда, к свету,— сказал Трейси Гасу, когда вопрос был исчерпан и рукоятка револьвера убралась снова.— Никто не должен вас узнать, иначе игре конец.

Под его ловкими пальцами Вашингтон превращался в другого человека так быстро и неузнаваемо, что наблюдавший за этой метаморфозой О'Тул шепотом помянул имена одного-двух святых. Первым делом в кожу рук и лица была как следует втерта коричневая краска, потом за щеки вложены маленькие подушечки, несколько быстрых прикосновений черного карандаша обозначили морщины, потайные колечки вставлены в ноздри, которые сразу расширились и округлились, а увенчалось дело густыми черными усами на быстросохнущем клее и весьма гармонично их дополнившим париком. Когда Гас глянул в зеркало, у него даже дыхание перехватило — на него смотрел незнакомец, очевидно, принадлежащий к латинской расе, скорее всего, один из островитян, который ничем не напоминал человека, недавно севшего на этот стул. Пока он восхищался этим произведением искусства, Трейси занимался собственным лицом, обрабатывая его так же, как и лицо Гаса; завершил он это таинство, достав два костюма в узкую полоску, с широкими лацканами и накладными плечами, имевшие явно континентальный покрой, и черные остроносые туфли. Когда оба переоделись, О'Тул невольно присвистнул сквозь зубы.

— Ну, честное слово, я мог бы на улице пройти мимо и ни за что не узнал бы, не вру!

— Нам пора,— сказал Трейси, взглянув на часы; восхищение рулевого он воспринял бесстрастно, как

нормальное признание добросовестно выполненного дела.— К месту встречи придется идти кружным путем.

Пока они гримировались, совсем свечерело, так что боковые улочки и переулки, по которым предпочитал идти Трейси, были темнее дегтя. Но он, похоже, отлично знал географию этих трущоб, потому что безошибочно пришел к цели. Когда они остановились перед утопающей во тьме дверью, ничем не отличавшейся от сотен других, мимо которых они прошли, он наклонился к Гасу и прошептал:

— Это кровожадные люди и, наверняка, вооруженные. Есть второй револьвер — хотите?

— Нет, благодарю. Я человек мира, а не войны. Все это мне отвратительно.

— Необходимый инструмент, не более. Впрочем, я слышал, ваш правый боковой пользовался большим уважением в колледже и вас неоднократно зазывали на профессиональный ринг. Когда доходит до ближнего боя, против кулаков трудно что-нибудь возразить.

— Согласен и с удовольствием предвкушаю такую возможность. Теперь — ведите.

Дверь оказалась черным ходом одного из омерзительных питейных притонов, расположенных в районе порта; там был нависавший над главным залом балкон, где представители местной знати или те, кто старался под них подделываться, могли пить в относительном уединении, глядя на зловонное бурление жизни внизу. Заняли столик у перил; Трейси отмахнулся от двух черноглазых, размалеванных женщин, которые начали было бочком подбираться к ним. Официант принес бутылку лучшего вина, которое могло предложить это заведение, — водянистого, кислого шампанского по удивительно высокой цене; они

подняли бокалы к губам, не делая ни глотка. Говоря так тихо, чтобы лишь Гас мог его слышать, Трейси поверх бокала произнес:

— Он здесь. Столик у двери, человек, который пьет один. Сразу не оборачивайтесь — мы здесь не единственные наблюдатели.

Небрежно подпалив тощую, черную, опасную даже на вид сигару с обрезанным концом, которую передал ему Трейси, Вашингтон бросил спичку на грязный пол и рассеянно оглядел толпу внизу. Там пили, кричали, играли, ругались — отвратительное кипение жизни, где рядом в одном котле варилось местное хулиганье, землекопы, грубая матросня... Клоака. Наконец Гас позволил своим глазам скользнуть по одиноко сидящему за столом у двери — точно так же, как они скользили по остальным.

Некрасивый человек с застылым выражением угрюмости на лице. Агент Трейси, которого тот назвал Козлищем. Одет он был, как землекоп; работал в туннеле, в береговой его части. И, само собой, мог иметь доступ к субмарине, сразу пришло Гасу на ум. Его акция, если смотреть со стороны, увенчалась успехом, теперь он ждет платы, ждет встречи с другими гангстерами, поскольку своим дерзким поступком доказал свою ценность для них.

Именно в этот момент в неразберихе голосов внизу вдруг отчетливо и — для Гаса в особенности — отдельно от остальных прозвучал знакомый, похожий на бычий, рев, который Гас явно слышал много раз. С нарочитой рассеянностью, словно бы от нечего делать, он опять обвел взглядом толпу — и едва сохранил контроль над собой; ни одна черточка его лица не дрогнула от того, что он увидел внизу. Завершив ленивый осмотр происходящего в зале, он поднял бокал, и лишь когда лицо его оказалось прикрыто, сказал:

— Там внизу землекоп, Боевой Джек, мой начальник смены с английского туннеля. Если он меня узнает...

— Молите бога, чтобы не узнал, иначе мы пропа-
ли, а вся операция — сорвана. Я знал, что он при-
ехал сегодня с группой новых рабочих для англий-
ской ветки, но почему при таком обилии возможно-
стей выпить он предпочел это заведение всем другим?
Вот же не везет!

Вскоре им предстояло узнать как следует, что та-
кое не везет. С улицы донеслись хриплые вопли.
Дверь с треском распахнулась, и вошел Саппер Ку-
курузник, пьяный вдрызг. Бутылка, которую заказал
в начале вечера Вашингтон, была теперь пустой, но
Саппер продолжал сжимать ее горлышко. Видимо,
опасаясь, что кто-то мог не заметить его громкого
появления, он возвестил теперь о себе протяжным
воинственным кличем, от которого заплясали стака-
ны в баре.

— Я одним ударом могу положить любого, кто тут
есть! Я могу положить троих, если у вас кишка тонка
вставать поодиночке! Я могу положить шестерых,
если не...

— Эй ты, куча индейской трепотни!

Едва прозвучали эти слова, Саппер оцепенел, но
глаза его сузились, а голова медленно повернулась,
двигаясь с неотвратимостью вращающейся орудий-
ной башни; глаза напоминали спаренные орудия. Но
стоило Сапперу найти Джека взглядом, как тот встал.
На балконе над ними Гас подавил стон, когда Саппер
ответил:

— Островное брехло!

Он выглядел уже совершенно трезвым. Не успев
еще договорить, он резко ударил бутылкой о косяк
двери, и в руке его осталось отбитое горлышко.

Боевой Джек ногой отпихнул стул и открыто выступил вперед.

— Нужна битая бутылка, а, индеец? Боишься кулаков белого человека?

И он показал, что собой представляет один из них — поднял руку и сжал кулак размером с небольшую лопату. Раздался глухой стук — это Саппер отбросил горлышко и двинулся навстречу Джеку.

— Любой белый может шевелить кулаками, но может ли хоть один белый побороть кулак индейца?

В ответ раздался рев:

— Я могу все, что можешь ты, — только лучше!

Они затопали друг к другу, и от их шагов затряслось все здание; те, кто еще оставался между ними, бросились врассыпную. Ни один не остановился, пока не сошелся вплотную с противником — нос уперся в нос, глаза сверкали, зубы оскалились; они были будто два бизона, упершиеся морда в морду, или два локомотива на одной колее, бессильные освободить дорогу друг другу. По молчаливому согласию оба шагнули в сторону и уселись за только что освободившийся столик, смахнули на пол бутылки и стаканч, скинули куртки, с тупым стуком утвердили правые локти на покрытой трещинами деревянной поверхности, усаживаясь поудобнее. Глядя друг другу в глаза, они сцепили руки, стиснули пальцы и принялись сдавливать друг друга с силой, которой хватило бы, чтобы сломать дерево, но недостаточной, чтобы причинить хоть какой-то урон противнику. Тогда каждый из них начал что было мочи клонить руку другого на столик, чтобы костяшки пальцев коснулись поверхности, — это бы считалось победой. Весьма примитивная процедура, завершающаяся легко и быстро в большинстве случаев, когда более сильный или более решительный одолевает другого.

Но не на этот раз. Если когда-нибудь и встречались два равных по силе гиганта, то это были как раз они — ни один не уступал ни на волос. Мышцы их рук вспучились, словно застывшие натеки стали, сухожилия выступили из-под кожи, как металлическая проволока; мужчины выкладывались до конца. Они были друг другу ровня, даже уж слишком ровня, потому что ни один, даже на пределе возможностей, не мог взять верх над другим. Толпа во все глаза следила за этой битвой титанов и так замерла в благоговейном трепете, что, когда рубашка Боевого Джека лопнула у него на бицепсе, треск материи, как автоматная очередь, разорвал тишину. Секундой позже рубашка на вздувшемся плече Саппера взорвалась с таким же звуком, не выдержав напряжения. Они боролись, сцепившись в жестокой, мертвой хватке; ни один не собирался сдаваться, ни один не мог уступить победу.

С резким треском крышка стола раскололась от давления, и половины разлетелись по сторонам. Теперь, когда локти уже не имели опоры, мужчины медленно поднялись, все еще сомкнутые воедино, все еще напрягаясь с такой силой, какой, казалось, плоть и кость человека не могут противостоять.

Волна восхищенного шепота прошелестела по залу; сбившимся в кучу людям трудно было поверить, что все это происходит на самом деле. Потом гул и ропот стали расти, раздалось несколько подзадоривающих выкриков, и среди них — воинственный клич, долетевший со столика, занятого индейцами племени онондага. В ответ один из английских землекопов крикнул:

— Переломи его пополам, Боевой Джек!

К нему присоединились еще несколько. Но странно: крики эти оказали неожиданное воздействие на Саппера: не уступая, впрочем, и йоты, он глянул на

противника каким-то новым взглядом и с явным усилием, так сжаты были его челюсти, процедил:

— Ты... сменный начальник... Боевой Джек?

У Джека были те же затруднения с речью. И тем не менее он сумел выговорить:

— Да.

Эффект этого простого утверждения был, по меньшей мере, поразителен, ибо Саппер сразу перестал бороться. От неожиданности Боевой Джек потерял равновесие и, завалившись в сторону, крутанулся на месте, так что индеец получил возможность беспрепятственно хлопнуть англичанина по пронесшемуся мимо его груди плечу. Результат оказался именно таким, какого и следовало ожидать: английский начальник не склонен был отнестись снисходительно к подобному обращению; он закончил свой разворот, описав полный круг, и снова оказался лицом к лицу с противником — но уже со сжатыми кулаками, готовый разнести всё и вся. Но, прежде чем он успел броситься в атаку, индеец сказал:

— Ну, а я начальник смены по имени Саппер Кукурузник.

Боевой Джек уронил кулаки и распрямился, лицо его приобрело такой же изумленный вид, какой имело лицо его противника секундами раньше. Некоторое время они обалдело разглядывали друг друга, потом вдруг расплылись в улыбках, а мгновением позже уже смеялись, трясясь и мыча от хохота, — к полному недоумению зрителей, которые оказались поражены еще больше, когда оба здоровенных землекопа обняли друг друга за плечи и, подцепив по бутылке с ближайших столов, вышли на улицу, все еще смеясь и уже прихлебывая.

— Полагаю, вы сможете объяснить мне их поведение, — сказал человек Пинкертона.

— Разумеется,— ответил Гас.— Вы знаете, что Саппер мой сменный начальник здесь, а Боевой Джек был моим сменным начальником на английском участке туннеля. Каждый из них слышал о другом, знает о нем много хорошего и знает также, что оба они — мои близкие друзья, а для землекопов это значит, что они тоже товарищи. Так что, видите, у них нет никаких причин драться, но зато масса причин вместе выпить, чем, я уверен, они сейчас и занялись.

Закончив, Гас оглянулся на тот столик, где сидел Козлище, о котором он на какое-то время совсем забыл,— и едва сумел скрыть потрясение.

— Он ушел. Пока мы смотрели на других — он ушел!

Их миссия была под угрозой; они отвлеклись и упустили шанс схватить саботажников. Поняв это, Гас совершенно растерялся, но Трейси, казалось, сохранял холодное равнодушие. Он достал часы, большую карманную «луковицу», и глянул на циферблат.

— Пока *вы* смотрели на других,— надавив на «вы», отчужденно сказал он.— Я стреляный воробей, и сбить меня с толку не так легко. Пока тут все с ума сходили, связной улучил минутку и сделал Козлищу знак, после чего оба ушли.

— Вам следовало сказать мне. Теперь мы никогда их не найдем.

— Как раз наоборот, все идет по плану. Я ведь говорил вам, что тут и у противника есть наблюдатели, и если бы мы ушли сразу следом, это было бы замечено и могли бы возникнуть неприятности. Но, поскольку этого не случилось, мы можем теперь расплатиться за помои, которые пили,— с этими словами он бросил на стол несколько монет,— и идти, раз

уж публика успокоилась. За нами никто не пойдет, — он еще раз посмотрел на часы, прежде чем положить их в карман, и поднялся.

Гас поднялся следом, изумляясь спокойствию своего спутника перед лицом очевидной катастрофы, и последовал за ним по влажному переходу вниз, снова на улицу. Они вышли на центральный проспект, и Трейси повернул к берегу.

— Не буду больше держать вас в неведении, Вашингтон, — сказал он. — В вашей работе есть свои технические тонкости, но и в нашей тоже. У агента, Козлища, в правом ботинке скрыто одно устройство, точнее, оно вмонтировано в подметку башмака, и при обычном обыске его не обнаружишь. Когда с агентом вышли на связь, Козлище определенным образом нажал на подметку пяткой. При этом сломалась чувствительная мембрана в капсуле, после чего из одной части капсулы в другую перетекла кислота и активировала ее, превратив в мощную батарею. Полученный таким образом ток поступил в сильный компактный генератор радиоволн, тоже спрятанный в подметке, а его сигнал пошел по проводу, вплетенному в шов брюк, к антенне в ремне, которая начала излучать мощные позывные на коротких волнах. Вы видели, я смотрел на часы?

— Разумеется, и удивился вашему внезапному интересу к точному времени.

— Совсем не ко времени. В часах укрыт миниатюрный приемник, пеленгатор, настроенный на позывные Козлища. Посмотрите сами.

Он извлек часы и положил на ладонь; ближайший газовый фонарь давал достаточно света, чтобы разглядеть циферблат. Когда Трейси нажал кнопку завода, часовая стрелка слабо засветилась и повернулась, указав на ведущую к морю улицу; затем, когда

Трейси отпустил кнопку, стрелка вернулась в положение, обозначающее время.

— Остроумно, согласитесь. Они впереди нас, так что идемте дальше. Нам их не видно, и это очень хорошо, значит, и им нас не видно, и они не встревожатся. Радио укажет дорогу.

Пока улица была хорошо освещена и полна людей, они с ленцой прогуливались, как бы сродни толпе. Но когда проспект закончился тупиком у темных доков, они развернулись, словно здесь и завершилась их прогулка, и пошли обратно по той же дороге. У первого поворота они ненадолго остановились, беседуя — просто люди, вышедшие пройтись; в это время Трейси постарался убедиться, что за ними не следят. Решив, что все в порядке, он отступил в тень на перекрестке и потянул Гаса за собой.

— Они где-то на берегу, пеленгатор указывает туда. Мы будем идти параллельно гавани, пока не выясним точнее.

И они пошли, то и дело спотыкаясь на заваленной мусором мостовой, распугивая кошек и крыс, совершающих свои ночные турне, пока Трейси не остановился вновь на очередном перекрестке, вглядываясь в шкалу пеленгатора.

— Очень интересно. Теперь она показывает только назад, туда, откуда мы пришли. Вашингтон, вы инженер и топограф, у вас на все эти вещи наметанный глаз. Засеките направление здесь, относительно этой улицы, затем мы пройдем немного назад, до следующей, и там сделаем другую засечку. Можете вы это сделать и определить, где они?

— Это мое ремесло, — уверенно сказал Гас, мельком покосившись на крохотную стрелку.

Повторив этот обряд в другом месте, Гас задумался на мгновение, а затем повел агента Пинкертона вперед

к месту, откуда хорошо были видны темные причалы и корабли за ними. Без колебаний он показал пальцем:

— Они там.

— На корабле? Вы уверены?

— Недавно вы сказали, что там, где дело касается вашей работы, вас с толку не сбить. То же я могу сказать и о себе.

— В таком случае я принимаю вашу информацию без колебаний. Можно начинать последний акт.

Треysi отступил на несколько ярдов в том направлении, откуда они пришли, поднес к губам свисток и с силой в него дунул. Гас несколько удивился, потому что никакого звука не последовало — только едва слышно фукнул воздух, вырвавшись из свистка. Треysi заметил его недоумение и улыбнулся.

— Ультразвук. Для человеческого уха частота этих колебаний слишком велика — но они и не предназначены для человеческого уха. Можете убедиться.

Возникли два человека, первый вел на поводке небольшую собаку. Наклонившись, Треysi потрепал ее по загривку и пояснил:

— Она приучена идти на этот звук. А эти двое — мои люди, они следили за нами и ждали, когда я дам сигнал.

— Я и понятия не имел, что они здесь.

— Это профессионалы.

Треysi отдал несколько коротких распоряжений, затем вместе с Гасом вновь двинулся вперед.

— Мои парни окружают и блокируют территорию, но вести должен я. Вам не обязательно идти со мной...

— Я пойду с вами.

— Хорошо. Я надеялся, что так и будет. Вы мне можете понадобиться, когда эта маленькая драма закончится и занавес упадет.

Треysi пошел первым, беззвучно, как кошка. Гас следовал за ним в нескольких ярдах позади. Они держались поближе к стенам, в темноте подбираясь к кораблю — туда, где одна-единственная маленькая лампа бросала с палубы жидкий свет на выдавшие виды сходни. На мгновение Треysi остановился, глядя на корабль, и в этот момент от стены отделилась какая-то тень и вразвалку двинулась вперед.

В распоряжении Гаса оставались доли секунды; он не хотел шуметь, предупреждая агента об опасности, поэтому не раздумывая прыгнул на незнакомца; его кулак описал короткую, стремительную дугу, завершившуюся на челюсти таинственного противника с таким оглушительным треском, что Треysi невольно оглянулся. Тут же послышался легкий, глухой стук — это из руки неизвестного выпала на булыжники дубинка. Треysi помог Гасу прижать потерявшего сознание человека к земле.

— Хорошо, что вы здесь, Вашингтон,— сказал он; в устах профессионала такого уровня эти слова были лучше любой награды.— Славный удар. Прежде чем этот очнется, мои люди возьмут его. Они сейчас сжимают кольцо, чтобы лишить преступников всякой возможности бегства. С моря их будут караулить быстроходные катера. Последний акт драмы вот-вот будет сыгран. Вы были правы, я сейчас определился пеленгатором. Козлище на корабле. Теперь идем.

Словно призрак, без единого звука, он стал перемещаться вперед; Гас держался на несколько шагов позади. Они прошли под кормовым подзором корабля, и стали видны протянувшиеся поперек кормы источенные ржавчиной буквы: «Дер Либестод. Люцерн». Швейцарская приписка, наверняка — лишь удобная маскировка; настоящие имена и национальности владельцев хорошо скрыты. Но уже не надолго.

На палубе все было тихо, корабль стоял, погруженный во мрак, лишь та единственная лампа светила над сходнями. Трейси ступал уверенно, словно уже не раз здесь бывал; он начал подниматься по сходням, Гас двигался вслед за ним. Однако, как ни беззвучно крался агент, он не остался незамеченным; стоило ему достичь палубы, из тени выступил человек и тихо проговорил что-то, неслышное Гасу, который еще поднимался. Трейси что-то ответил и показал вниз, а когда охранник, глянув туда, куда указал пальцем Трейси, на мгновение отвернулся, руки детектива коротко взметнулись к его шее; охранник как бы одеревенел на секунду, а затем согнулся и повалился на палубу.

До сих пор все оставалось тихо, Гасу трудно было в это поверить. Они поднялись на корабль, успели обезвредить двух человек — а их присутствие до сих пор не замечено. Слишком уж им везло, везению явно пора было кончаться — и единственное, на что уповал Гас,— что из этого правила могут быть исключения. Трейси дождался его у двери и прошептал прямо в ухо:

— В рубке никакого движения, и на мостике ни души. Должно быть, негодяи внизу. Следуйте за мной так тихо, как только можете.

С этими словами он натужно открыл тяжелую стальную дверь; показался тускло освещенный коридор, в который они осторожно вошли. За первой дверью по коридору было темно, и они прошли мимо, лишь бросив внутрь беглый взгляд, следующая каюта тоже была открытой и темной. Но третья была закрыта; Трейси, нагнувшись, заглянул в замочную скважину, затем достал из кармана медицинский стетоскоп и прослушал с его помощью дверную панель. Удовлетворенный, он положил стетоскоп обратно и

знаком подозвал Гаса, указывая в то же время на лестницу. Медленно и осторожно они спустились по ней вниз; их усердие было вознаграждено очень быстро, поскольку одна из дверей на этой палубе была оставлена приоткрытой, а из щели просачивалась полоска света и доносился шум голосов. По-прежнему следуя впереди, Трейси направился дальше и миновал еще одну неосвещенную каюту; Гас вплотную следовал за ним. Но когда он проходил мимо двери, темная фигура с ножом в руке прыгнула на него.

Только молниеносная реакция спасла Гасу жизнь. Когда человек наносил удар, он успел отклониться назад, поднырнул под летящее к нему широкое лезвие, схватил руку, державшую нож, и вместе с противником они покатались в сторону. С громким стуком оба ударились о переборку напротив, и удар на миг оглушил неизвестного; немедленный выпад кулака оглушил его на более продолжительное время, он как бы с грустью вздохнул и обмяк, и нож, вывалившись из его руки, громко зазвенел на металлической палубе.

В наступившей тишине был отчетливо слышен голос за приоткрытой дверью:

— Что там? Кажется, какой-то звук в коридоре.

Трейси больше не сдерживался. В его руку прыгнул револьвер; ударом ноги детектив распахнул дверь и вызывающе закричал:

— Полиция! Вы арестованы!

И нырнул в помещение.

Крики, выстрелы, глухие вопли... и Гас, не колеблясь ни секунды, бросился вперед, в схватку неизвестно с кем — в громадную каюту, заполненную мечущимися людьми. Один из них попытался выскочить вон, но Гас встал на его пути; ударом кулака в корпус он согнул человека пополам, так что подбородок преступника, устремившийся вниз, очень

аккуратно повстречался со вторым кулаком, лётящим ему навстречу. Потом Гас попал в самую гущу потасовки — и тут лезвие чьего-то ножа рванулось к его горлу; заслоняясь, он поднял руку, и красная стрела боли пронзила ее, когда лезвие вонзилось в предплечье. Но вторая рука Гаса еще оставалась здоровой, и на ней оставался не менее здоровый кулак — он-то и уложил нападавшего туда, куда следует.

На этом битва закончилась, хотя сам Гас об этом еще не знал; превозмогая боль, он с трудом удерживался на ногах. Так или иначе, покалеченные подонки общества валялись по всей каюте, а Козлище сидел верхом на единственном из них, не потерявшем сознания, и колотил его головой об палубу, помогая ему последовать в безмятежность вслед за его товарищами. Трейси быстро переходил от одного к другому, надевая наручники на каждого, кто подавал малейшие признаки жизни, а Козлище, отпустив наконец свою жертву, поднялся, отряхнул руки и указал на закрытую дверь в дальнем конце каюты.

— Он ушел во время драки. Серый, один из главных.

Трейси мгновенно оценил ситуацию и кинул Козлищу автоматический пистолет довольно-таки свирепого вида; Козлище поймал его на лету.

— Охраняй пленных. Я хочу, чтобы в живых осталось как можно больше.

Еще не договорив фразу, он прыгнул поперек каюты, плечом ударив хлипкую дверь, и вломился в соседнее помещение вместе с Гасом, уже успевшим перевязать раненую руку платком; распрямившись, Трейси поднял пистолет и сказал:

— Все, кончай. Отплясался.

Человек, которому это было сказано, действительно сразу прекратил делать то, что делал, и медленно

выпрямился, держа в руке пачку бумаг. Перед этим он бросал бумаги в металлическую корзину для мусора, в которой плясало неровное, дымное пламя. Когда Гас сообразил, что к чему, он рванулся мимо детектива и ногой опрокинул корзину, чтобы сбить тлеющие огоньки. Только после этого он встал во весь рост и посмотрел на человека, которого они захватили. Глаза тайных сил, наконец-то!

Человек действовал так, как и сказал Козлище, оказался серым. Он стоял, выпрямившись, возле стола, упершись в него одним кулаком, а другой прижимая к груди, и тихо покачивался. С ног до головы он был серым, вся одежда была серой: серые гетры, натянутые на серые туфли, серые брюки и серый, хорошо скроенный пиджак, серая ворсистая рубашка, дополненная серым галстуком, серая мягкая шляпа на голове и маска из серой ткани, прикрывавшая целиком лицо, за исключением выглядывавшей из проделанных в материи отверстий пары серых глаз.

— Не двигайтесь, — приказал Трейси, когда рука серого человека потянулась к столу. Серый отдернул руку и ответил напряженным шепотом:

— Здесь, в ящике — деньги, много денег, это плата тем, снаружи. Возьмите себе, здесь несколько тысяч фунтов. Все, что вам нужно сделать — это отвернуться на несколько секунд, я прошу вас. Дайте мне уйти...

— Вы держите меня за дурака, сэр! Я из агентства Пинкертон, нанят компанией Трансатлантического туннеля, и ни одна взятка в мире не заставит меня поступиться своей честью. Вас взяли, и баста. Игра окончена.

От этих слов серый человек съежился с таким трагическим видом, что Гасу невольно захотелось помочь ему. Вся видимость силы исчезла, серый

затрепетал, оглянулся в поисках стула и почти упал на него. Профессиональный детектив Пинкертон остался к этому равнодушным, хотя Гас был тронут; но ведь Трейси уже не раз доводилось прежде задерживать закоренелых преступников — поэтому, когда сыщик заговорил, голос его звучал жестко.

— Ну, а теперь, сэр, вы снимите эту маску сами — или нам сделать это за вас?

— Нет... пожалуйста, нет... — серый буквально задышался, но и это не тронуло Трейси. Держа пистолет наготове, он шагнул к серому, разом скомкал маску и шляпу и одним движением отшвырнул их прочь. Гас потерял дыхание.

Перед ним сидел тот, кого он так хорошо знал, тот, кто не вызывал у него подозрений никогда, тот, кто никак не мог находиться сейчас здесь.

— Вы знаете, кто это? — спросил Гас.

— Закоренелый преступник, — ответил Трейси.

— Нет, в том-то и дело, он не преступник. И все же он здесь. В это невозможно поверить.

— Вы что, его знаете?

— Конечно, знаю! Это ни кто иной, как Генри Стреттон, уважаемый финансист из Бостона, член Нью-Йоркского совета директоров компании Транс-атлантического туннеля.

— Ну, тогда, похоже, мы наконец взяли, кого надо. Вот тебе раз, член совета директоров! Ничего удивительного, что преступники были посвящены во все ваши секреты и могли наносить удары, где им заблагорассудится.

— Я умоляю вас, джентльмены, освободите меня. Бесчестье... моя семья... вам не понять. Если я буду освобожден, то обещаю...

— Нет, — сказал Трейси, и в этом слове прозвучала вся непреложность рока, вся неотвратимая сила

судьбы, столь могущественная, что Стреттон опять сник; этой силе нельзя было сопротивляться.

— Да, вы правы, я не должен просить. Безнадёжная попытка потерявшего надежду человека. Я обречен, и обречен с самого начала... но у меня не хватило ума вовремя это понять.

— Так почему?! — взорвался Гас. — Что подтолкнуло вас, уважаемого члена общества, на столь предосудительные действия?

Стреттон медленно перевел на него взгляд, затем улыбнулся холодной улыбкой, в которой не было ни тени веселья.

— Почему? Я ждал от вас этого вопроса, Вашингтон, ведь вы из тех, кого никогда не беспокоят проблемы, тревожащие нормальных людей. Вы — машина для строительства туннелей, вот вы кто, и вам не доставляют страданий слабости, присущие нам, смертным. Вы спрашиваете, почему? Я расскажу вам, и это действительно грязная история, история медленного падения в ад, которое началось с одного-единственного неверного шага. Я — член правления, и отдал себя компании целиком. Но я был жаден, я хотел иметь больше — и я тайно продал часть акций основного капитала, которыми я распоряжался, чтобы прикупить больше акций туннельной компании. Я собирался вернуть деньги, как только пойдут первые дивиденды. Но это были акции компании, занимающейся морскими перевозками, вы же знаете, моя семья имеет давние интересы в морских перевозках, и я даже не подозревал, что за мною следят. Ко мне обратились с предложением, скажем так, люди, связанные с этой сферой бизнеса, которые знали все о том, что я сделал. Они обещали мне помочь, и они мне помогли, о моей краже так никто и не узнал, но в ответ я должен был оказывать им некоторые небольшие услуги. Я делал

то, что они просили, действуя как их шпион в нашем правлении, я передавал им информацию, пока не скомпрометировал себя настолько, что отступать было уже невозможно. Тогда они начали требовать новых услуг, пока я не кончил там, где вы видите меня теперь; с одной стороны, уважаемый член правления, с другой — человек, который направляет секретную деятельность по уничтожению туннеля. Да! Я рад, что все это закончилось, наконец.

— Кто те люди, которые сотворили с вами такое? — спросил Гас.

Стреттон устало махнул рукой на разбросанные по каюте бумаги.

— Они там; скоро вы все узнаете. Интересы судоходства; другие государства; это люди власти и люди зла, которым кажется, что туннель не сулит им ничего хорошего; люди, которые издавна желали Англии и империи в целом вреда. Преступный союз, невиданный прежде. Это все там — моя корреспонденция, третьи экземпляры отпечатанных под копирку документов, записи, директивы, все до мелочей. Я же бизнесмен из Новой Англии, со связями и квалификацией. Каким бы низким делом я ни занимался, я делаю его добросовестно. Здесь все, что вам нужно. С этим вы уничтожите клику полностью, и с диверсиями будет покончено навсегда, могу поручиться. Все выплывет, теперь я это вижу, и мое доброе имя будет погублено навеки. Поэтому я прошу вас только об одном одолжении. Соберите бумаги и покиньте комнату на несколько минут. Я быстро. Здесь только один маленький иллюминатор, я не смогу бежать, вы же видите. Пожалуйста. Я прошу вас как людей чести.

— Нет,— твердо сказал Трейси.— Вы наш главный свидетель.

— Да,— сказал Вашингтон, словно отдавая приказ.— У нас достаточно пленников там, снаружи, если вы действительно беспокоитесь насчет свидетелей. О чем я беспокоюсь, так это о прекращении диверсий и о разоблачении извергов, стоящих за этими диверсиями,— а они у нас тут, в бумагах. Посмотрите на эти имена! Уважаемые люди, крупные компании! Будут аресты, и какое-то количество исчезнувших акций вновь окажется на рынке, но диверсии прекратятся раз и навсегда. До иностранных правительств нам не дотянуться, но их делишки мы разоблачим, и это надолго заставит их держаться в рамках. То, что нам нужно — здесь. Я настаиваю на удовлетворении просьбы мистера Стреттона.

Поколебавшись, Трейси пожал плечами.

— Правосудие не пострадает... жалование мне не уменьшится... Но только если вы настаиваете и если берете полную ответственность за решение на себя.

— Настаиваю и беру. И сэр Уинтроп, я знаю, меня поддержит.

Когда они, собрав бумаги, уже собирались уходить, голос загубленной души прошептал им вслед:

— Я ненавижу вас, Вашингтон. Вас и всё, что вы делаете. Но, учитывая интересы семьи, я вынужден вас благодарить.

Почти сразу после того, как за ними закрылась дверь, выстрел взорвал тишину; а потом все затихло снова.

III

Опасности бездны

Здесь, в Атлантике, на двухмильной глубине, было царство вечной ночи; тьма, тишина и неподвижный, пустынный мир черных вод. Поверхность океана с ее ветрами и штормами, бушующими волнами, стремительными течениями и цветущей жизнью осталась более чем в десяти тысячах футов выше. Это там был солнечный свет, и планктон — микроскопические организмы, не могущие без него обходиться, и рыба мелочь, пасущаяся на морских лугах, и рыбы, что покрупнее, питающиеся этой мелочью. Там, высоко вверху, была энергия Солнца и кислород, которые только и делали возможной жизнь в океанских безднах; по мере увеличения глубины жизнь убывала, пока, примерно в миле от поверхности, даже мелкие рыбоподобные монстры, обитающие в этом мраке, не становились редкими и далекими друг от друга, как звезды в космосе. Странные существа с игловидными зубами и глазами навывкате, с рядами подобных иллюминаторам огней, протянутых вдоль тела или подвешенных впереди, отдельно; маленькие сгустки жидкости, подобные *Chiasmodon niger*, сами длиной в два дюйма, не более, но прожорливые настолько, что заглатывают добычу много крупнее себя. Однако для них здесь было последнее поле битвы, ибо жизни

и движения ниже становилось еще меньше, совсем мало, пока на глубине трех миль не появилось, наконец, дно — где в направлении, обратном поверхностному, Канарскому, струилось мощное течение; но черное, пустынное, безжизненное, спокойное. Здесь никогда ничего не менялось.

Но что это? Правда ли издалека приближается нечто? Огни, ну да, действительно, огни, мерно продвигающиеся огненные точки в беспредельной ночи. Рыбья стая, быть может, — потому что их становится все больше, больше; но вот они проплывают мимо, вот, тускнея, начинают пропадать из глаз. Постойте, тут, кажется, две породы: рыбы поменьше — хотя маленькими они кажутся лишь в сравнении, на самом деле они не мельче голубых китов — окружили колоссальную морскую змею, которая, извиваясь волнами, пронизывает воду с чисто змеиной грацией, по бокам ее тоже тянутся ряды огней, это невероятное создание, оно больше мили в длину! Но что мы видим? Змея взята рыбами в плен, они волокут ее, приковав к себе крепкими путами. Что это могут быть за создания — с твердой гладкой кожей, безглазые, но с пылающими огнями, издающие громкий гул и ритмичный стук, нарушающие покой глубин? Это не животные, это металлические оболочки, а внутри — единственные творения природы, которые в силах бросить вызов царству мертвого покоя: люди, самые дерзкие из живых существ.

Впереди других субмарин шел «Наутилус II», значительно более мощный и технически вооруженный, чем его распыленный на атомы старший брат; чтобы обслуживать все его механизмы, нужен был экипаж в тридцать человек. Лишь малая часть экипажа управлялась с самой субмариной, она была столь же проста в управлении, как и первый «Наутилус»;

большинство работало со вспомогательным оборудованием. Стальные тросы тянулись с катушек, смонтированных в киле, к гигантскому, в милю длиной, объекту буксировки; автоматы постоянно контролировали состояние этих тросов, поддерживая их одинаковое натяжение, слегка подтравливая их, когда они слишком напрягались, слегка подматывая обратно на катушки, когда возникала слабина. Информация о состоянии тросов по проводам подавалась на мощнейшую компьютерную машину Брэббеджа, занимавшую почти четверть объема субмарины; машина получала также информацию о состоянии тросов на всех остальных субмаринах, обрабатывала ее и регулировала натяжение так, что вся группа со своим чудовищным грузом двигалась как единое целое. Не было никаких проводов, соединявших машину Брэббеджа с остальными — связь осуществлялась иначе, посредством пучков когерентного света бесчисленных лазеров, которые усеивали борта. Лазерные лучи легко пронизывали воду, а модулированное излучение вполне справлялось с передачей информации. Все шло хорошо, все работало хорошо — заслуженная награда таланту человека, для которого проект стал осью коловращения его жизни; то была последняя секция. Железнодорожный путь шел теперь от города Нью-Йорка в глубину вод и пересекал дно по недавно проложенному туннелю, который тянулся по вспоровшей ложе океана зоне разлома, поднимался на Среднеатлантический хребет и заканчивался на самом краю расчленявшего этот хребет каньона. На другой стороне Атлантики такой же путь тянулся из Лондона и нырял в туннель, шедший к Азорам, чтобы ненадолго подняться и затем опуститься снова на дно абиссальной равнины, достичь еще одного разлома, и по нему — противоположного склона каньона.

Здесь два туннеля и заканчивались сейчас, а их от-
верстие торцы смотрели друг на друга сквозь толщу
пустынной воды с расстояния в милю, с двух краев
рифтовой пучины, терявшейся из виду в непрогляд-
ной мгле внизу.

Именно сюда, медленно двигаясь навстречу своей
судьбе, подплыла, наконец, неправдоподобная мор-
ская змея — конструкция длиной в милю, бывшая
одновременно и туннелем, и перевернутым с ног на
голову плавучим мостом, который, выбей из-под не-
го опоры, стал бы падать не вниз, а вверх; сплав
стали, бетона и конструкторского остроумия, он дей-
ствительно в пути извивался, словно змея. Секрет
этого движения заключался в конструкции сочлене-
ний между секциями, подобных кузнечным мехам
из твердой стали — стали, достаточно твердой, что-
бы противостоять огромному давлению глубин, но
пластичной настолько, чтобы менять конфигурацию,
когда это было необходимо. Это грандиозное творе-
ние индустрии должно было завершить, наконец,
Геркулесов труд; оно было последним элементом
туннеля, связующего континенты воедино. Строили
мост два года, различные звенья создавались в раз-
ных городах и по воде доставлялись к месту сборки
в верховьях Гудзона, близ развалин крепости Уэст-
Пойнт*, наводящих обычно на воспоминания о ге-
нерале-герое Бенедикте Арнольде**. Теперь здесь
шла иная война — человек воевал против стихии,
человек завоевывал бесконечное пространство моря.

* В нашей реальности в Уэст-Пойнте находится самое пре-
стижное военное учебное заведение США.

** Американский генерал, который во время войны за неза-
висимость стал изменником, перейдя на сторону англий-
ских войск.

Секция за секцией монтировался мост-туннель; потом последовали долгие проверки и испытания, прежде чем невообразимая конструкция была признана годной. Наконец, во время отлива она была затоплена, и началось ее долгое странствие к морю — самое начало путешествия, которое ныне подходило к концу.

На мостике управлялся О'Тул — вернее, он только следил за управлением, потому что держал субмарину на курсе тоже компьютер.

— К таким вещам придется привыкать,— сказал О'Тул, держа руки сложенными так, чтобы пальцы не могли дотянуться до рычагов и кнопок, и с подозрением глядя на компас, стрелка которого слегка повернулась и опять замерла.— В теории я знаю теперь, что мы идем к месту по лучу сонар-маяка на стройплощадке, и что эта адова машина у нас в брюхе рулит всю дорогу, управляет двигателями и всем прочим, я это знаю, но, честное слово, поверить в это не могу.

— Думаю, сможете,— улыбаясь, сказал Гас и склонился над чертежной доской, отмечая на карте медленное, но неуклонное продвижение их каравана.— Все, что вам нужно — это чуточку действия: подраться с кем-нибудь, или малость выпить, или что-нибудь в том же духе.

— Как смеете вы марать имя О'Тула! — сразу же вскинулся О'Тул, лукаво улыбаясь при этом.— Хотя, по правде говоря, думаю, что от кружки гиннесовского пива я бы не отказался сразу же вскинулся.

На пульте зажглись красные огоньки, и пальцы рулевого метнулись к рычагам, вводя необходимые поправки.

— До маяка приблизительно десять миль, малый вперед.

— Время сбрасывать скорость. Над каньоном нам нужно иметь практически нулевой ход, чтобы только маневрировать против течения.

И, позвонив в компьютерный отсек, он отдал необходимые распоряжения.

Огромная змея двигалась все медленнее; ей нужно было еще много миль, чтобы потерять скорость, так велика была ее масса. Расположенные треугольником сонар-маяки внизу вывели ее в нужное место именно в тот момент, когда инерция была полностью погашена и, следовательно, можно было начинать завершающий спуск. На одну милю по вертикали вниз, прочь из спокойных вод, в объятия донного течения, которое, каким бы медленным оно ни было, оказывало все же мощное воздействие на столь массивные объекты, как этот мост-туннель. Скорость течения была измерена аккуратнейшим образом, она являлась одним из тех факторов, которые учитывались компьютером, поэтому, когда начался спуск моста, он был в нескольких милях выше по течению от места укладки. По мере того, как гигантская конструкция с расчетной скоростью погружалась, ее, вдобавок, с расчетной же скоростью и сносило, так что, теоретически, оба эти процесса должны были привести ее в нужную точку на нужной глубине.

Последний спуск начался. Чувствительные механизмы, которыми снабжены были все секции моста, по мере движения вниз аккуратно подкачивали воду в балластные цистерны, так что, хотя давление нарастало, конструкция имела одну и ту же небольшую положительную плавучесть. Ниже, ниже, и ниже — пока со дна не проглянули красные огни и лучи лазеров не обеспечили компьютер возможностями для более точного наведения. Компьютер мгновенно обработал новую информацию, и некоторые субмарины

начали двигаться быстрее, некоторые — притормаживать; мост чуть изогнулся и заколыхался снова, поскольку его, слегка развернув, окончательно сориентировали соответственно опорам, все еще теряющимся в бездне.

— Вот они,— сказал Гас, указывая на четкие пятнышки, которые стали заметны на телеэкране, когда на мостике был погашен свет. Только на телеэкране, потому что яйцевидные, толстостенные субмарины, оперирующие на таких глубинах, не могли, разумеется, нарушать монолитность своих корпусов отверстиями или иллюминаторами; весь внешний обзор осуществлялся посредством электроники, телекамерами, установленными на носу, корме, над рубкой и у киля. Именно килевая камера разглядела и показала людям огни внизу и впереди.— Погрешности курса в пределах одной стотысячной,— добавил Гас, взглянув на табло компьютера.

Теперь начиналась последняя, самая тонкая и самая ответственная часть работы. Подводная река устойчиво и равномерно текла здесь со скоростью почти полутора узлов, казалось бы, и беспокоиться не о чем; будь дело на поверхности, хороший пловец вполне бы мог потягаться с таким течением, гребная лодка способна была двигаться против него, а моторка его даже бы не заметила. Да и под водой субмарины мало обращали внимания на течение — когда они действовали самостоятельно. Но сейчас колоссальный груз сделал течение их главной заботой, потому что мост-туннель поперечником в тридцать футов и длиной в милю обладал громадной поверхностью, вся площадь которой принимала давление воды, и сила этого давления была столь велика, что вряд ли даже объединенные усилия всех субмарин могли его компенсировать и сделать груз неподвижным — не

говоря уже о том, чтобы попробовать двигаться наперекор. Поэтому укладка моста должна была получиться с первого раза.

Чтобы добиться этого, нужно было разнести по обе стороны долины мощные тросы и в один и тот же момент намертво закрепить их. Буксировочные тросы субмарин были пристегнуты к значительно более мощным, свыше ярда в диаметре, тросам моста, игравшим двойную роль: сейчас они использовались для буксировки, а после прибытия будут удерживать мост на месте. Тросы центральной секции были самыми длинными — более полумили, поскольку им предстояло дотянуться до контрфорсов каждой из сторон, а остальные, чем ближе были к концам моста, тем становились короче. Когда все встанет на свои места, эта стальная паутина будет держать мост в фиксированном положении, а мост, в свою очередь, благодаря своей плавучести будет держать ее туго натянутой. Сейчас предстояло тросы закрепить.

По обе стороны каньона, несколько ниже краев, располагались обширные участки выровненных скал, ярко освещенные множеством огней, ибо в деле, которое предстояло сделать, не обойтись было без человеческих глаз, никакая электроника тут помочь не могла. Удерживать мост на месте должны были тяжелые, чудовищные якоря, зацементированные в скважинах, высверленных в твердой породе; на них были посажены неуклюжие фиттинги. К ним-то и окажутся присоединенными громадные стяжные муфты, задачей которых станет поддержание постоянного натяжения тросов. Но это позже: сейчас тросы нужно закрепить быстро и без хлопот. Эта задача возлагалась на выступающие из каждого якоря тяжелые пружинные зажимы кованой стали. Когда трос попадал в зажим, тот мгновенно захлопывался, словно

титаническая мышеловка, его рифленные челюсти быстро сжимались, а электромоторы тут же усиливали зажим. Таков был план, он многократно отработывался на тренировках, и он сработает. Он должен сработать!

Ниже, ниже, ниже падала глыба моста, в то время как чуткие ее конвоиры тяжело трудились, подавая то чуть левее, то, наоборот, вправо под неусыпным контролем машины Брэббеджа. В субмаринах было очень тихо, лишь шелестели вентиляторы, да отдаленно гудели двигатели, да иногда отрывисто перебрасывались словом-двумя операторы, обслуживающие компьютер. Несмотря на тишину и неподвижность, люди были настолько напряжены, что некоторые буквально задыхались: то, что делалось в эти секунды — делалось на века.

Вниз, равномерно вниз; ярко освещенные якоря растут на экранах, отчетливые красные номера на каждом выступают яснее и резче, и скальные стены под ними тоже делаются все ближе. Кулаки сжимались, и костяшки пальцев становились белыми, словно мел, хотя рулевые просто следили за приборами, опекаемыми электронным мозгом, — но это ожидание, это созерцание было мучительнее, нежели любая работа за пультом. Вниз. Теперь ясно были видны и каждая черточка на древних камнях, и каждый блик на отточенных металлических гранях нового человеческого творения. Вниз.

— Присоединить первый и девятый, присоединить первый и девятый. Действуйте самостоятельно.

Голос отдавал распоряжения по селектору быстро и четко, слышный в каждом динамике на каждой субмарине. То был долгожданный сигнал, приказ работать самим, без Брэббеджа; первые субмарины с тросами пошли к якорям. По десять тросов на

сторонах моста, номера первый и второй были самыми короткими, так как должны были располагаться на самом верху подмостных сооружений, номера девять и десять — самыми длинными, потому что из середины пролета им предстояло дотянуться до подмостного дна. Теперь две субмарины, неся по одному из самой длинной и из самой короткой пары, были выведены из-под контроля компьютера и двигались вперед сами по себе, чтобы присоединить доверенные им тросы; давая полный ход, они должны были сделать это одновременно. Лишь только они выполняют задачу, отправлены будут две следующие, чтобы повторить операцию, — и все это за две решающие минуты, в течение которых мост будет находиться там, где возможно осуществить сцепление. Это все, что нужно: закрепить мост четырьмя тросами с каждой стороны. Если эти восемь будут закреплены, мост удержится на месте — расчеты точны. Но они должны быть закреплены быстро, иначе мост будет снесен; слов нет, это будет настоящая катастрофа.

«Наутилус II», натужно гудя моторами, на полном ходу шел к якорям. О'Тул, дорвавшись наконец до своих рычагов, спокойно вел субмарину вниз, выжидая момент, когда нужно будет отцепить килевой и носовой тросы, крепящие швартовочный трос моста, скрученный сейчас, как пружина, конец которой пока оставался свободным. Барабан и мотор его располагались на штыре, выдававшемся на двадцать футов перед носом субмарины — он хорошо был виден на экране переднего обзора. Еще до того, как субмарина устремилась к цели, тяжелый швартовочный трос был плотно намотан на штырь, так что конец троса располагался прямо напротив конца штыря. Двадцатифутовая оконечность троса была окрашена в

оранжевый цвет — это была зона прицеливания. Если окрашенная часть в какой-либо точке будет захвачена дожидющимися ее челюстями зажима, сцепление окажется успешным; оранжевая зона вся находилась в пределах допусков гибкости моста и естественной слабины троса. Для большей точности в центре имелось двухфутовое черное пятно — это была оптимальная точка.

О'Тул вел субмарину виртуозно; он поставил ее почти вертикально, так что стержень нацелился точно на ждущий зажим; компенсируя вес троса, он подал субмарину немного назад, затем устремился вперед снова — но без поспешности, чтобы не протаранить мостовую опору. Медленно вверх... легкий дрейф по течению... коррекция... вперед; стержень, как гигантский указующий палец, тянулся к цели. Гас, стоявший позади рулевого, непроизвольно задержал дыхание, когда опора надвинулась вплотную... ближе, еще ближе... казалось, они все-таки врежутся в нее.

— Есть! — радостно выкрикнул О'Тул, когда стальные челюсти, словно пасть чудовищного металлического аллигатора, с хрустом и скрежетом сомкнулись как раз на черном пятне; сила их была такова, что субмарину трянуло.— Теперь освобождаемся и уходим.

Нажав две кнопки, он послал электрический сигнал по проводам в буксировочные тросы. По этому сигналу два взрыва разорвали связь между субмариной и швартовочным тросом. Обрывки свободно повисли в воде, и электромоторы быстро смотали их на катушки внутри субмарины — а та уже шла вверх.

— Девятый тоже закреплен,— проговорил Гас, глядя на экран нижнего обзора, показывавший место работ.— Второй и десятый — на сближение!

Именно тогда это и произошло, хотя трудно было бы отыскать момент менее подходящий; успех или провал операции зависели теперь от каких-то секунд, балансируя буквально на лезвии бритвы. Но планета измеряет время по своей шкале; можно сказать, короткие мгновения человеческой жизни на внешней оболочке Земли мало что значат для геологических часов, отсчитывающих тысячелетия или даже сотни тысячелетий так, как обычные часы отсчитывают секунды. По мере того, как расплавленная магма выдавливалась из подземных глубин, напирая на плавающую поверх нее толщу, в коре возникали напряжения, возникали медленно, но неотвратно, возникали, ища выход. Где-то глубоко в скалах разверзлась трещина, массы пород пришли в движение, камни заскребли о камни; затем давление выровнялось, и Земля уснула опять. Пустяк по масштабам жизни планеты, пустяк, совсем не заметный в сравнении с мощностью сил, действующих не переставая. Но вполне достаточный для того, чтобы свести на нет плоды человеческого труда.

Басовитое ворчание донеслось из недр, словно некий невообразимый гигант, невнятно жалуясь на судьбу, повернулся во сне; звук был столь мощный, что стряхнул кусок твердой скалы над субмариной, и поднятая им при падении тугая волна ударила в металлические корпуса. Потом — умчалась дальше...

— Землетрясение... — проговорил Гас, поднимаясь с пола, куда он был брошен ударом. — Подводное землетрясение, именно сейчас...

Он осекся в ужасе от того, что происходило снаружи и что так ясно, так услужливо показывали экраны. Дрожь Земли передалась теперь на швартовочные тросы, они гнулись и корчились, будто живые, и передавали волну вибрации дальше, по всей своей длине, к

мосту, который был едва закреплен. Мост и тросы были рассчитаны на толчки и землетрясения, подобные этому, они вполне могли выдержать — но только как единое целое, после полной сборки и надежного закрепления. А сейчас два троса несли нагрузку двадцати. Это было немыслимо, но это случилось. Какие же повреждения будут нанесены мосту! Но даже если бы Гас решился додумать эту мысль до конца, он все равно не успел бы этого сделать — ибо то, что открылось его глазам на экранах, было еще трагичнее. Перенапряженные, натянутые как струны тросы вырвались из своих фиттингов.

Страшно смотреть, и не смотреть невозможно: металл и бетон тяжелых якорей крошились и распадался, высвобождая тросы. Очнувшись от короткого паралича, Гас схватил микрофон.

— Второй, уходите назад или сбросьте трос, слышите меня?

— Я могу закрепить, я могу!..

Водителю субмарины не суждено было закончить эту фразу — ибо произошла трагедия. Утратив опору, сносимый течением мост наверху начал гнуться, зашевелился, волоча тросы за собой. Как ребенок дергает за веревочку свой игрушечный грузовичок, он дернул вторую субмарину, которая вот-вот уже готова была осуществить зацепление, и швырнул на скальную стену. В какую-то долю секунды корпус лопнул, и невообразимое давление пучины стиснуло, взломало, расплющило корабль — так быстро, что его экипаж даже не успел понять, какой конец уготовила ему судьба. Теперь суденышко медленно погружалось — мертвый груз на конце троса.

Но Гас не мог позволить себе думать сейчас о мертвых — он должен был думать о живых, о субмаринах, все еще связанных с мостом, и о самом

мосте. В течение нескольких долгих секунд он заставил себя оставаться на месте, прежде чем начинать действовать: нужно было все обдумать как следует, учесть каждый фактор — а динамик связи захлебывался голосами, вопросами, криками боли. Приняв наконец решение, Гас переключил радио на себя и с холодной четкостью проговорил в микрофон:

— Очистить эфир. Тишина, полная тишина. Говорит Вашингтон, мне нужна тишина.

Он получил тишину; через несколько секунд последний голос в динамике смолк. Тогда Вашингтон заговорил снова:

— Начальник второго звена, доложите обстановку. С нашей стороны было землетрясение, мы не закрепились. Как дела у вас?

Ответ пришел мгновенно.

— Здесь начальник второго звена. Все в норме. Четыре троса закреплены, на подходе еще два. Заметны вибрация и колебания тросов.

— Цепляйте эти два и прекращайте операцию. Держитесь на своем краю и ждите распоряжений. Внимание! Всем субмаринам первого звена! Произошел отрыв, и мы не можем повторить зацепление, пока мост не на месте. Всем нечетным субмаринам, всем нечетным субмаринам! Отстреливайте ваши тросы и идите на юг, от моста, на длину свободного троса, затем возвращайтесь над мостом, повторяю, над мостом. Под ним будут свисающие концы тросов. Всем четным субмаринам. Поворот на север, против течения, все вдруг, и полный вперед с одновременным подъемом на уровень моста. Выполняйте.

Это был отчаянный маневр. План, с помощью которого можно было попытаться овладеть ситуацией, родился за какие-то секунды. Но сложную стратегию следовало разыграть без помарок в этих полуночных

глубинах, где каждый человек и каждая субмарина самостоятельны и изолированы, но все же взаимозависимы. Перед мысленным взором Гаса предстал целиком весь мост; Гас в деталях видел все, что должно быть сделано, и был уверен, что пытается совершить единственно возможную вещь.

Зависший в воде мост был прикреплен к опорам лишь с одной стороны, противоположной, у восточного склона долины. Поскольку западный конец не закреплен, течение, давя на всю конструкцию, будет перегибать ее к югу, деформируя все больше и больше, пока она не переломится и вода не хлынет в заполненные воздухом отсеки, лишая их плавучести; мост начнет тонуть, распадаясь на части и дробясь по всей длине. Этого нельзя было допустить! Первым делом следовало отделить все субмарины с нечетными номерами, которые, как и корабль Гаса, буксировали мост с южной стороны, то есть с той, куда было направлено течение. Если попытаться хоть как-то тянуть мост за швартовочные тросы в сторону, противоположную течению, то все старания вернуть мост на место так его перекрутят, что разрушат еще быстрее, чем разрушило бы давление подводной реки. Если все пойдет хорошо, нечетные субмарины сейчас освободятся от тросов и всплывут над мостом; «Наутилус II», расположенный ниже пространства, которое будет перекрыто свисающими тросами, сможет пойти против течения, чтобы затем подняться выше и примкнуть к субмаринам, которые еще связаны с мостом. Тогда начнется битва за спасение моста от прогиба; всей мощью двигателей субмарины будут тянуть его в северном направлении. Господи, только бы удалось!

По мере того, как «Наутилус II», стремительно пронизывая толщу вод, поднимался вверх, на экранах

верхнего обзора вырисовывалась ужасающая картина. Огни на мосту уже не вытягивались в прямую линию, они изогнулись чудовищной буквой «С» — незакрепленный конец течением сносило к югу. Гас бросил один лишь взгляд, затем щелкнул переключателем селектора.

— Всем субмаринам, сбросившим тросы. Присоединяйтесь к тем, наверху, они пытаются удержать западный конец моста. Закрепитесь на них своими магнитными захватами, потом — машинам полный задний ход. Мы должны остановить прогибание моста. Мы должны выпрямить мост.

«Наутилус II» показывал путь, пристроившись носом к одной из тянущих мост субмарин; сперва он ее коснулся, затем закрепился прочнее, когда мощный электромагнит корпуса сцепил оба судна намертво. Как только произошло соединение, машины взвыли, вой делался громче, громче, по мере того, как, отработывая задний ход, они набирали обороты. Если что-то и происходило, это не могло проявиться сразу; мост прогибался, искривлялся все больше, пока его незакрепленный конец не развернулся почти точно на юг. Конструкторы предусмотрели определенную гибкость, да, но не до такой же степени; мост мог переломиться в любой момент.

Но не переломился. Одна за другой новые субмарины присасывались к своим напарницам и присоединяли мощь своих машин к общим усилиям. Они не могли ликвидировать прогиб, но они явно приостановили его увеличение. Это была еще не победа — но и поражение было отодвинуто. Им нужна была еще мощность.

— Внимание всем во втором звене. Продолжайте закрепление тросов на вашем конце. Мы здесь едва держимся. По мере закрепления на полной скорости

двигайтесь на наш конец и цепляйтесь за наши субмарины. Нам нужна ваша помощь.

И помощь пришла. Одна за другой субмарины выныривали из тьмы и пристраивались корпусами к тем, что уже были в работе — две, три, четыре в каждой связке, так что скоро они стали походить на виноградные гроздья. Поначалу казалось, что все усилия тщетны. Затем... Неужели получилось? Неужели изгиб действительно стал уменьшаться? Невозможно было сказать наверняка. Гас потер глаза, и в этот момент О'Тул сказал:

— Честное слово, я не из тех, кто бросает слова на ветер, но мне кажется, мы помаленьку отрабатываем назад.

Не успели эти слова сорваться с его губ, как зажужжал зуммер связи.

— Здесь «Анемон». Я занимаю позицию близ скальной стены, мне ее хорошо видно. Движение к югу прекратилось. Такое впечатление, что теперь мы движемся к северу, очень медленно, но устойчиво.

— Спасибо, «Анемон», — сказал Гас. — Хорошо. «Перивинкл», слышите меня?

— «Перивинкл» на связи.

— У вас на борту тяжелое крепежное оборудование. Следуйте к свободной секции моста и найдите второй трос на южной стороне. Повторяю, второй трос, с отметкой «три». Первый трос был заякорен, но его вырвало. Идите вниз вдоль троса до оранжевой полосы, зацепите его и постарайтесь закрепить на третьем якоре. Поняли меня?

— Уже идем.

Машины выбивались из сил; но под их могучим воздействием неподатливая громада моста, преодолевая напор течения, мало-помалу вернулась к исходному положению, где «Перивинкл» зацепил нужный

трос и затем закрепил его на дне. Только когда все тросы с южной стороны моста были заякорены, Гас разрешил устанавливать те, за которые они до сих пор тянули мост. И лишь после того, как первый из них был отбуксирован вниз и поставлен на место, Гас позволил себе расслабиться и глубоко вздохнул, чтобы унять дрожь.

«Один экипаж, одна субмарина погибла», — сказал он себе, когда память вернулась к нему после завершения борьбы, которой, казалось, не будет конца. Он не знал, что О'Тул и другие смотрят на него с благоговением и все согласно кивают в ответ на слова О'Тула.

— Вы сделали это, капитан Вашингтон, вы сделали это, несмотря на землетрясение. Никто другой не сделал бы — а вы сделали. Славные ребята погибли, да, но ни один человек не в силах был предотвратить их гибель. И теперь мост на месте, и больше не будет жертв. Вы сделали это!

IV

Конец эксперимента

— Саннингдэйл на линии, — проговорил швейцар клуба. — Если вам угодно, сэр, возьмите трубку в переговорной кабине.

Вашингтон кивнул и поспешил в кабину со стеклянной дверью и кожаным креслом у одной из обитых парчой стен. Динамик был вмонтирован в одно из крыльев спинки, прямо напротив уха, переключатель без труда отыскался под пальцами, на конце подлокотника; микрофон располагался возле губ. Вашингтон, усевшись, включил аппарат.

— Вы меня слушаете? Говорит Вашингтон.

— Гас, это вы? Как славно, что вы позвонили. Где вы?

— В моем лондонском клубе. Джойс, могу ли я попросить вас об одолжении?

Гас встречался с Джойс Бодмэн много раз; он часто приглашал ее на ленч, когда бывал в Лондоне. Дело в том, что она до сих пор поддерживала добрые отношения с Айрис. Джойс была счастлива замужем, но понимала, как жестоко страдает Гас, и, не дожидаясь расспросов, сама рассказывала ему об Айрис все, что знала, все, что успевало дойти до нее с момента их предыдущей встречи. Это было слабым утешением, но все же лучше, чем ничего не знать;

ленчи вдвоем доставляли им обоим радость, хотя об истинной причине встреч не говорилось никогда. На секунду в трубке возникла тишина, потому что Джойс ответила не сразу — до сих пор Гас никогда ни о чем ее не просил.

— Ну, разумеется. В пределах разумного, конечно; вы же знаете.

Теперь настал черед Гаса помолчать, ибо он ощущал определенную неловкость, высказывая желание подобного рода; он крепко сжал кулаки. Он должен сказать.

— Дело, разумеется, личное, вы наверняка догадались. Вы читаете газеты, так что знаете, что туннель вот-вот будет закончен; в сущности, я и в Лондоне-то лишь из-за этого, нужно уладить кое-что напоследок. Утром я отбываю в Нью-Йорк, это подхлестнет события, пробег первого поезда и все такое, но сначала надо все завершить здесь. То, что я хочу, я не могу сделать прямо, поэтому — не могли бы вы устроить мне встречу с Айрис?

Гас выпалил это скороговоркой и откинулся на спинку кресла; он — сказал, что хотел. Джойс засмеялась, и его лицо вспыхнуло; но она тут же поспешила объяснить.

— Извините меня, пожалуйста. Знаете, меня рассмешило совпадение, это просто удивительно. Вы помните вечер, когда мы в первый раз повстречались в Альберт-холле?

— Думаю, я никогда его не забуду.

— Да, я понимаю, но там был докладчик, философ и ученый, доктор Джуда Мендоза, со всеми этими своими теориями времени, такими милыми... Я ходила на все его лекции, иногда вместе с Айрис, и сегодня днем он будет у меня — небольшое суарэ; мадам Клотильда, медиум, тоже приглашена. Она

плохо работает перед большой аудиторией, а здесь все будет, как надо. Буквально несколько человек. В два часа. Айрис тоже придет.

— Прекрасно. Я ваш вечный должник.

— Полно! Так я могу на вас рассчитывать?

— Можете считать, что я уже у вас.

Кэбом Гас доехал до вокзала, поезд проворно повез его в один из пригородов столицы — погруженный в себя, Гас не замечал вокруг ничего. Что он мог сделать? Что мог сказать? Будущее было в руках сэра Айсэмбарда, а на утренней встрече сегодня он был таким же отчужденным, как и всегда — и это несмотря на завершение строительства! Возможно ли, чтобы он переменился? В состоянии ли он перемениться? Нельзя было ответить наверняка.

Был мягкий летний день; старые дома по обеим сторонам извилистой улочки утопали в ярких цветах, над цветами летали пчелы, натужно гудящие под бременем нектара. Дерево, покалеченное ветром; красные черепицы, зеленые газоны, синее небо — прекрасный день, но у Гаса было тяжело на сердце. Когда мир вокруг так спокоен, конец строительства близок, между ним и Айрис должна наступить полная ясность. Слишком много лет принесено в жертву; надо было с этим кончать.

Он позвонил, и горничная провела его в дом. А вот и Джойс, в длинном, до полу, платье, вышла подать ему руку.

— Айрис будет с минуты на минуту. Проходите и знакомьтесь пока с остальными.

Остальные были по большей части женщинами, ни одной из которых он не знал; Гас наскоро отбормотал положенные в таких случаях слова. Присутствовали там и двое мужчин, один — некий бородатый профессор с крошками еды на лацканах пиджака, сильным

немецким акцентом и тяжелым дыханием. Гас поспешно взял бокал хереса и подошел к другому мужчине — он тоже принадлежал к академическим кругам, но о нем Гас по крайней мере слышал: преподобный отец Олдисс*, ректор колледжа Всех Святых. Высокий, прямой, с внушительным носом и не менее внушительным подбородком, ректор не разменивался на какой-то там херес, в руке у него был большой бокал с виски. На короткий момент Гас удивился, не понимая, что здесь Олдиссу надо, но затем вспомнил, что, вдобавок к своей работе в колледже, ректор снискал немалую известность на литературном поприще как автор ряда завоевавших популярность научно-романтических произведений, которые он публиковал под псевдонимом Эрджентмаунт Браун. Наверняка его хлебом не корми — дай только послушать про параллельные миры. Они слегка побеседовали; ректор живо интересовался туннелем, и это был не интерес профана, он слушал внимательно и в ответ на объяснения Гаса кивал. Беседу прервало появление Айрис; Гас отрывисто извинился и пошел на встречу возлюбленной.

— Вы выглядите прекрасно, — сказал он, и это была истинная правда, ибо легкие морщинки в углах глаз делали Айрис еще привлекательнее, чем прежде.

— А у вас все в порядке? Туннель скоро будет завершен, отец сказал мне. Не могу передать, как я горда.

На людях они не в силах были сказать друг другу больше, но глаза Айрис говорили красноречивее слов, в них было все: неизбывное стремление, дни и ночи,

* Здесь, по-видимому, автор намекает на своего близкого друга, известного английского писателя-фантаста Брайана Олдисса.

одинокое, словно в пустыне. Он понял это, и обоим сделалось ясно: между ними ничто не переменилось. Времени хватило лишь на несколько вежливых слов, а потом их позвали — сеанс вот-вот должен был начаться. Окна оказались плотно завешены, так, что снаружи сочился лишь бледный полусвет. Расселись полукругом вокруг доктора Мендозы, который стоял перед ними спиной к камину, спрятав руки под фалдами фрака, словно ища тепла у остывшего очага, а еще больше располневшая мадам Клотильда спокойно возлежала на софе чуть позади. Мендоза громко покашлял, добиваясь полной тишины, погладил свою ермолку, словно желая проверить, на месте она или нет, погладил свою окладистую седую бороду, которая, конечно же, никуда не делась за эти годы, и начал:

— Я вижу здесь сегодня несколько знакомых лиц, но вижу также лица, которые мне неизвестны, поэтому я возьму на себя смелость разъяснить некоторые вещи, уже отмеченные нами в наших глубоких изысканиях. Существует один-единственный альфа-узел такой важности, что он далеко оставляет позади все остальные по своей роли в связях этого мира, каким мы его знаем, с другим миром, который мы пытаемся изучить и который тоже является, можно сказать, нашим миром, но таким, каким мы его не знаем. Этим альфа-узлом является ничтожный пастух Мартин Алайя Гонтран, убитый в 1212 году. В исследуемом нами другом мире, я называю этот мир Альфа-Два, тогда как наш, разумеется, Альфа-Один, пастух выжил, и мавры проиграли битву при Навас-де-Толоса. На той части Иберийского полуострова, которая известна нам как территория Иберийского халифата, возникло христианское государство, называемое Испанией, и еще одно, меньшее, называемое

Португалией. События ускорялись. Эти задиристые, крепкие страны расширяются, отправляют посланцев за моря, воюют там, лик мира меняется. Бросим теперь взгляд на Англию, ведь этот вопрос задают особенно часто — как там с Англией? Где были мы? Открыл ли Джон Кэбот Северную и Южную Америки*? Где наши храбрецы? Для мира Альфа-Два ответ кроется в подорвавшей силы Англии гражданской войне, которая весьма нелепо была названа — правда, точности деталей я не гарантирую — Войной Тюльпанов, хотя, возможно, и не так, мадам Клотильда не уверена, и Англия все же не Голландия... возможно, точнее будет сказать, Войной Роз**. Ресурсы Англии были истощены внутренними распрями, король Франции Людовик XI, доживший до весьма преклонных лет, постоянно вмешивался в английские столкновения...

— Людовик умер от сифилиса в девятнадцать лет,— пробормотал ректор Олдисс.

— Вот и хорошо,— доктор Мендоза высморкался в платок и продолжал: — Многое еще не нашло объяснения, и сегодня я надеюсь прояснить некоторые трудные моменты, поскольку я намерен постараться забыть историю и всех этих странных ацтеков и инков, говорящих по-испански и приводящих нас в совершенное замешательство; мы попробуем увидеть

* Джон Кэбот (а если точнее — Джованни Кабото) — итальянский мореплаватель, находившийся на английской службе; в 1497 году, через пять лет после Христофора Колумба, открыл материковую часть Северной Америки.

** Имеется в виду Война Алой и Белой Розы (1455-1485) — война за английский престол между двумя ветвями династии Плантагенетов — Ланкастерами (в гербе алая роза) и Йорками (в гербе белая роза).

мир Альфа-Два таким, каков он сегодня, в этом году, сейчас. Мадам, прошу вас.

Не издавая ни звука, аудитория следила, как доктор Мендоза совершает сложные пассы и произносит магические формулы, погружая медиума в транс. Мадам Клотильда легко заснула, сложив руки на груди и дыша ровно и глубоко. Но когда доктор попытался вывести ее на контакт с миром Альфа-Два, она, не приходя в себя, запротестовала, ее тело затряслось, задергалось, голова начала мотаться из стороны в сторону. Но доктор был настойчив в своих стараниях и не дал ее духу соскользнуть с пути, по которому он его направил; в конце концов воля Мендозы победила, мадам подчинилась.

— Говорите,— велел он, и этому приказу нельзя было не подчиниться.— Вы теперь там, в том мире, о котором мы размышляли и говорили, вы можете видеть его наяву, расскажите о нем, расскажите нам об Англии, о колониях, говорите, рассказывайте, описывайте, ибо мы хотим слышать. Говорите!

Она заговорила. Вначале это были бессвязные, вырванные из контекста слова и даже отдельные, не имеющие смысла слоги; но затем она начала описывать то, чего никогда не было.

— Урххх... урххх... пенициллин, нефтепродукты, закупочная пошлина... подоходный налог, налог с продажи, сибирская язва... Вулворт, Маркс и Спаркс... огромные корабли в воздухе, огромные города на земле, люди повсюду. Вижу Лондон, вижу Париж, вижу Нью-Йорк, вижу Москву, вижу странные дела. Вижу армии, они воюют, убивают, тонны, тонны, тонны бомб сверху на города и на людей, ненавидят друг друга, убивают друг друга, ядовитые газы, бактериологическая война, напалм, бомбы, громадные бомбы, атомные бомбы, водородные

бомбы, бомбы падают, люди дерутся, убивают умирают ненавидят это это это... АРРРРРРРГХ!

Рассказ закончился диким воплем, и тело мадам Клотильды, судорожно дернувшись, скатилось с софы, словно огромная тряпичная кукла, сброшенная ударом лапы невидимого зверя. Гас бросился было на помощь, но доктор Мендоза жестом остановил его, а из дверей кухни уже появился врач, явно находившийся там в ожидании на случай подобного припадка. Гас вновь уселся на стул и тут увидел перепуганное лицо, мелькнувшее в дверях позади. Хозяин дома, Том Бодмэн, с которым Гасу как-то доводилось встречаться, бросил один дикий взгляд на невообразимое действо, происходившее в его собственной гостиной, и убежал наверх. Вытирая лицо многоцветным своим платком, Мендоза заговорил опять.

— Мы больше не услышим ничего. Мадам не сможет даже приблизиться к этой сфере, она не выдерживает, и вы сами только что видели, почему. Ужасные, кошмарные силы! Услышав все это, мы, с крайней неохотой, вынуждены сделать некоторые умозаключения. Возможно, мир Альфа-Два вообще не существует, поскольку звучит все это ужасно, и мы просто не можем себе представить, как мир мог стать таким; не исключено поэтому, что здесь имеют место просто роковые видения, порожденные подсознанием медиума, подобные возможности мы должны постоянно иметь в виду при наших изысканиях. Мы стараемся проникнуть в дело глубже, если сможем, но, похоже, у нас мало надежды на успех, и уж давно — на установление контакта с тем миром, как я когда-то надеялся. Тщетная надежда. Нам следует быть довольными собственным миром, при всех его возможных несовершенствах.

— Больше вы не знаете никаких подробностей? — спросил ректор Олдисс.

— Немного. Я могу поделиться с вами, если хотите. Возможно, они больше подошли бы для научно-романтического произведения, а не для реальной жизни. Прежде всего, я хочу сказать, что вряд ли смог бы жить в подобном мире.

По всем углам зашелестел шепот согласия, а Гас воспользовался случаем и, взяв Айрис под руку, увел из комнаты через створчатое, до самого пола, так называемое французское окно в сад. Они не спешили под яблонями, ветви которых уже упруго обвисли под тяжестью обильных плодов; Гас быстро изгнал из памяти странный опыт, которому только что стал свидетелем, и заговорил о деле, которое было куда ближе к сердцу.

— Айрис! Вы выйдете за меня?

— Если бы я могла! Но...

— Ваш отец?

— Он все еще болен; он слишком много работал. Он нуждается во мне. Быть может, когда туннель будет построен, я увезу его куда-нибудь, где он перестанет изнурять себя.

— Я сомневаюсь, что это когда-либо произойдет.

Она согласно кивнула, а потом, безнадежно покачав головой, повернулась и взяла обе его руки в свои.

— Боюсь, что и я сомневаюсь. Гас, милый Гас, неужели после всех этих лет ожидания у нас все-таки нет будущего?

— Оно должно быть. Я поговорю с сэром Айсэмбардом после завершения праздничного пробега. С окончанием работ наши разногласия отойдут в прошлое.

— Для отца они никогда не отойдут в прошлое. Он человек непреклонный.

— Вы не оставите его, чтобы стать моей женой?

— Я не могу. Я не могу строить свое счастье на страдании другого.

Его логический ум согласился с нею; за эти слова он любил ее еще больше. Но в сердце своем он не мог снести решения, которое вновь их разделяло. Измученные, несчастные, они сплели руки в крепком пожатии и долго стояли так, вглядываясь в самую глубину глаз друг друга. На лице Айрис теперь не было слез — оттого, быть может, что она выплакала их давным-давно. Облако закрыло солнце, и сумрак пал на них и на их сердца.

V

Чудесный день

Что за день, что за славный день! Дети, видевшие его, вырастут с воспоминаниями, которые никогда не сотрутся, и, сидя будущими вечерами у огня, станут рассказывать другим, сегодня еще не родившимся детям о чудесах этого дня — а те только глазами захлопают от изумления. Солнце заливало праздничным сиянием Нью-Йоркский Сити-холл парк; под свежим бризом шелестела листва деревьев, а ребятня крутила обручи и весело носилась среди степенно прогуливающихся взрослых. Весь преобразенный мир оказался в миниатюре представлен в маленьком парке, когда удивительный повод собрал здесь праздничные толпы народа; давно, казалось бы, перевернутые страницы истории открылись вновь, когда на аллеях появились индейцы племени ленни-линэйп, следом — группа голландцев, ведь именно голландцы оказались когда-то настолько бесстрашными, чтобы попытаться основать здесь колонию задолго до того, как их вытеснили англичане; потом шотландцы, ирландцы — они приезжали сюда навсегда; переселенцы из всех-всех стран Европы. И снова, снова индейцы-алгонкины всех пяти племен, в своих пышных церемониальных одеяниях с длинными перьями на головных уборах; черноногие

и кроу с запада, пуэбло и пима с дальнего запада, ацтеки и инки с юга, неотразимые в своих многоцветных накидках из птичьих перьев, с торжественными топориками и боевыми дубинками, у которых, правда, вместо смертоносных обсидиановых шипов были лепестковые наклейки из черной резины; майя и представители сотен других племен и народов Южной Америки. Они прогуливались здесь, все вперемежку, беседовали, жестикулировали, с удовольствием озирались вокруг и покупали у уличных торговцев мороженое, маисовые лепешки, сосиски, тако, свирепый красный перец чили и уйму воздушных шариков, игрушек, бенгальских огней, флажков... Вот с лаем пробежала собака, а ее увлеченно преследуют мальчишки; вот первого пьяного сцапали голубые мундиры и препровождают в гостеприимный хмелеуборочный фургончик. Все шло, как по-писаному, и мир казался прекрасным.

Прямо у ступеней Сити-холла была воздвигнута торжественная трибуна, щедро украшенная флагами и даже с виду тяжелая от позолоты, утыканная микрофонами для выступающих и с вовсю наярывающими оркестрантами за их спинами. Пользующиеся случаем поговорить политические деятели неустанно напоминали о величии происходящего и о громадном собственном вкладе в это происходящее, но на них не очень-то обращали внимание; в каком-то смысле они создавали всего лишь шумовой фон сродни тому, который делали музыканты, с неиссякающим темпераментом игравшие в перерывах между речами. И те, и другие вызвали у толпы не более чем мимолетный интерес — хотя, конечно, звуки музыки доставляли людям определенное удовольствие; ибо все пришли сюда увидеть кое-что иное, более поразительное, более достойное сохраниться

в памяти, нежели политиканы и флейты. Поезд. Тот самый. Вот он, ярко сверкает на солнце. До середины Бродвей был засыпан песком, на песок уложили шпалы, на шпалы — рельсы, и ни одна душа не вздумала жаловаться на сбой в движении городского транспорта — потому что ночью по этим рельсам, пятясь, медленно прополз поезд, сопровождаемый марширующими по обе стороны от него солдатами, и встал здесь в ожидании рассвета. Вот он: перила смотровой площадки последнего вагона — вплотную к трибуне, вагоны четко выстроились на рельсах, отбрасывая солнечные блики, сверкая эмалью глубокого, словно океан, голубого цвета, оттененного возле окон белым; голубой и белый — официальные цвета туннеля. На каждом вагоне красовались блестящие, причудливо выписанные золотом буквы, гордо заявляя: «Трансатлантический экспресс». Но как ни привлекательны были эти вагоны, у локомотива толпа стояла гуще всего, прижавшись вплотную к ограждению и непроницаемым линиям солдат за ним — то были высокие, крепкие ребята из Первой Территориальной Гвардии, очень внушительные в своих ботинках до колен, офицерских походных ремнях «Сэм Браун» на поясах, с ритуальными томагавками у бедер, гусарскими киверами на головах и винтовками «на плечо»; по случаю важности происходящего штыки были примкнуты. Что это был за локомотив! Родной брат обслуживавшего английскую часть туннеля могучего «Дредноута», названный «Императором» — и вполне по праву, ибо его полированные, мощные, посеребренные наружные механизмы имели вид вполне императорский. Поговаривали, что создатель этой огромной машины получил докторскую степень Массачусетского Технологического Института, и, возможно, так оно и

было — ведь двигатель питался от атомного реактора, как у «Дредноута».

Начали прибывать счастливые пассажиры, машины их скапливались на очищенном от толпы участке у конца состава. Все они были богатыми, щедро оделенными судьбой людьми, влиятельными, красивыми; им-то и удалось добиться участия в праздничном пробеге. Восторженные крики раздавались всякий раз, когда показывалась какая-нибудь значительная персона и проводники помогали ей пройти к своему месту. Стрелки часов на башне Сити-холла все больше приближались к часу, на который было назначено отправление, волнение нарастало, хотя обрывки напыщенных фраз последних ораторов еще прокатывались над толпой. Со смотровой площадки поезда председатель правления компании Трансатлантического туннеля сэр Уинтроп выступал с речью, которой с некоторым интересом внимали те, кто стоял поближе, но которая была совершенно не слышна остальным. Вдруг в задних рядах возникло какое-то движение, несколько голосов принялись скандировать сначала неразборчиво, а потом, по мере того, как к ним присоединялись другие, все громче и громче, пока наконец напрочь не заглушили оратора:

— Ваш-инг-тон! Ваш-инг-тон! Ваш-инг-тон!

И сильнее, и сильнее, теперь это кричали буквально все; сэр Уинтроп, уступая желанию народа, улыбнулся и жестом позвал Огастина Вашингтона к микрофону. Восторженные крики отразились эхом от стоявших по сторонам высотных зданий с такой силой, что разжиревшие голуби облаком взметнулись с земли, и встревоженная стая заматалась над толпой. Шум нарастал, становился громче — но вот Вашингтон поднял руки над головой, и сразу все стихло.

Теперь наступила настоящая тишина, ибо люди хотели слышать его и запомнить каждое слово — ведь он был героем дня.

— Братья американцы! Сегодня — день Америки. Этот туннель рыли, бурили и строили американцы, каждую милю до станции на Азорах. Американцам выпало и умирать во время строительства, но это была достойная смерть, потому что мы делали то, чего не делал еще никто, строили то, чего никогда не существовало до нас, и добились победы, какой никто еще не добивался. Это — ваш туннель, ваш поезд, ваш успех, потому что без железной воли американского народа, которая поддерживала нас, все это никогда не стало бы реальностью. Я приветствую вас, и благодарю вас, и говорю вам: всего доброго.

Крикам, которые разразились затем, не было конца, и даже те, кто стоял рядом, ни слова не смогли разобрать из речи генерал-губернатора американских колоний, что, в конце концов, вряд ли было трагедией. Когда он добрался до конца своей речи, вперед выступила его супруга, сказала несколько приличествующих моменту слов и затем разбила бутылку шампанского о корпус локомотива. Только оглушительный звук свистка «Императора» восстановил тишину; люди, стоявшие рядом с ним, зажали руками уши. Теперь стали слышны бесчисленные громкоговорители, установленные на столбах вокруг парка, они доносили далекие звуки, которым вторили такие же звуки здесь: радиопередача шла прямо с Паддингтонского вокзала в Лондоне.

— Просьба занять места! — повторил кондуктор в Нью-Йорке; свистки проводников перекликались через Атлантику. Люди теперь притихли, слышалась только шумная суета последних приготовлений перед

отправкой: хлопанье дверей, громкие распоряжения, снова свистки — пока, наконец, как только стрелки часов указали время отправления, не были опущены тормоза, и низкий металлический лязг не возвестил, что два поезда начали свое плавное движение. Тут уж не осталось никакой сдержанности, толпа докричалась до хрипоты, и многие еще долго бежали за удаляющимся поездом, что было сил размахивая руками вслед. Вашингтон и все, кто был рядом с ним, махали в ответ, стоя под прозрачным колпаком, который, как только поезд тронулся, был опущен над смотровой площадкой. Путешествие началось.

Стоило поезду нырнуть в туннель под Гудзоном, Гас прошел в вагон-бар, где его встретили громкими приветственными возгласами, аплодисментами и широким выбором протянутых ему навстречу бокалов, из которых он согласился принять один или два. Однако, когда состав вылетел наружу в Куинсе, Гас извинился и ушел в свое купе, где был приятно удивлен, обнаружив его пустым; остальные явно были в переполненном баре, который Гас только что покинул. Ему же было приятнее посидеть у окна, за которым мелькали маленькие домики, потом луга и фермы Лонг-Айленда; мысли и воспоминания мелькали с той же калейдоскопической быстротой. Работа сделана — это невозможно было себе представить. Все люди, и все сотни тысяч часов страшных усилий, поглощенные ею; туннельные секции и полотно, подводная укладка, операции субмарин, мост, конечная станция... Все кончилось. Лица и имена всплывали в памяти нескончаемой чередой, и если бы Гас дал волю своей усталости, то был бы просто раздавлен. Но нет, его поддерживал на плаву успех, осязаемый успех. Трансатлантический туннель, наконец-то!

Проламывая воздух, поезд канул в отверстие туннеля в Бриджхэмптоне и понесся дальше под атлантическим мелководьем. Быстрее и быстрее, словно мысли Гаса, — до тех пор, пока, снова сбрасывая ход, «Император» не вылетел под лучи солнца у станции Грэнд-бэнкс, где по другую сторону платформы уже дожидались цилиндрические вагоны «глубоководного» поезда. Пассажиры обычного рейса просто перешли бы из одного состава в другой, багаж их, заключенный в специальные контейнеры, за это время тоже бы перенесли, это было делом нескольких коротких минут. Но сегодня для стоянки был отведен целый час, чтобы участники праздничного пробега могли осмотреться на искусственном острове. Гас уже не раз видел причалы, где рыбацьи катера выгружали улов, депо, пакгаузы, поэтому он просто перешел платформу и снова уселся сам по себе, все еще обураваемый мыслями, — а тут и гомонящие пассажиры постепенно начали возвращаться и занимать свои места, охая при виде роскошной обстановки, ахая, когда пневматические двери, коротко свистнув, самостоятельно скользнули в пазах и герметично закрылись. Прежде всего здесь обращали на себя внимание массивные клапаны и сверкающая полированной сталью камера, которая в действительности была воздушным кессоном. Стоило дверям закрыться за пассажирами, заработали насосы, откачивая воздух из пространства вокруг поезда, так что вскоре весь состав завис в глубоком вакууме без какой бы то ни было опоры. Лишь тогда открылись створки герметичного люка в другом конце, и обтекаемая серебристая змея скользнула в вакуумированный туннель впереди. Начался разгон. Внутри поезда ничто даже не намекало на дикую быстроту перемещения, и это было к лучшему, потому что, скатившись с

возвышенности Лаврентия по скалистому склону, поезд набрал предельную скорость, что-то около 2000 миль в час. Но поскольку снаружи ничего не было видно, пассажиры вскоре утратили интерес к происходящему и принялись гонять резвых официантов за выпивкой, закусками, а некоторые, совсем уж заскучив и не находя иного способа развлечься, решили перекинуться в картишки. Но Гас как наяву видел перед собою окружающий пейзаж — выемку, тянущуюся по дну океана к великой зоне разломов, и плавучий мост в середине. Хорошие люди погибли здесь — а теперь поезд летит по туннелю, через мост, а чуть позже уже начинает подниматься к Азорской станции и снова wpłyвает в кессон, только на этот раз воздух снаружи впускают.

Пассажиры знать не знали, что бег двух поездов направлялся компьютером Брэббеджа, который отвел определенное время для обеих стоянок на промежуточных станциях и затем так регулировал скорость, что сейчас, когда американский состав Трансатлантического экспресса скользил к платформе, с другой стороны к той же платформе подплывал английский состав; синхронизация встречи посреди океана прекрасно удалась Брэббеджу, тормозные колодки обоих поездов опустились в один и тот же миг.

Остановка здесь предусматривалась сравнительно короткая, буквально для нескольких речей; затем поезда снова должны были пойти своими маршрутами. Гас смотрел на состав напротив, на приветственно машущих людей в его окнах, и в этот момент прикосновение к плечу заставило его обернуться, и он встретился взглядом с человеком в форме проводника.

— Не могли бы вы пойти со мной, капитан Вашингтон?

Сразу ощутив в его голосе крайнее беспокойство, Гас без колебаний кивнул и поднялся, надеясь, что соседи не слышат; но те были слишком увлечены новыми ощущениями и общим возбуждением, чтобы быть настолько внимательными. Вслед за проводником Гас спустился на платформу и там немедленно осведомился, в чем дело.

— Я не уверен, сэр, но что-то с сэром Айсэмбардом. Мне велено привести вас к нему как можно скорее.

Они поспешили к поезду, замершему в ожидании, — и там он увидел Айрис; схватив Гаса за руку, она повела его по коридору подальше от чужих ушей.

— Отец... У него снова приступ. И он хотел видеть вас. Доктор опасается, что... — она не смогла договорить; слезы, которые она с таким достоинством сдерживала до сих пор, прорвались. Гас осторожно коснулся своим платком ее глаз и проговорил:

— Проводите меня.

Сэр Айсэмбард был в купе один, если не считать суетившегося врача; шторы были опущены. Вошли — и, едва бросив взгляд на укутанное шерстяным одеялом тело, Гас понял, что дела действительно плохи. Великий инженер выглядел теперь маленьким и совсем старым; он лежал, закрыв глаза, приоткрыв рот и коротко, часто дыша; губы его посинели. Врач делал укол в бессильно лежащую руку, и им пришлось молча ждать, когда он закончит.

— Папа,— выговорила, наконец, Айрис — но больше ничего не смогла сказать. Его глаза медленно приоткрылись, и, прежде чем заговорить, он долго вглядывался в ее лицо.

— Подойдите... оба... подойдите. Доктор, нет сил... совсем нет сил...

— Так и должно быть, сэр. Вы должны понять...

— Я понимаю, что я должен как-нибудь сесть... чтобы я мог говорить. Укол, вы знаете, что мне нужно.

— Любые стимуляторы в такой момент абсолютно исключены.

— Смешно, что вы говорите... они убьют меня. Так ведь все равно умирать... дайте мотору постучать чуть дольше — вот все, что я прошу.

Врач заколебался лишь на миг. Приняв решение, он повернулся к своей сумке и стал готовить шприц. Айрис и Вашингтон молча дождались окончания процедуры и увидели, как на щеках больного чуть проступила краска.

— Так гораздо лучше,— проговорил сэр Айсэмбард, пытаясь сесть.

— Самообман,— настойчиво сказал доктор.— Потом...

— Потом будет потом,— проговорил сэр Айсэмбард сварливо, как встарь.— Я положительно собираюсь досмотреть праздничный пробег до конца, доктор, и я это сделаю, если вы не лишите меня внимания ваших чертовых иголок. Теперь побудьте снаружи, пока мы не достигнем станции Грэнд-бэнкс, там мне понадобится ваша помощь, чтобы перейти из поезда в поезд,— он подождал, пока дверь за врачом закроется, и повернулся к Гасу.— Я свалил дурака, я это сообразил, наконец.

— Сэр...

— Не перебивайте. Туннель построен, и все воды к нашей вражде исчерпали себя. Если они вообще когда-то были, вот в чем штука. Сейчас, когда я стал ближе к своему создателю и к жизни вечной, я вижу, что, наверное, все беды по большей части были вызваны моим неверием в ваши способности. Если так, простите меня. Куда важнее, что из-за

своего эгоизма я заставил страдать двух других людей, и за это я особенно прошу прощения. Было время, когда я знал, что вы оба хотите обвенчаться. А сейчас?

Быстрым кивком Айрис ответила за двоих; ее рука несмело нащупала руку Гаса.

— Быть посему. Следовало сделать это много лет назад.

— Я не могу и не хочу оставить вас, отец. Я так решила.

— Чушь. побыстрее выходи за него, и не беспокойся, что тебе еще хоть сколько-нибудь придется обо мне заботиться.

— Нет!

— Да. Так лучше. Человек может либо строить из себя дурака на смертном одре, либо признать, что он был дураком прежде. После этого ему лучше умереть. Теперь позовите врача, мне опять нужна его помощь.

В его хрупком теле жила могучая воля, которая единственно позволяла ему до сих пор сохранять ясность сознания; приступ должен был бы сразить его куда раньше. Медицина помогала ровно настолько, насколько она способна; но поддерживал великого инженера его несокрушимый дух. На станции Грэнд-бэнкс уже поджидали носилки; его перенесли в другой поезд, и остальных пассажиров поторопили с пересадкой, времени на осмотр острова на этот раз не было предоставлено. И снова в черную пасть туннеля — а сэр Айсэмбард неподвижно смотрел прямо перед собой, как если бы все его силы уходили на то, чтобы продолжать дышать и жить; да, наверное, так оно и было. Спустя несколько минут дверь открылась, и Гас, покосившись, поспешно вскочил, в то время как Айрис склонилась в реверансе перед молодым человеком, стоявшим в проеме.

— Пожалуйста, не утруждайтесь,— проговорил он.— Мы все очень обеспокоены за сэра Айсэмбарда. Как он?

— Хорошо, насколько это возможно в его состоянии, Ваше Высочество,— ответил Гас.

— Прекрасно. Капитан Вашингтон. Если у вас есть свободная минутка, прошу вас. Моя матушка хотела бы поговорить с вами.

И они вышли вместе, в то время как Айрис села подле отца, согревая ладонями его холодную руку, и сидела так, покуда Гас не вернулся. Один.

— Ну? — спросил сэр Айсэмбард, открывая глаза на звук его шагов.

— Действительно, прекрасная женщина. Всех нас поздравляет с завершением работы. Затем упомянула о возведении в рыцарское достоинство...

— О, Гас!

— ...от которого я отказался, заявив, что есть кое-что, чего я хочу гораздо больше, кое-что для моей страны. Она вполне поняла. Оказывается, после начала туннельных работ был проведен целый ряд консультаций по вопросу о независимости и, очевидно, министр иностранных дел, лорд Эмис, постоянно поддерживает королеву: по ее словам, он даже заявил как-то раз, что видел в колониях больше хорошего, чем за все время в Англии. Похоже, с той поры, как под землей завертели колеса, колесо фортуны повернулось наконец в сторону независимой Америки!

— О, Гас, дорогой, тогда все получится! То, чего ты всегда так хотел!

— Надо было соглашаться на титул, а чертовы колонии пусть разбираются сами...

Сэр Айсэмбард смотрел в окно и молча терпел, пока они целовались долго и страстно; наконец, словно

что-то лопнуло снаружи, обрушился яркий свет — тьма туннеля кончилась, и за стеклом поплыли зеленые картофельные поля Лонг-Айленда.

— Вот так,— сказал сэр Айсэмбард с удовлетворением и пристукнул тростью по полу.— Вот так! Трансатлантический туннель, поперек всего океана. Чудесный день.

Улыбаясь, он прикрыл глаза — и больше их уже не открывал.

ЭПИЛОГ

Над зелеными просторами Чешира летел радостный звон колоколов. Заслышав этот чарующий благовест, никто не мог сдержать своих чувств. Сама церковь Балкли, древняя, поседевшая громада еще норманнской постройки, расположенная близ родового поместья семейства Брэсси Балкли-Олд-холл, утопала среди цветников и живых изгородей, только колокольня ее виднелась с дороги. За нею прятался наполненный мягким светом и сладким запахом тщательно ухоженных роз дворик — сейчас здесь стояли трое друзей, и двое из них, мужчины, пожимали друг другу руки.

— Я никогда не смогу по-настоящему отблагодарить тебя, — сказал Гас Вашингтон.

— Чушь! — ответил Алек Даррел. — Постоять за твоей спиной мне только в радость. Никогда в жизни не был шафером — по правде сказать, я и в церкви-то не был все эти годы. Во всяком случае, масса удовольствий. Внеочередная увольнительная, лишний кредит у моего портного на этот утренний костюм, он всегда пригодится. И возможность поцеловать невесту... Что это я, в самом деле? Впрочем, стоит попробовать еще разок.

И, действительно, взял и попробовал — а глаза Айрис сияли, и она смеялась, не сдерживаясь,

воздушное облачко белизны и кружев, счастливая, как может быть счастлива только невеста.

— Ты уверен, что не хочешь остаться на вечерний прием?

— Положительно уверен. Хотелось бы, конечно, но долг превыше всего. Со старой кенгурихи «Королевы Елизаветы» я списался, много чести болтаться над Атлантикой взад-вперед. Может, думаю, под ней лучше? Сунулся в твой туннель, но там, как везде, ничего, кроме машинного, не увидел. Взяться за старое, думаю — ну, и взялся, шиллинг королевы и всё такое; они были чертовски рады заполучить меня обратно.

— Королевским ВВС без тебя никак,— засмеялся Гас.

— А ты как думал? — Алек понизил голос и оглянулся по сторонам.— Между нами, старик,— ты ж газеты читаешь, знаешь обо всех этих очагах напряженности на континенте. Честное слово, от иностранцев одни неприятности. Эти саксонцы опять, они не лучше пруссаков, только французам уступают, да и то не всегда. Продают снаряды туда-сюда через Рейн, а всем и горюшка мало, пока они рвут свинарники и всякое такое. Но тут они шарахнули своими ВВ по курортным городам, фасад отеля снесли. Ты не поверишь, но там же наши жили. Их эвакуировали, конечно, но все же. Вот для чего нужны линкоры, как кто-то сказал.

Они проводили его до самых садовых ворот, где, обменявшись с Гасом рукопожатием, он позволил себе еще раз чмокнуть невесту — достаточно внезапно, так что никто не успел возразить.

— Я сейчас на «Инвинсибле» — родном братце старины «Кэрэйджеса», они вроде как совсем одинаковые, но «Инвинсибл» все-таки на десять лет

современнее, как ни крути. Четыре кочегара в машинном, так что вполне можем обиходить топку вручную, если автоматика полетит. Винты вращают четырнадцать паровых турбин, по семь на крыло. Все характеристики засекречены, но, я тебя заверяю, старик, это кое-что. Чертова уйма вооружения. Легкие и тяжелые пулеметы, легкая турельная пушка наверху сдвоенного хвоста, два безоткатных семидюймовых орудия на турелях в носу. Подожди, вот как полетит он над старым Рейном, как положит пару-тройку залпов вокруг их лодчонок — они еще дважды подумают перед тем, как обстреливать англичан!

Он зашагал по тропинке, с армейским шиком откидывая плечи назад, затем обернулся, чтобы с абсолютно штатской улыбкой помахать счастливой паре, не разжимая объятий глядевшей ему вслед, и крикнул:

— Да, хотел поздравить тебя с независимостью твоей Америки. Это здорово. Почему ты не пошел в президенты, Гас? Президент Вашингтон звучит не ново, но приятно. Пари, что у тебя получится. Вперед!

Насвистывая, он дошел до поворота и скрылся из виду.

СОДЕРЖАНИЕ

Вводная.....	5
---------------------	----------

Информариум.....	7
-------------------------	----------

КНИГА ПЕРВАЯ

Воссоединение материков начинается

I. Срочное послание и опасный момент.....	21
II. Важное решение	36
III. Королевский Альберт-Холл.....	61
VI. На воздушном корабле	69
V. Наемный убийца	85
VI. В львином логове.....	94

КНИГА ВТОРАЯ

На дне морском

I. Путешествие из ряда вон.....	115
II. Отметка 200	163
III. Нежданная встреча.....	188

КНИГА ТРЕТЬЯ

Шторм

I. Ангра-ду-Эроижму.....	197
II. Заговор раскрыт.....	210
III. Опасности бездны.....	239
IV. Конец эксперимента.....	257
V. Чудесный день.....	267

Эпилог	280
---------------------	------------

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ОВЕРСАН

Читайте в серии:

РОБЕРТ Э. ХАЙНЛАЙН

ЛУНА ЖЕСТКО СТЕЛЕТ

Перевод с английского
Ал.Ал.ЩЕРБАКОВА

«Луна жестко стелет» — вот фраза, выражающая суть знаменитого романа Роберта Э.Хайнлайна, удостоенного в 1966 году премии «Хьюго»:

1) «Луна жестко стелет» — это книга о всемирном ГУЛАГе, устроенном в XXI веке на ближайшей спутнице Земли — Луне. Жители лунных городов — мужчины и женщины, фермеры и рабочие — все они потомки зеков и ссыльнопоселенцев, которых злая судьба навсегда приковала к негостеприимной лунной поверхности. Жизнь на Луне — это жестокие нравы, странные обычаи, своеобразная речь, вобравшая в себя уголовный жаргон и колоритные словечки едва ли не всех народов Земли.

2) «Луна жестко стелет» — это книга о революции, тщательно подготовленной и блистательно проведенной группой заговорщиков, возглавляемых разумным суперкомпьютером. В результате восстания власть Вертухая — жестокого диктатора, правившего Луной и ее обитателями во славу «Главлуны» — специального комитета ООН, свергнута.

3) «Луна жестко стелет» — это книга о тяжелейшей войне, которую правители Земли навязали стремящимся к независимости лунным жителям. О войне в космосе: с одной стороны — космические крейсера и прекрасно обученные отряды спецназовцев-коммандос, с другой — жалкие ручные лазеры и примитивные катапульты, выбрасывающие в сторону Земли огромные каменные глыбы. А также и прежде всего: воля к победе и желание быть свободным!

Воистину сказано: «Луна жестко стелет»!

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ОВЕРСАН

Читайте в серии:

ТОМАС М. ДИШ

ЭХО ПЛОТИ ТВОЕЙ

Перевод с английского
Михаила ПЧЕЛИНЦЕВА,
Святослава ЛОГИНОВА

К концу XX века в мире сложился примерный баланс сил. Советские ракеты с военных баз на Луне легко и свободно могли достичь любого места на Земле. Зато у американцев имелась военная база на Марсе, откуда они были способны ответить ударом на удар, не особенно заботясь о точности прицела. Или же нанести удар первыми. Благодаря выдающемуся открытию доктора Пановского — передатчику материи — этой проблемы для них отныне не существовало.

Капитан Натан Хэнзард, вступая в камеру передатчика материи, не особенно задумывался о том, какой приказ находится у него в «дипломате». Не задумывался он и о том, что происходит с человеком, чье тело, разложенное на атомы, одним стремительным скачком оказывается в другом месте. Что ж, очень скоро ему предстояло убедиться, что мир — это не огромная казарма, в которой все просто и понятно, что превыше любых приказов могут быть физические законы, а превыше физических законов — человеческие совесть и любовь.

Роман американского писателя Томаса М. Диша «Эхо плоти твоей» — яркий образец «фантастики новой волны»: необычные приключения обычных героев в «мире, которого не может быть».

Гаррисон Гарри

- Г 21 Да здравствует Трансатлантический
туннель! Ура!** Фантастический роман. / Пер. с
англ. В.Рыбакова; Суперобл. и ил. Т.Опритовой.
— СПб.: Terra Fantastica; Компания «Корвус»,
1993. — 284 с., ил. — (Б-ка фантастики
«Оверсан»).

ISBN 5-7921-0014-4

«Да здравствует Трансатлантический туннель! Ура!» — своеобразный литературный эксперимент, поставленный американским писателем Гарри Гаррисоном: это и динамичный, увлекательный боевик в жанре альтернативно-исторической фантастики, и изящная стилизация под прозу викторианской эпохи, наконец, просто веселая пародия на научно-техническую фантастику «жюльерновского» толка. Сюжет романа вращается вокруг строительства Трансатлантического туннеля, который должен связать Британию и ее американские колонии, так и не ставшие Соединенными Штатами Америки.

Роман Гарри Гаррисона продолжает книжную серию издательства «Terra Fantastica» — «Библиотека фантастики «Оверсан».

ББК 84.7 США
Г. 21

Гарри Гаррисон
**ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ТУННЕЛЬ!
УРА!**

Фантастический роман

Менеджеры *А.А.Кривцов, Н.Ю.Ютанов*
Ответственный редактор *А.Е.Чертков*
Редактор *А.В.Етоев*
Художественный и технический
редактор *А.С.Белокрылов*
Корректоры *А.Н.Деев, Л.И.Филиппов*

Сдано в набор 12.10.1992. Подписано в печать
22.01.1993. Формат 70х100/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 11,63. Уч.-изд.л. 10,00.
Тираж 50 000 экз.
Заказ № 187

Издательство «Terra Fantastica» Компании «Корвус»:
190068, Санкт-Петербург, Вознесенский пр., 36-4.
Фабрика «Детская книга» № 2 Министерства печати
и массовой информации Российской Федерации:
193036, Санкт-Петербург, 2-я Советская, 7.

